

БИБЛИОТЕКА  
Российского государственного  
гуманитарного университета  
125267, г. Москва,  
Миусская пл., в

727-03

ISBN 5-7281-0382-0

© Г.М. Дашевский, перевод  
с немецкого, 2002  
© Российский государственный  
гуманитарный университет, 2002

/f/w - "чрезвычайное" . . . . .	Уі
Матфей, 6: О скрытое™ христианской жизни . . . . .	100
Скрытая праведность . . . . .	100
(скрытость молитвы . . . . .	105
(скрытость правил благочестия . . . . .	ПО
Простота беззаботной жизни . . . . .	112
Матфей, 7: Отделение общины учеников . . . . .	И9
Ученик и неверующие . . . . .	119
Великое разделение . . . . .	124
Заключение . . . . .	130
Ні і і піки (Мф. 9, 35-Ю, 42). . . . .	133

## II

### Церковь Иисуса Христа и хождение вслед

Предварительные вопросы . . . . .	149
Крещение . . . . .	152
Іно Христово . . . . .	158
Нидимая община . . . . .	168
< пятье . . . . .	187
()Праз Христа . . . . .	209
/ Шульц. Послесловие . . . . .	215
Томатический указатель . . . . .	225

ББК 86.378  
Б 76

200  
Б81

Ответственный редактор  
*С. Тищенко*

Художник  
*М. Гуров*

Перевод выполнен  
при финансовой поддержке Института Гёте

БИБЛИОТЕКА  
Российского государственного  
гуманитарного университета  
125267, г. Москва,  
Миусская П., 6

727-03

ISBN 5-7281-0382-0

© Г.М. Дашевский, перевод  
с немецкого, 2002  
© Российский государственный  
гуманитарный университет, 2002

## СОДЕРЖАНИЕ

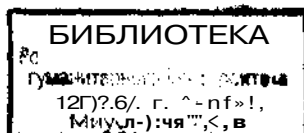
Пре <i>Предисловие</i>	7
I	
<i>Дорог</i> Дорогая милость	13
<i>Призыв</i> иди вслед	25
<i>Прос</i> Простое послушание	44
<i>Хожде</i> Хождение вслед и крест	50
<i>Хожде</i> Хождение вслед и одиночество	57
Нагорная проповедь	64
Матфей, 5: О "чрезвычайном" в христианской жизни	64
<i>Блаженства</i>	64
<i>Видимая община</i>	71
<i>Праведность Христа</i>	75
<i>Брат</i>	80
<i>Жена</i>	83
<i>Правдивость</i>	85
<i>Возмездие</i>	89
<i>Враг — "чрезвычайное"</i>	93
Матфей, 6: О скрытости христианской жизни	100
<i>Скрытая праведность</i>	100
<i>Скрытость молитвы</i>	105
<i>Скрытость правил благочестия</i>	110
<i>Простота беззаботной жизни</i>	112
Матфей, 7: Отделение общины учеников	119
<i>Ученик и неверующие</i>	119
<i>великое разделение</i>	124
<i>Заключение</i>	130
Вестники (Мф. 9, 35-10, 42)	133
II	
Церковь Иисуса Христа и хождение вслед	
Предварительные вопросы	149
Крещение	152
Тело Христово	158
Пилимая община	168
Святые	187
Образ Христа	209
<i>Шулца</i> . Послесловие	215

ББК 86.378  
Б76

Ответственный редактор  
*С. Тищенко*

Художник  
*М. Гуров*

Перевод выполнен  
при финансовой поддержке Института Гёте



727 03

ISBN 5-7281-0382-0

© Г.М. Дашевский, перевод  
с немецкого, 2002  
© Российский государственный  
гуманитарный университет, 2002

## СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	7
I	
Дорогая милость	13
Призыв идти вслед	25
Простое послушание	44
Хождение вслед и крест	50
Хождение вслед и одиночество	57
Нагорная проповедь	64
Матфей, 5: О "чрезвычайном" в христианской жизни	64
<i>Блаженства</i>	64
<i>Видимая община</i>	71
<i>Праведность Христа</i>	75
<i>Брат</i>	80
<i>Жена</i>	83
<i>Правдивость</i>	85
<i>Возмездие</i>	89
<i>Враг — "чрезвычайное"</i>	93
Матфей, 6: О скрытости христианской жизни	100
<i>Скрытая праведность</i>	100
<i>Скрытость молитвы</i>	105
<i>Скрытость правил благочестия</i>	110
<i>Простота беззаботной жизни</i>	112
Матфей, 7: Отделение общины учеников	119
<i>Ученик и неверующие</i>	119
<i>Великое разделение</i>	124
<i>Заключение</i>	130
Вестники (Мф. 9, 35-10, 42)	133
II	
Церковь Иисуса Христа и хождение вслед	
Предварительные вопросы	149
Крещение	152
Тело Христово	158
Видимая община	168
Святые	187
Образ Христа	209
<i>Г. Шульц</i> . Послесловие	215
Тематический указатель	225

## *ПРЕДИСЛОВИЕ*

Но времена церковного обновления мы открываем в Священном Писании новые богатства. За злободневными и боевыми лозунгами церковных споров слышно, как растет тяга к Тому, кто единственно важен: к самому Иисусу. Что хотел нам сказать Иисус? Чего Он хочет от нас сегодня? Как Он сегодня помогает нам быть верными христианами? В конце концов нам не важно, чего хочет тот или иной церковник; чего хочет Иисус — вот что мы хотим знать. Идя к проповеди, мы хотим слышать Его собственное слово. И значит, речь не только о нас самих, но и обо всех тех (а таких немало), кому стала чужда Церковь и ее весть. И мы убеждены, что совсем не те, что теперь, люди слушали бы слово и совсем не те от него бы отворачивались, будь в проповеди среди нас сам Иисус и только Он со своим словом. Не то чтобы проповедь нашей Церкви переставала быть словом Божиим, но сколько фальшивых звуков, сколько человеческих, суровых законов и ложных надежд и утешений еще замутняют чистое слово Иисуса и мешают подлинному решению! И разве вина лишь на других — на тех, кому наша проповедь кажется трудной и тягостной? Мы, разумеется, хотим, чтобы она была исключительно проповедью Христа, но ведь ее действительно отягощают формулы и понятия, чуждые этим людям. Поэтому неверно, будто всякое слово, направленное сегодня против нашей проповеди, есть уже отказ от Христа, есть антихристианство. Неужели мы и

впрямь решимся отрицать нашу общность с теми (а их сейчас так много), кто, придя на нашу проповедь, желая ее слушать, должен снова и снова удрученно признаваться, что из-за нас ему слишком трудно подойти к Иисусу? Они думают, что не от слова Иисуса они отшатываются, но что между ними и Иисусом замешалось слишком много человеческого, организационного, доктринального. Сегодня у любого из нас есть наготове все возможные ответы, с помощью которых легко уйти от ответственности за этих людей. Но разве не лучше было бы спросить самих себя: не мы ли сами часто преграждаем путь слову Иисуса, слишком сильно привязываясь к некоторым формулам; к известному типу проповеди, который приспособлен к своему времени, месту, общественному устройству; проповедуя чересчур "догматически" и очень редко - "жизненно"; охотно повторяя одни места Писания и пропуская другие — не менее важные; слишком часто проповедуя собственные мнения и убеждения и слишком редко — самого Иисуса Христа? Ничто так не противоречит нашим собственным намерениям, ничто так не губительно для нашего "провозвестия", как то, что мы обременяем тяжкими человеческими преданиями тех тружущихся и обремененных, которых призвал к себе Иисус, — и тем самым отталкиваем их от Него. Как хулился из-за этой любви Иисуса Христа у язычников и христиан! Но раз здесь бессильны абстрактные вопросы и самообличения, то обратимся к Писанию, Слову и призыву самого Иисуса Христа. Здесь, покинув бедность и тесноту наших убеждений и вопросов, будем искать простора и богатства, дарованных нам в Иисусе.

Мы будем говорить о призыве идти за Иисусом. Не возложим ли мы при этом на человека новое, еще более тяжелое иго? Не прибавится ли к человеческим преданиям, под которыми стенают души и тела, еще более трудное, более неумолимое? Не вонзится ли от напоминания о призыве идти вслед Иисусу новое, еще более острое жало в и без того запуганную и раненную совесть? Не прозвучат ли в который уже раз в истории Церкви невыполнимые, мучительные, эксцентричные требования, выполнение которых могло бы составить благочестивую роскошь немногих, но которые должен отвергнуть как безбожнейшее искушение Бога человек трудящийся, заботящийся о хлебе, о работе, о семье? Не идет ли речь о

духовном деспотизме Церкви, которая, грозя земными и вечными карами, самовластно решала бы и приказывала, что человеку делать и во что верить, чтобы спастись? Не принесет ли слово Церкви новую тиранию и насилие над душами возможно, кто-то и тоскует по такому рабству. Но разве Церковь может служить таким желаниям?

Призывая идти вслед Иисусу, Священное Писание возвещает освобождение человека от всех человеческих преданий, от всего, что гнетет и отягощает, тревожит и мучит совесть. Идя вслед Христу, люди переходят из-под сурового ига своих собственных законов под благое иго Иисуса Христа. Наносится ли этим ущерб строгости заповедей

Иисуса? Нет, и напротив лишь там, где сохраняет полную силу заповедь Иисуса и призыв к безусловному хождению вслед, возможно полное освобождение человека для соединения с Иисусом. Кто нераздельно следует заповеди Иисуса, кто не противясь возлагает на себя его иго, тому легко бремя, которое надо нести, тот в благом гнете этого ига черпает силу идти верным путем не изнемогая.

Заповедь Иисуса сурова, нечеловечески сурова для того, кто ей противится. Заповедь Иисуса блага и не тяжело

для того, кто ей вольно покоряется. "Заповеди его не тяжки" (1 Ио. 5, 3)\*. Заповедь Иисуса не имеет ничего общего с принудительным лечением души. Иисус ничего от нас не требует, не дав нам силы это исполнить. Заповедь Иисуса не разрушает жизнь, но хранит, укрепляет, лечит.

Но все же нас смущает вопрос, что сегодня может значить призыв идти вслед Иисусу для рабочего, коммерсанта, фермера, солдата; вопрос, не вносится ли нестерпимый раскол в бытие работающего в мире человека и христианина? Не предназначено ли христианство хождения вслед для слишком немногих? Принять его — не значит ли оттолкнуть огромные массы людей, пренебречь слабыми и бедными? Не отрицается ли тут великое милосердие Иисуса Христа, пришедшего к грешникам и к мытарям, к бедным и к слабым, к заблудившимся и к отчаявшимся? Что на это ответить? Мало или много тех, кто принадлежит Иисусу? Иисус умер на кресте один, покинутый учениками. Рядом с Ним были распяты не двое верных, а два

\* Здесь и далее цитаты из Ветхого и Нового Завета приводятся, по синодальному переводу (иногда — с изменениями, приближающими цитату к немецкому тексту) — *Примеч. пер.*

убийцы. Но стояли у креста все: враги и верующие, сомневающиеся и робкие, насмешники и сторонники; и молитва Иисуса о прощении в тот час была о всех них и об их грехах. Милостивая любовь Бога живет среди своих врагов. Милостиво зовет нас идти за собой тот же Иисус Христос, милость которого спасла распятого разбойника в его последний час.

Куда призыв идти вслед приведет тех, кто его послушает? Какие вызовет он решения и расколы? С этим вопросом мы должны обращаться к тому Единственному, кто знает ответ. Зовущий за собой Иисус Христос единственный знает, куда ведет путь. Но мы твердо знаем, что этот путь будет милостив сверх меры. Идти вслед Иисусу Христу радостно.

Сегодня кажется, что очень трудно неуклонно идти узким путем церковных решений и при этом оставаться со слабыми и безбожными, сохраняя всю широту любви Христа ко всем людям, терпение и милосердие, "филантропию" (человеколюбие) Бога (Тит. 3, 4); и все же то и другое должно идти рука об руку, иначе наш путь — человеческий. Во всей серьезности хождения вслед да подарит Бог нам радость, во всяком "нет" греху — "да" грешнику, во всякой обороне от врагов — преодолевающее и победоносное слово Евангелия. "Приидите ко Мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас; возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой душам вашим; ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко" (Мф. И, 28 ел.).

I

## ДОРОГАЯ МИЛОСТЬ

Дешевая милость — смертельный враг нашей Церкви. Сегодня мы сражаемся за дорогую милость.

Дешевая милость — это милость как бросовый товар, задешево полученное прощение, утешение, таинство; милость как неистощимый церковный склад, откуда беспечно и расточительно идет легкомысленная раздача; милость без цены, без стоимости. Будто сущность милости состоит именно в том, что счета оплачены вперед на все времена. А по оплаченному счету все можно получить задаром. Раз бесконечно велика уплаченная цена, то бесконечно велики и возможности пользования и мотовства. Да и что это за милость, если она не достается задешево?

Дешевая милость — это милость как учение, как принцип, как система; это прощение грехов как всеобщая истина; это любовь Бога как христианская: идея Бога. Кто с ней согласился, уже получил прощение грехов. А Церковь с таким учением о милости, по самому смыслу данного учения, тоже этой милости причастна. В такой Церкви мир получает дешевое покрытие грехов, в которых не раскалялся и от которых тем более не собирается избавляться. Поэтому дешевая милость — это отрицание живого Слова Божьего, отрицание Его вочеловечения.

Дешевая милость — это оправдание не грешника, а греха. Раз всё творит только милость, то пусть все остается по-старому. "Деянья наши все — тщета". Мир остается миром, мы остаемся грешниками, даже "при жизни наи-

лучшей"<sup>1</sup>. Итак, пусть христианин живет так же, как мир, пусть он во всем ставит себя с миром вровень и уж конечно не дерзает — под страхом впасть в ересь мечтательства! - вести под милостью иную жизнь, чем под грехом! Да не дерзнет восстать против милости, осквернить великую, даровую милость и, попытавшись вести жизнь, послушную заповедям Иисуса Христа, воздвигнуть новый догматизм! Мир оправдан милостью, следовательно — чтобы не умалить эту милость! чтобы не противиться этой незаменимой милости! — пусть христианин живет, как прочий мир! Он, разумеется, охотно совершил бы что-нибудь чрезвычайное, ему, несомненно, огромного труда стоит отказываться от таких дел и исполнять свой долг, живя жизнью мира. Но он должен отказываться, должен отречься от себя, чтобы его жизнь не отличалась от жизни мира. Чтобы не мешать милости быть настоящей милостью, он поддерживает веру мира в дешевую милость. В этой обмирщенности, в необходимом самоотречении, на которое он должен пойти ради мира — нет, ради милости! - пусть христианин утешается, уверенный (*securus*<sup>2</sup>) в обладании той милостью, которая сама всё творит. Итак, пусть христианин не идет вслед, но утешается милостью! Вот дешевая милость как оправдание греха, а не кающегося грешника, который оставил свой грех и обратился; здесь нет того прощения греха, которое отделяет от греха. Дешевая милость — это та милость, которую мы имеем такие, какие мы есть.

Дешевая милость проповедует прощение без раскаяния, крещения вне надзора общины, причащение без исповедания грехов, отпущение грехов без исповеди. Дешевая милость есть милость без хождения вслед, милость без креста, милость без живого вочеловечившегося Иисуса Христа.

Дорогая милость есть спрятанное в поле сокровище, ради которого человек идет и радостно продает всё, что имел; драгоценная жемчужина, за которую купец отдает все свое добро; Царство Христа, ради которого человек вырывает себе глаз, если тот его искушает; призыв Иисуса Христа, в ответ на который ученик оставляет сети и идет вслед.

Дорогая милость — это Евангелие, которое надо все время искать, дар - о котором молиться, дверь - в которую стучать.

Она дорога, поскольку зовет идти вслед, она — милость, поскольку зовет идти вслед *Иисусу Христу*; она дорога, так как стоит человеку всей жизни, она милость, так как только она и дарит жизнь человеку; она дорога, так как она осуждает грех, она милость, так как оправдывает грешника. Милость дорога прежде всего потому, что она дорого стала Богу, что она стоила ему жизни его Сына - "вы куплены дорогою ценою", - и потому, что для нас не может быть дешево то, что дорого обходится Богу. Милость она прежде всего потому, что Богу его Сын был не дороже нашей жизни, и Он отдал Его за нас. Дорогая милость есть вочеловечение Бога.

Дорогая милость — это милость как святыня Бога, которую нужно защищать от мира, которую нельзя бросать псам, и потому — это милость как живое слово, слово Бога, которое Он сам произносит, как Ему угодно. Оно приходит к нам как милостивый призыв идти вслед Иисусу, как Прощающее слово к стесненному духу и сокрушенному сердцу. Милость дорога, так как покоряет человека под иго хождения вслед Иисусу Христу, и она — милость, так как Иисус говорит: "Иго Мое благо и бремя Мое легко".

Призыв "иди за мной!" дважды обращен к Петру. Он был первым и последним словом Иисуса к ученику (Мк. 1,17; Ио. 21, 22). Вся жизнь Петра заключена между этими двумя призывами. В первый раз, на Генисаретском озере, Петр в ответ на призыв Иисуса оставил сети и ремесло и по первому его слову пошел за ним. В последний раз Воскресший застаёт его за прежним занятием, снова на Генисаретском озере, и снова раздаётся: иди за мной! В промежутке уместилась вся жизнь ученика, идущего вслед Иисусу. Посреди этой жизни — исповедание Иисуса как Христа, как Помазанника Божьего. Петру трижды: в начале, в конце и в Кесарии Филипповой - возвещается одно и то же: Христос - его Господь и Бог. Та же милость Христа и зовет его: иди за мной! — и открывается ему в его исповедании Сына Божьего.

Трижды вставала милость на пути Петра, Единая милость, трижды по-разному возвещенная, поэтому она была собственной милостью Христа, а отнюдь не милостью, которую ученик сам себе присвоил. Это была всё та же милость Христова: она побудила ученика всё бросить ради хождения вслед, она внушила ему то исповедание, которое весь мир принял за богохульство, она призвала не-



верного Петра в последнюю общность мученичества, про- стив ему тем самым все грехи. Милость и хождение вслед составляют единое, неразрывное целое в жизни Петра. Он получил дорогую милость.

С распространением христианства и растущим обмир- щением Церкви понимание дорогой милости понемногу утратилось. Мир стал христианским, милость стала всеоб- щим достоянием христианского мира. Она начала доста- ваться задешево. Но католическая Церковь сберегла оста- ток прежнего понимания. Решающую роль сыграло то, что монашество не порвало с Церковью и что мудрость Церкви терпела монашество. На окраине Церкви было место, где сохранялось понимание того, что милость до- рога, что милость включает хождение вслед. Люди броса- ли всё, что имели, ради Христа и старались тщательно ис- полнить его заповеди в ежедневном упражнении. Так мо- нашеская жизнь стала живым протестом против обмир- щения христианства, против обесценивания милости. Од- нако, терпя этот протест и не допуская окончательного разрыва, Церковь этот протест обесценивала, более того, именно из него добывала оправдание собственной обмир- щенности; ведь монашеская жизнь к тому времени пре- вратилась в особое достижение немногих, не обязательное для массы церковного народа. Применимость заповедей Иисуса роковым образом ограничились группой особо ква- лифицированных людей, и из-за этого стали различать максимальную и минимальную норму христианского по- слушания. Тем самым стало возможно, отвечая любым нападкам на обмирщение Церкви, указывать на монаше- ский путь внутри Церкви, рядом с которым путь более легкий оказывался вполне оправдан. В итоге ссылка на раннехристианское понимание дорогой милости, сохра- нявшееся монашеством в римской Церкви, парадоксаль- ным образом окончательно оправдывала обмирщение Церкви. При всем при том решающая ошибка монашест- ва состояла не в том, что оно — пусть во многом неверно понимая волю Иисуса — пошло милостивым путем стро- гого хождения вслед. Напротив, монашество отдалилось от христианской сути, поскольку позволило своему пути сделаться необязательным достижением немногих и тем самым поставило его себе в особую заслугу.

Когда через своего слугу Мартина Лютера Бог возоб- новил во время Реформации Евангелие чистой, дорогой

милости, Он провел Лютера через монастырь. Лютер был монахом. Он все оставил и хотел идти вслед Христу в со- вершенном послушании. Он отрекся от мира и приступил к христианскому деланию. Он учился покорности Христу и Церкви, зная, что только послушный может верить. В ответ на призыв уйти в монастырь Лютер готов был за- платить всей своей жизнью. Но на пути к Богу он потер- пел крушение. Бог показал ему через Писание, что хождение вслед Христу — это не особая заслуга избранных, а, божественная заповедь всем христианам. Смиранный труд хождения вслед сделался в монашестве особой заслугой святых. Самоотречение идущих вслед разоблача- ется здесь как последнее духовное самоутверждение пра- ведника. Мир прорвался в самую сердцевину монашеской жизни и действовал там самым опасным образом. Мона- шеское бегство от мира оказалось на поверку утонченней- шей формой любви к миру. В этом крушении последней надежды на праведную жизнь Лютер усмотрел милость. В крахе монашеского мира он увидел спасающую руку Бо- жью, протянутую во Христе. Он усмотрел ее в вере в то, что "деянья наши" все тщета при жизни наилучшей". Да- рованная ему милость обошлась ему дорого, она сломала всё его существование. Он снова должен был отбросить невод и пойти вслед. В первый раз, когда он пришел в монастырь, он бросил всё, кроме себя самого, кроме сво- его праведного Я. На этот раз было отобрано и оно. Он пошел не за своими заслугами, а за милостью Бога. Ему не было сказано: хоть ты и согрешил, но теперь всё про- щено, оставайся впредь, где ты сейчас, и утешайся про- щением! Лютер должен был оставить монастырь и вернуться в мир не потому, что мир будто бы сам по се- бе хорош и свят, а потому, что монастырь — это тот же мир.

Уход Лютера из монастыря обратно в мир был самой грозной атакой на мир со времен раннего христианства. Отречение монаха от мира — детская игра по сравнению с тем отказом, который мир услышал от вернувшегося в него. Началась прямая схватка с миром. Теперь хождение вслед Иисусу нужно было прожить посреди мира. То, в чем раньше, как в чем-то особенном, упражнялись при особых условиях и поощрениях монастырской жизни, те- перь стало обязательной заповедью для всякого христиа- нина в мире. Совершенное послушание заповеди Иисуса

нужно было осуществлять в повседневной жизни, в повседневной работе. Из-за этого бесконечно углубился конфликт между жизнью христианина и жизнью мира. Началась рукопашная.

Самым губительным и превратным толкованием дела Лютера было бы мнение, будто, открыв Евангелие чистой милости, Лютер провозгласил свободу от заповедей Иисуса в мире, будто реформаторское открытие — это канонизация мира, его оправдание прощающей милостью. Напротив, мирское занятие христианина оправдано в глазах Лютера лишь тем, что в нем с последней остротой заявлен протест против мира. Лишь поскольку мирское занятие христианина осуществляется в хождении вслед Иисусу, лишь постольку дает ему Евангелие новое право. Оправдание не греха, а грешника — вот что было причиной возвращения Лютера из монастыря. Лютеру была дарована дорогая милость. Она была милостью, ибо была водой для жаждущей земли, утешением от страха, освобождением от рабства на самовольно избранном пути, прощением всех грехов. Она была дорогой, ибо не освобождала от труда, но бесконечно усиливала призыв к хождению вслед. Но именно потому она дорога, что она милость, и именно потому милость, что дорога. Такой была тайна реформаторского Евангелия, тайна оправдания грешника.

И все же победителем в истории Реформации осталось не лютерово понимание чистой, дорогой милости, а чуткий религиозный инстинкт человека, приводящий туда, где милость достается дешевле всего. Достаточно было совсем легкого, почти незаметного сдвига акцента, чтобы сделать опаснейшее и губительнейшее дело. Лютер учил, что даже на праведнейших путях и делах человеку не устоять перед Богом, ибо в сущности он ищет всегда самого себя. В этом критическом положении он ухватился за милость свободного и безусловного прощения всех грехов в вере. При этом Лютер знал, что он сам заплатил и платит каждый день за эту милость жизнью, ибо милость не избавила его от хождения вслед, но впервые поставила на этот путь. Говоря о милости, Лютер всегда имел в виду собственную жизнь, которая только милостью и могла быть обращена к совершенному послушанию Христу. Только так он и мог говорить о милости. Слова Лютера, что всё творит только милость, за ним повторяли учени-

ки — но с тем единственным различием, что они очень скоро вычеркнули и из мыслей, и из слов самоочевидную для Лютера вещь, а именно хождение вслед — то, о чем Лютеру было незачем говорить, ибо он всегда говорил как тот, кого милость привела к самому трудному хождению вслед Иисусу. Так что доктрина учеников была неуязвима с точки зрения доктрины Лютера, и все-таки их учение стало концом и отрицанием Реформации как откровения дорогой милости Бога на земле. Из оправдания грешника в мире вышло оправдание греха и мира. Из дорогой милости вышла дешевая милость без хождения вслед.

Если Лютер говорил, что наши деяния — тщета даже при наилучшей жизни и что поэтому перед Богом ничто не имеет силы "кроме Его милости и благодати грех прощать", то он говорил как тот, кто до этой минуты и даже в эту самую минуту ощущал себя призванным вновь и вновь идти за Иисусом и все, что имеет, оставить. Познание милости было для него окончательным радикальным разрывом с грехом его жизни, но отнюдь не оправданием этого греха. Ухватившись за прощение, он увидел в милости окончательный радикальный отказ от своей жизни, и именно поэтому — первый по-настоящему серьезный призыв идти вслед. Соответственно милость была для него "итогом", но конечно не человеческим, а божественным "итогом". Но этот итог потомки превратили в принципиальную предпосылку вычислений. Отсюда все беды. Если милость — это дарованный самим Христом "итог" христианской жизни, то такая жизнь ни на мгновение не избавлена от хождения вслед. Но если милость — принципиальная предпосылка моей жизни как христианина, то, значит, мне заранее дано отпущение грехов, которые я совершаю, живя в мире. Опираясь на эту милость, я могу грешить, да и сам мир принципиально оправдан этой милостью. Я по-прежнему остаюсь в моем гражданско-мирском существовании, всё остается по-старому, и я могу не сомневаться, что храним милостью Божьей. Под такой милостью весь мир стал "христианским", но само христианство под такой милостью невиданным прежде образом превратилось в мир. Конфликт между христианской и гражданской, мирской, профессиональной жизнью устранен. Христианская жизнь, мол, именно в том и состоит, что я живу в мире и как мир, ничем от него не разнясь, даже не

смею — ради милости! — с ним разниться, состоит в том, что я в известное время попадаю из пространства мира в пространство Церкви, чтобы там удостовериться в прощении моих грехов. От хождения вслед Иисусу я избавлен дешевой милостью, которая должна быть жесточайшим врагом хождения вслед, которая должна ненавидеть и хулить подлинное хождение вслед. Милость как предпосылка — это самая дешевая милость, милость как итог — дорогая милость. Страшно представить, сколько зависит от того, каким именно образом высказана и применена евангельская истина. Слова об оправдании только милостью всё те же, но ложное применение этих слов полностью губит их суть.

Когда Фауст, прожив жизнь в трудах познания, говорит: "Я вижу, знать нам не дано" — то это итог и нечто совсем иное, чем те же слова, сказанные студентом в конце первого семестра в оправдание своего безделья (Кьеркегор). Как итог этот тезис истинен, как предпосылка — самообман. То есть понимание нельзя отрывать от жизни, в которой оно добыто. Лишь тот, кто идет вслед Христу, отрекшись от всего, что имел, смеет сказать, что оправдан только милостью. Сам призыв идти вслед для него — милость, а милость — призыв идти вслед. Но сам себя обманывает тот, кто хочет, чтобы милость избавила его от хождения вслед.

Но не впал ли и сам Лютер в опасную близость к такому извращению смысла милости? Что еще значат его слова: "Ресса fortiter, sed fortius fide et gaude in Christo" — "Смело грехи, но верь и радуйся во Христе еще смелее!"<sup>3</sup> — Да, ты грешник и тебе из греха не выбраться; монах ли ты или мирянин, хочешь ли быть праведником или злодеем, из пут мира ты не ускользаешь, ты грехишь. Так грехи смело — и именно помня об оказанной милости! Это ли не неприкрытое провозглашение дешевой милости, охранная грамота греха, уничтожение хождения вслед? Это ли не кощунственное подстрекательство дерзко грешить, исходя из милости? Можно ли оскорбить милость более дьявольским образом, чем греха на основе дарованной Богом милости? Разве католический катехизис не прав, видя здесь грех против Святого Духа?

Всё зависит от того, проведено ли различие между итогом и предпосылкой. Если тезис Лютера — предпосылка теологии милости, тогда провозглашена дешевая милость.

Но тезис Лютера нужно считать не началом, а исключительно концом, итогом, замковым камнем, последним словом. Понятное как предпосылка, ресса fortiter становится этическим принципом; принципу милости должен соответствовать принцип ресса fortiter. Это оправдание греха. Тогда тезис Лютера превращается в свою противоположность. Но для Лютера "смело грехи" могло быть только крайним выходом, только ободрением того, кто на пути хождения вслед понял, что не может стать безгрешен, кто, страшась греха, отчаивается в милости Божьей. Для него "смело грехи" — отнюдь не принципиальное одобрение его непослушной жизни, но благая весть о милости Бога, весть, перед лицом которой мы всегда и во всяком состоянии грешники и которая нас именно как грешников ищет и оправдывает. Смело признай себя ответственным за свой грех, не пытайся от него ускользнуть, но "верь еще смелее". Ты грешник, так и будь грешником, не желай быть чем-то иным, чем ты есть, ежедневно заново становись грешником и будь в этом смел. Кому еще можно такое сказать, как не тому, кто ежедневно всем сердцем отрекается от греха, кто ежедневно отрекается от всего, что мешает ему идти вслед Иисусу, и кто тем не менее безутешен из-за своей ежедневной неверности и греха? Кто еще может услышать такое без риска для своей веры, как не тот, кто слышит в таком утешении новый призыв в хождение вслед Христу? Так тезис Лютера, понятый как итог, становится дорогой милостью, которая одна и есть милость.

Милость как принцип, ресса fortiter как принцип, дешевая милость как принцип — это в конечном счете всего лишь новый закон, который не помогает и не делает свободным. Милость как живое слово, ресса fortiter как утешение в испытаниях и призыв идти вслед, дорогая милость — это единственная чистая милость, которая действительно прощает грехи и освобождает грешника.

Как вороны собрались мы вокруг трупов дешевой милости, тянем из него яд, от которого в нас умирает хождение вслед Иисусу. Правда, доктрина чистой милости узнала несравненный апофеоз, чистая доктрина милости сама стала Богом, сама стала милостью. Повсюду слова Лютера — превращенные, однако, из истины в самообман. То есть: если у нашей Церкви есть доктрина оправдания, то и сама она непременно — оправданная Церковь! Даже

и верность наследию Лютера распознавалась по тому, насколько дешевой делали милость. Быть наследником Лютера значило уступать хождение вслед законникам, реформатам, мечтателям, исключительно в интересах милости; значило оправдывать мир, а христиан, идущих вслед, считать еретиками. Народ стал христианским, стал лютеровским, но очень задешево и за счет отказа от хождения вслед. Дешевая милость победила.

Но понимаем ли мы, что эта дешевая милость оказалась к нам крайне немилосердна? Разве крах организованной Церкви, которым мы сегодня расплачиваемся, — это не необходимое следствие слишком задешево полученной милости? Провозвестие и таинства раздавались задаром, целый народ крестили, конфирмовали, отпускали ему грехи, не ставя вопросов и условий, из человеколюбия давали святыню насмешникам и неверующим, изливали бесконечные потоки милости, но призыв к строгому хождению вслед Христу звучал все реже. Где опыт ранней Церкви, которая, проводя катехизацию, так тщательно охраняла границу между Церковью и миром, охраняла дорогую милость? Где предостережения Лютера против проповеди Евангелия, которая бы утверждала людей в их безбожной жизни? Когда еще христианизация мира бывала такой жестокой и губительной? Что такое 3000 саксов, физически убитых Карлом Великим, по сравнению с сегодняшними миллионами убитых душ? На нас подтвердилось, что дети расплачиваются за грехи отцов до третьего и четвертого колена. Дешевая милость оказалась очень немилосердна к нашей Евангелической Церкви.

Разумеется, она оказалась немилосердна и к большинству из нас лично. Она не открыла, а закрыла нам путь к Христу. Она не позвала нас идти вслед, но утвердила в непослушании. Разве милосердно, что над нами разразилось слово о дешевой милости там, где мы когда-то услышали призыв идти вслед Иисусу как милостивый призыв Христа, где мы, может быть, решились на первые шаги хождения в строгом послушании заповедям? Разве могли мы услышать в этом слове что-то иное, нежели призыв к крайне мирскому отрезвлению и желание остановить нас на нашем пути, погасить в нас радость хождения вслед, указав, что это всего лишь самовольно нами избранный путь, трата сил, усердия, дисциплины — бесполезная и да-

же крайне опасная? Ведь всё уже готово и совершенно в самой милости! Тлеющий фитиль немилосердно потушили. Немилосердно было так говорить с человеком, ибо он, сбитый с толку предложением столь дешевого товара, оставлял путь, на который его позвал Христос, и хватался за дешевую милость, которая его навсегда отгораживала от познания дорогой. И неизбежно получалось, что обманутый слабый человек сразу начинал казаться себе сильным, раз получил дешевую милость, а в действительности терял силы к послушанию и хождению вслед. Слово о дешевой милости погубило больше христиан, чем любая заповедь о делах.

Дальше мы будем говорить ради тех, кому знакомы эти искушения, для кого слово о милости стало ужасающе пусто. Правдивость требует, чтобы что-то было сказано ради тех из нас, кто признает, что, получив дешевую милость, перестал идти вслед Христу и вместе с тем — понимать дорогую милость. Попросту говоря: раз мы не хотим отрицать, что уже не стоим в верном хождении вслед Христу, что хоть мы и члены правоверной Церкви с чистым учением о милости, но уже не члены церкви, идущей вслед, то нужно попытаться заново понять милость и хождение вслед в их взаимосвязи. Дальше уступать мы уже не имеем права. Все отчетливей беды нашей Церкви сводятся к одному вопросу: как нам сегодня жить по-христиански.

Счастлив, кто уже стоит в конце пути, который мы собираемся пройти, и изумленно понимает то, что поистине кажется непонятным: что милость дорога именно потому, что она чистая милость и милость Бога в Иисусе Христе. Счастлив, кто, простодушно идя вслед Иисусу Христу, побежден милостью и поэтому смеет в смирении духа хвалить всевластную милость Христову. Счастлив, кто, зная такую милость, может жить в мире и не терять себя для милости, кто, идя вслед Иисусу Христу, так уверен в небесном отечестве, что действительно свободен для жизни в этом мире. Счастлив, для кого хождение вслед Иисусу Христу значит одно: жить по милости, и для кого милость значит одно: хождение вслед. Счастлив, кто стал таким христианином, и к кому слово милости было милосердно.

### Примечания

- 1 Цитата из гимна Мартина Лютера "Из глубины бед взываю к Тебе". - *Примеч. пер.*
- 2 *Securus (лат.)* - защищенный, находящийся вне опасности. — *Примеч. пер.*
- 3 *Dr. Martin Luther Briefwechsel. Bearbeitet von Dr. E.L. Enders und fortgesetzt von G. Kawerau, Frankfurt am Main, 1884-1932, Enders III, S. 208, 118f.*

## ПРИЗЫВ ИДТИ ВСЛЕД

"Проходя, увидел Он Левия Алфеева, сидящего у сбора пошлин, и говорит ему: следуй за Мною. И он встав последовал за Ним" (Мк. 2, 14).

Раздается призыв, и без всякого промежутка следует послушное деяние позванного. Ответ ученика — не словесное исповедание веры в Иисуса, но послушное действие. Как возможна эта непосредственная встреча призыва и послушания? Она возмущает естественный разум, он старается разорвать эту жесткую непосредственность, что-то вставить между, что-то объяснить. Ведь при любых обстоятельствах должен иметься посредник — психологический или исторический. Задается дурацкий вопрос, а не знал ли раньше мытарь Иисуса, не поэтому ли был готов откликнуться на его призыв. Но именно об этом текст упрямо молчит, для него все дело как раз в непосредственной встрече призыва и действия. Ему не интересны психологические мотивы праведных решений человека. А почему не интересны? Потому что для встречи призыва и действия есть лишь одно значимое основание: *сам Иисус Христос*. Он Тот, кто зовет. Потому мытарь и идет вслед. В этой встрече проявляется безусловный, непосредственный и не нуждающийся в основаниях авторитет Иисуса. Нет ничего до, и нет ничего после, кроме послушания позванного. Иисус есть Христос — поэтому у него есть власть звать и требовать послушания своему слову. Иисус зовет идти вслед не как учитель и

образец, но как Христос, Сын Божий. Так что в этом коротком тексте возвещается Иисус Христос и его притязания на человека, больше ничего. Ни ученику, ни его убежденному христианству не достается никаких похвал. Не на него надо глядеть, а лишь на Того, кто зовет, на его власть. И не указано никаких путей к вере, к хождению вслед: к вере нет иного пути кроме послушания призыву Иисуса.

А что же сказано о содержании хождения вслед? Иди за мной, беги за мной! Вот и всё. Идти вслед за Ним — это что-то совершенно бессодержательное. В самом деле: нет ни жизненного плана, который бы казался осмысленным, ни цели, ни идеала, к которому можно стремиться. Нет ничего такого, ради чего, по человеческому мнению, стоило бы ставить на карту хоть что-нибудь, тем более самого себя. И что происходит? Позванный оставляет всё, что имеет, не затем, чтобы сделать что-то особенно ценное, но просто ради самого призыва, так как иначе он не может пойти за Иисусом. Самому этому поступку не придается ни малейшей ценности. Сам по себе он что-то вполне незначительное, неважное.

Человек сжигает мосты и идет вперед. Вызванный должен "выступить" из прежнего существования, должен осуществить "экзистенцию" в буквальном смысле слова. Старое осталось позади и целиком принесено в жертву. Ученик брошен из сравнительной жизненной обеспеченности в полную необеспеченность (то есть на самом деле в полную обеспеченность и укрытость общности с Иисусом); из области обозримого и предусмотримого (то есть на самом деле совершенно непредусмотримого) в область совершенно необозримого и случайного (то есть на самом деле единственно необходимого и предусмотримого); из области конечных возможностей (то есть на самом деле бесконечных возможностей) в область бесконечных возможностей (то есть на самом деле в единственную освоенную действительность). И снова — никакого всеобщего закона, напротив, точная противоположность всякой законности. Снова нет ничего, кроме связи с Иисусом Христом, то есть полный разрыв с любыми планами, идеалами и законами. Потому и невозможно больше никакое другое содержание, что единственное содержание есть Христос. Помимо Иисуса здесь нет никакого иного содержания. Только Он.

Итак, призыв идти вслед означает связь исключительно с личностью Иисуса Христа, разрыв всякой законности милостью Того, кто зовет. Это милостивый призыв, милостивая заповедь. Он по ту сторону вражды Закона и Евангелия. Христос зовет, ученик идет вслед. Здесь и милость и заповедь. "Буду ходить свободно; ибо я взывал повелений Твоих" (Пс. 118, 45).

Хождение вслед — это связь с Христом; раз есть Христос, должно быть и хождение вслед. Идея Христа, систематическая доктрина, общезначимое религиозное представление о милости или прощении грехов делают необязательным, в сущности, даже исключают хождение вслед, ему враждебны. По отношению к идее человеку доступны знание, вдохновение, может, даже осуществление, но никоим образом — послушное личное хождение ей вслед. Христианство без живого Иисуса Христа — это неизбежно христианство без хождения вслед, а христианство без хождения вслед — это всегда христианство без Иисуса Христа; оно идея, миф. Христианство, в котором есть только Бог-Отец, но нет Христа как живого Сына, попросту утрачивает хождение вслед. Доверие Богу есть, а хождения Ему вслед нет. Лишь потому, что Сын Божий стал человеком, лишь потому, что Он — *Посредник*, лишь поэтому хождение вслед — это верное отношение к Нему. Хождение вслед связано с Посредником, и где верно говорится о хождении вслед, там говорится о Посреднике Иисусе Христе, Сыне Божьем. Только Посредник, только Богочеловек может призвать в хождение вслед.

Хождение вслед без Иисуса Христа — это своевольный выбор пути, может быть идеального, может быть мученического, но лишенного обетования. Иисус его отвергнет.

"И пошли в другое селение. Случилось, что, когда они были в пути, некто сказал Ему: Господи! я пойду за Тобою, куда бы Ты ни пошел. Иисус сказал ему: лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову. А другому сказал: следуй за мною. Тот сказал: Господи! позволь мне прежде пойти и похоронить отца моего. Но Иисус сказал ему: предоставь мертвым погребать своих мертвецов; а ты иди, благовествуй Царствие Божие. Еще другой сказал: я пойду за Тобою, Господи! Но прежде позволь мне проститься с домашними моими. Но Иисус сказал ему: ни-

кто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия" (Лк. 9, 57—62).

*Первый* ученик сам вызывается идти за Иисусом, он не призван, и ответ Иисуса указывает энтузиасту, что тот не понимает, что делает. Он и не может этого понимать. Таков смысл ответа, в котором ученику показана жизнь с Иисусом в ее действительности. Здесь говорит Тот, кто идет на крест, Тот, вся жизнь которого в символе веры обозначена одним словом "страдавший". Этого ни один человек не может захотеть по своей воле. Никто не может призвать сам себя, говорит Иисус, и его слово остается без ответа. Между желанием пойти вслед и действительным хождением остается зиять пропасть.

Но самая глубокая пропасть преодолима, если зовет сам Иисус. *Второй* ученик, прежде чем пойти, хочет похоронить отца. Его обязывает закон. Он знает, что он хочет и должен делать. Сначала пусть будет исполнен закон, а потом он пойдет. Здесь между позванным и Иисусом встает ясная заповедь закона. Призыв Иисуса властно противостоит тому, чтобы именно теперь, какими бы ни были обстоятельства, что-то встало между Иисусом и позванным, пусть самое великое и святое, пусть даже закон. Именно теперь нужно ради Иисуса нарушить стоящий на пути закон, ибо между Иисусом и позванным у него прав уже нет. Здесь Иисус противопоставляет себя закону и велит идти вслед. Говорит только Христос. Последнее слово за Ним. Противиться другой не может. Этот призыв, эта милость неотразимы.

*Третий*, подобно первому, считает хождение вслед предложением, которое может сделать только он сам, считает собственным жизненным планом, который он сам выбирает. Но в отличие от первого он думает, что вправе ставить со своей стороны условия. При этом он совершенно запутывается в противоречиях. Он хочет предоставить себя Иисусу, но одновременно ставит что-то между собой и Иисусом: "разреши мне сперва". Он хочет пойти вслед, но хочет сам себе создать условия для хождения. Для него хождение вслед — это возможность, для осуществления которой необходимы условия и предпосылки. Так хождение вслед превращается во что-то по-человечески разумное и понятное. Сначала делаешь одно, потом другое. Всему свое место и свое время. Ученик хотя и сам вызывается пойти, но при этом сохраняет право

ставить условия. Ясно, что в этот момент хождение вслед перестает быть хождением вслед. Оно становится человеческим планом, который я сам составляю и могу оправдать с точки зрения разума и этики. Итак, этот третий и хочет идти вслед и в ту самую минуту, когда об этом говорит, — уже не хочет. Самим своим предложением он отменяет хождение вслед, ибо хождение вслед не терпит никаких условий, встающих между Иисусом и тем, кто Ему послушен. Итак, этот третий впадает в противоречие не только с Иисусом, но и с самим собой. Он не хочет ни того, чего хочет Иисус, ни того, чего хочет сам. Он сам себя судит, сам с собой в разладе, и всё это из-за "разреши мне сперва". Ответ Иисуса дает образ этого внутреннего разлада, исключаящего хождение вслед: "Никто, возложивший руку свою на плуг и озирающийся назад, не благонадежен для Царствия Божия".

Идти вслед — значит делать определенные шаги. Первый асе шаг, сделанный в ответ на призыв, отделяет идущего от его прежнего существования. Поэтому призыв идти вслед сразу создает новую ситуацию. Оставаться в прежней ситуации и идти — взаимоисключающие вещи. Сначала это было вполне очевидно. Чтобы идти за Иисусом, мытарю нужно покинуть сбор пошлин, Петру — сети. А нам кажется, будто уже и тогда всё могло быть совсем иначе. На наш взгляд, Иисус мог бы изложить мытарю новое представление о Боге и оставить его в прежней ситуации. Не будь Иисус вочеловечившимся Сыном Божьим, такое было бы возможно. Но так как Иисус — Христос, то с самого начала должно стать ясно, что его слово — это не доктрина, а новое сотворение бытия. Действительно идти с Иисусом — вот что важно. Кого Он зовет, тому тем самым сказано, что у него есть одна-единственная возможность верить в Христа: всё бросить и идти с вочеловечившимся Сыном Божьим.

С первым шагом идущий попадает в ситуацию, в которой возможна вера. Не пойдя, оставшись на месте, верить он не научится. Позванный должен перейти из своей ситуации, в которой он не может верить, в ту, в которой вера впервые становится возможна. Сам по себе этот шаг лишен программной ценности, он оправдан только тем, что обретена общность с Иисусом Христом. Левый, оставаясь у сбора пошлин, и Петр — у сетей, могут честно и верно заниматься своим ремеслом, могут иметь прежнее

или новое представление о Боге, но если они хотят научиться верить Богу, то пусть идут за вочеловечившимся Сыном Божиим, идут с Ним.

Прежде было иначе. Прежде они могли тихо, незаметно жить за работой, соблюдали закон, ждали Мессию. Но вот Он пришел, вот раздался его призыв. Теперь верить — значит уже не тихо ждать и жить, но вступить в хождение вслед. Теперь его призыв идти вслед разорвал все связи ради единственной связи с Иисусом Христом. Теперь нужно сжечь все мосты, нужно сделать шаг в бесконечную необеспеченность, чтобы узнать, что Иисус требует и что Он дает. Оставаясь у сбора пошлин, Левий мог бы считать Иисуса помощником во всякой нужде, но он не узнал бы в Нем своего единственного Господа, которому должен вручить всю свою жизнь, не научился бы верить. Должна создаться ситуация, в которой возможна вера в Иисуса — вочеловечившегося Бога, та невозможная ситуация, когда всё поставлено на одно — на слово Иисуса. Петр должен шагнуть из лодки на зыбкую воду, чтобы узнать свое бессилие и всесилие своего Господа. Не шагнув, он не научился бы вере. Должно возникнуть совершенно невозможное, с этической точки зрения просто безответственное положение на зыбком море, чтобы стала возможна вера. Путь к вере лежит через послушание призыву Христа. Требуется шаг, а иначе призыв Иисуса уходит в пустоту, и все предполагавшееся хождение вслед без этого шага оборачивается ложным мечтательством.

В разделении ситуаций на те, в которых вера возможна, и те, в которых она невозможна есть большой риск. Должно быть совершенно ясно, что, во-первых, это никогда не зависит от самой ситуации и никогда по ней самой нельзя узнать, какого она рода. Только призыв Иисуса Христа определяет ее как такую, в которой возможно верить. Во-вторых, ситуацию, в которой возможно верить, никогда не создает человек. Хождение вслед не может быть предложено самим человеком. Ее создает только призыв. В-третьих, сама по себе эта ситуация лишена всякой ценности. Она оправдана только призывом. Последнее и главное: ситуация, в которой возможна вера, сама возможна только в вере.

Понятие ситуации, в которой возможно верить, — это просто описание положения вещей, при котором имеют

силу два одинаково истинных тезиса: *только верящий послушен, и только послушный верит.*

Мы сильно погрелись бы против Библии, оставь мы первый тезис без второго. Только верящий послушен — так нам хотелось бы понимать. То есть послушание будто бы идет за верой, как хороший плод от хорошего дерева. Сначала вера, лишь потом послушание. Если имеется в виду, что оправдывает только вера, а не дела послушания, тогда это, безусловно, необходимая и бесспорная предпосылка всего дальнейшего. Но если бы имелось в виду какое-то временное разделение: сперва, мол, нужно поверить, а затем уже следует послушание, то тогда вера и послушание оторвались бы друг от друга и остался бы открытым в высшей степени практический вопрос: когда же должно начаться послушание. Послушание отделено от веры. Чтобы верно понимать оправдание, нужно разделить послушание и веру, но это разделение ни в коем случае не должно отменить их единство, состоящее в том, что вера существует только в послушании, без послушания ее нет, что только в акте послушания вера — это вера.

Поскольку недостаточно сказать, что послушание есть следствие веры, поскольку вера и послушание связаны неразрывным единством, то тезису, что только верящий послушен, нужно сопоставить другой: только послушный верит. Как там вера служит предпосылкой послушания, так здесь послушание — предпосылкой веры. В точно таком же смысле, в каком послушание названо следствием веры, его нужно назвать и ее предпосылкой.

Только послушный верит. Нужно оказать послушание какому-то конкретному приказу, тогда возможна вера. Нужно сделать первый шаг послушания, тогда вера уже не благочестивый самообман, не дешевая милость. Все дело в первом шаге. Он качественно отличается от всех последующих. Первый шаг послушания должен увести Петра от сетей, с лодки, юношу — от богатства. Только в этом новом существовании, созданном послушанием, возможно верить.

В этом первом шаге надо прежде всего видеть внешнее дело, состоящее в перемене одного образа жизни на другой. На такой шаг способен всякий. Для того у человека и есть свобода. Это поступок в рамках *iustitia civilis*<sup>2</sup>, в которой человек свободен. Петр не может сам себя обратиться, но сети оставить он может. В сущности, в Евангелии



ях уже с первым шагом требуется поступок, затрагивающий всю жизнь в целом. Римская Церковь такого шага требовала только в виде чрезвычайной возможности монашества, в то время как для остальных верующих было достаточно готовности безусловно подчиняться Церкви и ее заповедям. И в лютеранских символических книгах знаменательным образом признается важность первого шага. Когда опасность синергистских<sup>3</sup> лжетолкований уже принципиально устранена, можно и нужно освободить место для того первого внешнего деяния, которое необходимо для веры: здесь это шаг к Церкви, в которой проповедуется слово Спасителя. Этот шаг можно сделать в полной свободе. Иди в Церковь! На это ты способен в силу твоей человеческой свободы. Ты можешь в воскресенье выйти из дома и пойти в церковь. Не делая этого, ты добровольно исключаешь себя оттуда, где возможно верить. Тем самым лютеранские символические книги свидетельствуют, что им известна ситуация, в которой возможно верить, и ситуация, в которой вера невозможна. Хотя здесь это понимание задвинуто в тень, его чуть ли не стыдятся, но оно налицо: важен первый шаг как внешний поступок.

Подтвердив это понимание, во-вторых следует сказать, что этот первый шаг как чисто внешний поступок является и остается мертвым делом закона, которое само по себе никак не может вести к Христу. Будучи внешним деянием, новое существование остается целиком прежним; в лучшем случае оно становится новым законом, новым стилем жизни, не имеющим ничего общего с жизнью с Христом. Бросивший пить пьяница или раздавший деньги богач освобождается, конечно, от алкоголя и денег, но от самого себя - нет. И он остается с самим собой, вероятно, даже ближе к себе, чем до того, остается под требованием что-то сделать, целиком пребывая в смерти, которая есть его прежняя жизнь. Хоть дело и нужно совершить, само по себе оно не выводит из смерти, непослушания, безбожия. Если мы сами видим в своем первом шаге предпосылку для милости, для веры, то самым нашим делом мы уже осуждены и совершенно отрезаны от милости. При этом во внешнее дело входит все, что мы привыкли называть убеждениями, хорошими намерениями, все, что римская Церковь называет *facere quod in se est*<sup>4</sup>. Если мы делаем первый шаг с умыслом поставить себя в ситу-

ацию, где возможна вера, то эта возможность веры оказывается просто делом, просто новой возможностью жить внутри нашего прежнего существования и, значит, совершенно неверно понята — мы остаемся в неверии.

И все-таки внешнее дело должно совершиться, все же мы должны попасть в ситуацию, где возможна вера. Мы должны сделать шаг. Что это значит? Это значит, что такой шаг делается верно лишь тогда, когда мы совершаем его, имея в виду не наше дело, которое надо сделать, а только слово Иисуса Христа, зовущее нас к этому шагу. Петр знает, что, по собственной воле выйдя из лодки, погибнет с первым же шагом, и поэтому зовет: "Повели мне прийти к Тебе по воде", и Христос отвечает: "Приди". Итак, сначала должен был позвать Христос, лишь в ответ на его слово можно было сделать шаг. Призыв этот и есть его милость, зовущая из смерти в новую жизнь послушания. Зато теперь, когда Христос позвал, Петр должен покинуть лодку, чтобы к Христу прийти. Поэтому на самом деле уже самый первый шаг послушания есть акт веры в слово Христа. Но только совершенно извратив сущность веры, можно было бы отсюда заключить, что, раз вера уже налицо, то первый шаг не обязателен. Нужно решительно выдвинуть противоположный тезис: прежде чем станет возможно верить, нужно сделать шаг послушания. Непослушный верить не может.

Ты жалуешься на то, что не можешь верить? Но никто не должен удивляться, что не приходит к вере, если он в каком-то пункте сознательно противится заповеди Иисуса или уклоняется от нее. Ты не хочешь подчинить заповеди Иисуса какую-то греховную страсть, вражду, надежду, планы, разум? Тогда не удивляйся, что не получаешь Святого Духа, что не можешь молиться, что твоя молитва о вере тщетна! Лучше походи и примиришься со своим братом, откажись от греха, у которого ты в плену, и тогда снова сможешь верить! А отвергая слово заповеди Божьей, ты не воспримешь и слова его милости. Как ты можешь обрести общность с Тем, от кого ты сознательно в каком-то пункте уклоняешься? Непослушный верить не может, только послушный верит.

Здесь милостивый призыв Иисуса Христа идти вслед превращается в строгий закон: делай это! Оставь то! Сойди с лодки к Иисусу! Тому, кто верой или неверием извинеет свое непослушание, призыву Иисуса на деле, Иисус

говорит: сперва стань послушен, соверши внешнее дело, оставь то, что тебя связывает, откажись от того, что тебя отделяет от воли Бога! Не говори: у меня на это не хватает веры. У тебя ее нет до тех пор, пока ты остаешься в непослушании, пока не хочешь сделать первого шага. Не говори: у меня уже есть вера, мне уже незачем делать первый шаг. У тебя ее нет, пока и поскольку ты не хочешь сделать этот шаг, но коснеешь в непослушании под личной смиренной веры. Ссылаться при нехватке послушания на нехватку веры, а при нехватке веры на нехватку послушания — это недобросовестная уловка. Непослушание "верующих" в том и состоит, что, когда от них требуется послушание, они признаются в неверии и орудут этим признанием (Мк. 9, 24). Если веришь — сделай первый шаг! Он ведет к Иисусу Христу. Не веришь — сделай тот же шаг, так тебе приказано! Тебя не спрашивают о твоей вере или неверии, тебе приказано немедленно выполнить акт послушания. В нем создается ситуация, когда и возможна и действительно существует вера.

И не сама создается, но Он создает для тебя ситуацию, в которой ты можешь верить. Важно попасть в эту ситуацию, чтобы вера была не самообманом, а настоящей верой. Эта ситуация необходима именно потому, что дело только в настоящей вере в Иисуса Христа, только вера — цель сейчас и всегда ("из веры в веру", Рим. 1, 17). Если кто станет слишком поспешно и слишком по-протестантски протестовать, пусть спросит себя, не дешевую ли милость он защищает. Ибо на самом деле лишь стоя рядом могут эти два тезиса не быть преградой на пути к настоящей вере, а врозь они, конечно же, величайший соблазн. Только верящий послушен — это сказано послушному внутри верящего; только послушный верит — это сказано верящему внутри послушного. Если взят отдельно первый тезис, то верующий выдан дешевой милости, то есть проклятию; если второй, то — делам, то есть проклятию.

С этой точки зрения мы можем взглянуть на христианское пастырство. Крайне важно, чтобы пастырь помнил об обоих тезисах. Он должен знать, что жалобы на недостаток веры всегда происходят от сознательного или уже ставшего бессознательным непослушания и что такие жалобы слишком легко находят утешение в дешевой милости. При этом непослушание остается в неприкосновенности, а слово о милости превращается в утешение, кото-

рым непослушный сам себя утешает, в прощение грехов, которое он сам себе дает. Но тогда провозвестие для него тщетно, он его уже не слышит. И прости он себе грехи хоть тысячу раз, все равно он не сможет поверить в действительное прощение, именно потому, что на самом деле оно ему не даровано. Неверующий кормится дешевой милостью, так как хочет упорствовать в непослушании. В сегодняшнем христианском пастырстве это частая ситуация. Неизбежно доходит до того, что, сам себе простив грехи, человек коснеет в непослушании и отговаривается тем, что не умеет распознать добро и заповедь Бога. Они, мол, неоднозначны и допускают разные толкования. Сознание непослушания, вначале ясное, постепенно помрачается и переходит в косность. Теперь непослушный сам себя так запутал и связал, что уже не способен слышать слово. Теперь на самом деле верить уже невозможно. Тогда между закосневшим и пастырем происходит примерно такой разговор: "Я больше не могу верить". — "Слушай слово, его тебе проповедуют!" — "Я слушаю, но оно ничего мне не говорит, оно тщетно для меня, идет мимо". — "Ты не хочешь слушать". — "Нет, хочу". На этом месте душеспасительная беседа чаще всего обрывается, так как пастырь не знает, с чем он столкнулся. Он знает лишь один тезис: только верующий послушен. Этим тезисом он не в силах помочь закосневшему, у которого именно что нет и не может быть веры. Пастырь думает, что уже оказался перед последней загадкой: Бог отказывает кому-то в той вере, которую дарует другим. Тогда, при наличии лишь одного тезиса, происходит капитуляция. Закосневший остается один и беспомощно оплакивает свою беду. А ведь именно здесь — поворотная точка разговора. Поворота полного. Доводы прекращаются, вопросы и беды собеседника больше не принимаются всерьез, чтобы тем серьезнее принять самого собеседника, который хочет за ними укрыться. И в ту крепость, которую он себе выстроил, происходит прорыв с помощью тезиса: только послушный верит. Беседа обрывается, и пастырь говорит: "Ты непослушен, ты отказываешь Христу в послушании, хочешь сохранить хоть сколько-нибудь собственной власти. Ты не способен услышать Христа, так как ты непослушен, не способен верить в личность, так как не хочешь повиноваться. У тебя в сердце есть место, где ты упорно противишься призыву Христа. Твоя беда — это твой грех".

Здесь снова на первом плане сам Христос: он поражает беса, который до сих пор прятался в человеке за дешевой милостью. Теперь важнее всего, чтобы у пастыря наготове были оба тезиса: только послушный верит и только верующий повинуется. Именем Христа он должен призвать к послушанию, к действию, к первому шагу. Брось всё, чем связан, и иди Ему вслед! В этот миг всё зависит от первого шага. Нужно разбить позицию непослушного, ибо заняв ее, Христа он уже не услышит. Беглец должен покинуть убежище, которое он себе выстроил. Лишь выйдя, он снова сможет свободно видеть, слышать, верить. Правда, перед лицом Христа ничего не приобретаешь, совершив дело — ведь само по себе оно мертво, И всё же Петр должен ступить на зыбкое море, чтобы начать верить.

Коротко говоря, дела обстоят так: тезис, будто только верующий послушен, отравляет человека дешевой милостью. Он коснеет в непослушании, утешает себя прощением, которое сам себе дарит, и замыкается от слова Христа. Прорыв в его крепость терпит неудачу, пока ему твердят тот самый тезис, за которым он укрылся. Нужен поворот, нужно призвать другого к послушанию: только послушный верит!

Не возвращают ли его тем самым на путь собственных дел? Отнюдь нет: напротив, ему указывают на то, что его вера — вовсе не вера, его освобождают от его внутренних пут. Он должен выйти на вольный воздух решения. Тогда ему снова становится внятны призыв Христа верить и идти вслед.

И так мы попадаем в рассказ о богатом юноше.

"И вот, некто подошел сказал Ему: Учитель Благий! что сделать мне доброго, чтобы иметь жизнь вечную? Он же сказал ему: что ты называешь Меня благим? Никто не благ, как один только Бог. Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди заповеди. Говорит Ему: какие? Иисус же сказал: не убивай; не прелюбодействуй; не кради; не лжесвидетельствуй; почитай отца и мать; и: люби ближнего твоего, как самого себя. Юноша говорит Ему: все это сохранил я от юности моей; чего еще недостает мне? Иисус сказал ему: если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною. Услышав слово сие, юноша отошел с печалью, потому что у него было большое имение" (Мф. 19, 16—22).

Вопрос юноши о вечной жизни — это вопрос о спасении, попросту говоря, единственный важный вопрос. Но правильно задать такой вопрос нелегко. Это ясно из того, что юноша, очевидно имея в виду этот вопрос, задает, в сущности, совсем другой и что от этого вопроса он на самом деле уклоняется. Ведь он обращает свой вопрос к "благому учителю". В ответ он хочет услышать мнение, совет, суждение благого учителя, великого наставника. Он дает понять две вещи: во-первых, вопрос ему крайне важен, и у Иисуса, конечно же, есть что-то значительное в ответ. Но, во-вторых, он ждет от благого учителя, от великого наставника очень существенных слов, но все-таки не безусловно обязывающего божественного веления. Вопрос о вечной жизни — для юноши это вопрос, о котором он хотел бы поговорить, поспорить с "благим учителем". Но уже здесь у него на пути встает слово Иисуса: "Что ты называешь меня благим? Никто не благ как один только Бог". Вопрос уже выдал тайну его сердца. Он хотел бы поговорить о вечной жизни с благим рабби, но теперь слышит, что на самом деле стоит со своим вопросом не перед благим учителем, а перед самим Богом. И поэтому он не получит от Сына Божьего никакого ответа кроме ясного указания на заповедь единого Бога. Он не получит ответа "благого учителя", который бы прибавлял свое мнение к явной воле Бога. От себя Иисус отсылает к единственно благому Богу и именно этим выказывает себя совершенно послушным Сыном Бога. А если спрашивающий стоит перед самим Богом, то он сразу избобличен в том, что бежит от явной заповеди Бога, которую и сам знает. Конечно, юноша знает заповеди. Но в том-то и заключается его положение, что он не может ими довольствоваться, хочет их превзойти. Его вопрос избобличен как вопрос своевольно измышленной и избранной праведности. Почему юноше мало явной заповеди? Почему он ведет себя так, словно давно уже не знает ответ на свой вопрос? Почему он хочет упрекнуть Бога за то, что тот его будто бы оставил в неопределенности по этому решающему жизненному вопросу? Итак, юноша попался и приведен на суд. От необязательного вопроса о спасении он возвращен к простому послушанию явным заповедям.

Тут следует вторая попытка убежать. Юноша отвечает новым вопросом: "Какие?" В этом вопросе спрягался сам сатана. И, конечно, только этот выход оставался тому, кто

понял, что попался. Разумеется, юноша знает заповеди; кто же еще захотел бы в полноте заповедей распознать имеющую значение именно для него, именно сейчас? Явность заповедей многозначна, неясна — вот что говорит юноша. Заповедей он не видит, он все время видит только себя, свои проблемы, свои конфликты. От ясной заповеди Бога он отступает к интересной, бесспорно — человеческой, ситуации "этического конфликта". Не в том ложь, что ему знаком этот конфликт, а в том, что этот конфликт выставляется против заповеди Бога. А заповеди как раз затем и даны, чтобы покончить с этическим конфликтом. Этический конфликт как этический прафеномен падшего человека — это и есть разлад человека с Богом. Змей в раю вложил этот конфликт в сердце первого человека. "Подлинно ли сказал Бог?" От ясной заповеди и простодушного детского послушания человека отрывает этическое сомнение, указание на то, что заповеди еще нужно толкование и осмысление. "Подлинно ли сказал Бог?" Опираясь на свое знание добра и зла, на свою совесть, человек сам должен решить, что такое добро. Заповедь многозначна, Бог хочет, чтобы человек сам ее толковал и осмысливал, и свободно принимал решение.

Отказ от послушания заповеди уже произошел. Место простодушного поступка заняло двоедушное мышление. Человек со свободной совестью превозносится перед послушным ребенком. Ссылка на этический конфликт — это отказ от послушания. Это отход от действительности Бога к человеческому миру возможного, от веры к сомнению. Итак, случилось непредвиденное: тот самый вопрос, которым юноша пытался прикрыть свое непослушание, раскрыл его таким, каков он есть: он — человек под грехом. Это раскрытие совершено ответом Иисуса. Названы явные заповеди Бога. Назвав их, Иисус заново их подтверждает как заповеди Бога. Юноша снова застигнут врасплох. Он надеялся еще раз ускользнуть в необязательность разговора о вечных вопросах. Он надеялся, что Иисус предложит ему разрешение этического конфликта. Но разъяснен не вопрос, а он сам. Единственный ответ на нужду этического конфликта — это сама заповедь Бога и, значит, требование прекратить обсуждения и наконец повиноваться. Разрешение этического конфликта есть только у дьявола, а именно: продолжай спрашивать и так освободись от послушания. Иисус смотрит не на проблемы

юноши, а на него самого. Он не принимает всерьез этический конфликт, к которому так серьезно относится юноша. Ему важно одно: чтобы юноша наконец услышал заповедь и ей повиновался. Именно там, где этический конфликт требует такого серьезного отношения к себе, где он мучит и порабощает человека, не пуская к ожидающему акту послушания, именно там раскрывается вся его безбожность, там его нужно вывести на свет во всей его безбожной несерьезности как решительное непослушание. Серьезен только акт послушания, который заканчивает и разрешает конфликт и дает нам свободу стать детьми Бога. Вот диагноз, который Бог ставит юноше.

Второй раз юноша застигнут истиной слова Божьего. Он уже не ходит вокруг да около божественной заповеди. Хорошо, заповедь ясна и нужно ей повиноваться! Но — этого мало! "Все это я сохранил от юности моей. Чего еще мне недостает?" Отвечая так, юноша, как и во всех предыдущих случаях, убежден в искренности своих стремлений. В этом он и упрямитя против Иисуса. Он знает заповеди, исполняет их, но не считает, что к ним может сводиться вся воля Бога: должно еще что-то прибавиться, что-то чрезвычайное, неповторимое. Такое он бы сделал. Явная заповедь Бога несовершенна, говорит юноша, последний раз уклоняясь от истинной заповеди, последний раз пытаюсь остаться сам по себе, по-своему судить о добре и зле. Теперь он согласен с заповедью, но вместе с тем и впрямую на нее нападает. "Все это сохранил я; чего еще мне не достает?" Марк здесь добавляет: "И Иисус взглянул на него и полюбил его" (10, 21). Иисус видит, как безнадежно замкнулся этот юноша от живого слова Бога, как серьезно, всем своим существом он противится живой заповеди, простому послушанию. Он хочет помочь юноше, он его полюбил. Поэтому Он дает ему последний ответ: "Если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое и раздай нищим; и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи и следуй за Мною". В этих словах, обращенных к юноше, нужно обратить внимание на три вещи. *Первое*, теперь повелевает сам Иисус. Иисус, только что отсылавший юношу от благого учителя к единому благому Богу, теперь сам берет на себя полномочия произнести последнее слово и заповедь. Юноша должен понять, что перед ним стоит сам Сын Божий. Именно скрытое от юноши сыновство Иисуса позволило Ему отсылать

от себя к Отцу, чем Он себя совершенно соединил с Отцом. Это то самое единство, которое теперь позволяет Иисусу самому произнести заповедь Отца. Это должно стать юноше недвусмысленно ясно, когда он слышит призыв Иисуса идти вслед. Вот сумма всех заповедей: юноша должен жить в общности с Христом, цель заповедей — это Христос. И вот Христос стоит перед ним и зовет. В неправду этического конфликта лазеек уже не осталось. Заповедь однозначна: иди за мной. *Второе:* но и этот призыв идти вслед еще нуждается в разъяснении, чтобы исключить возможность любых недоразумений. Нужно исключить возможность того, чтобы юноша теперь уже само хождение вслед принял за этическую авантюру, за весьма интересный, но в любом случае обратимый путь и стиль жизни. Хождение вслед было бы неверно понято и в том случае, если бы юноша мог счесть его завершением своих прежних поступков и вопросов, добавлением к предыдущему, дополнением, усовершенствованием, исправлением прежнего. Поэтому, ради недвусмысленной ясности, нужно создать ситуацию, в которой был бы невозможен возвратный ход, ситуацию необратимую и одновременно очевидным образом не являющуюся дополнением к прежнему. Необходимая ситуация создана Иисусовым требованием добровольной бедности. Оно составляет жизненно важную, пастырскую сторону дела. Оно наконец поможет юноше в верном понимании и верном послушании. Оно возникает из любви Иисуса к юноше. Оно — всего лишь промежуточный момент между прежним путем юноши и хождением вслед. Но оно — внимание! — не тождественно самому хождению вслед, оно даже не первый шаг в нем, оно — послушание, в котором хождение вслед только и может осуществляться. *Сперва* пусть юноша пойдет, всё продаст и раздаст бедным, а *потом* пусть идет вслед. Цель — хождение вслед, а путь к нему, в данном случае, — добровольная бедность. И *третье:* говоря "Если хочешь быть совершенным...", Иисус принимает вопрос юноши, чего ему еще недостает, и могло бы показаться, будто речь действительно о добавлении к прежнему. Но в таком добавлении уже заключена отмена всего прежнего. Как раз совершенен юноша и не был до сих пор, ибо он ложно понимал и исполнял заповедь. Лишь теперь он может понять и исполнить ее верно, идя вслед, но даже и теперь лишь потому, что к это-

му его призвал Иисус Христос. Приняв вопрос юноши, Иисус этот вопрос у него отобрал. Юноша спросил о пути к вечной жизни, Иисус отвечает: Я тебя зову, это все.

Юноша искал ответа на свой вопрос. Ответ гласит: Иисус Христос. Юноша хотел услышать слово благого учителя и узнает, что слово это — сам Человек, которого он спрашивает. Юноша стоит перед Иисусом, Сыном Бога, вот вся полнота встречи. Есть только "да" или "нет", послушание или непослушание. Ответ юноши — "нет". Юноша отошел с печалью, он был разочарован, обманут в своих надеждах, и он не смог отбросить прошлое. Он был очень богат. У призыва идти вслед и здесь нет никакого иного содержания, кроме самого Иисуса Христа, связи, общности с ним. Но жизнь идущего вслед — не мечтательное поклонение благому учителю, а послушание Сыну Божьему.

У истории о богатом юноше есть точное соответствие в обрамлении притчи о добром самаритянине. "И вот, один законник встал и, искушая Его, сказал: Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную? Он же сказал ему: в законе что написано? как читаешь? Он сказал в ответ: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего, как самого себя. Иисус сказал ему: правильно ты отвечал; так поступай, и будешь жить. Но он, желая оправдать себя, сказал Иисусу: а кто мой ближний?" (Лк. 10, 25—29).

Вопрос законника такой же, как у юноши. Только здесь заранее сказано, что этот вопрос — искусительный. Искусителю исход этого вопроса известен. Он должен завершиться апорией этического конфликта. Ответ Иисуса совершенно схож с ответом богатому юноше. Спрашивающий уже в принципе знает ответ на свой вопрос, но продолжая, хотя уже знает, спрашивать, хочет уклониться от послушания заповеди Божьей. Ему оставлен лишь один выход: делай, что знаешь, и будешь жить.

Так у него отвоевана первая его позиция. И опять как у юноши, следует бегство в этический конфликт: А кто мой ближний? После законника-искусителя этот вопрос — искренне и бездумно — задавался без счета, у него репутация серьезного и разумного вопроса пытливого человека. Но неверно была понята взаимосвязь написанного. Вся история о милосердном самаритянине — это

сплошное отражение и разрушение Иисусом этого вопроса как сатанинского. Это вопрос без конца, без ответа. Он исходит от "поврежденного ума тех, кто чужд истине", "кто заражен страстью к состязаниям и словопрениям". От него "происходят распри, злоречия, лукавые подозрения" (1 Тим. 6, 4 ел.). Это вопрос пресыщенных, которые "всегда учатся и никогда не могут прийти до познания истины", "которые имеют вид благочестия, силы же его отреклись" (2 Тим. 3, 5 ел.). Они неспособны к вере, они задают такие вопросы, потому что "сожжены в совести своей" (1 Тим. 4, 2), так как они не хотят покориться слову Бога. Кто мой ближний? Разве можно ответить, брат ли это мой по плоти, соплеменник, собрат по общине или мой враг? Разве нельзя с равным правом утверждать или отрицать и одно, и другое? Разве итог этих вопросов - не разлад и непослушание? Да, этот вопрос — бунт против самой заповеди Бога. Конечно, я хочу быть послушным, но Бог мне не говорит, как же это для меня возможно. Заповедь Бога неоднозначна, она меня оставляет в вечном конфликте. Вопрос: что я должен делать? — был первой ложью. Ответ: Исполни заповедь, которая тебе известна. Не спрашивать ты должен, а исполнять. Вопрос: кто же мой ближний? — это последний вопрос либо отчаяния, либо самоуверенности, которым себя оправдывает непослушание. Ответ: ближний — это ты сам. Иди и будь послушен в делах любви. Быть ближним — это не какое-то определение другого, а его притязание на меня, вот и всё. Всякую минуту, во всякой ситуации от меня требуется действие, послушание. Буквально нет времени спрашивать, кто мне другой, как его определить. Я должен действовать и слушаться, я должен быть ближним другому. Но если ты все же испуганно спрашиваешь, не должен ли я сначала узнать и обдумать, как мне действовать, — то есть только один выход: узнать и обдумать я могу не иначе, как только уже все время действуя, уже все время считая себя востребованным. Что такое послушание, я узнаю только повинаясь, а не спрашивая. Только слушаясь я узнаю истину. От расколотой совести и от греха призыв Иисуса ведет нас к простоте послушания. Но богатый юноша был позван Иисусом в милость хождения вслед, а законник-искуситель — отброшен обратно к заповеди.

## Примечания

- 1 От латинского глагола *exiftere* - "существовать", буквально: "выступать из". - *Примеч. пер.*
- 2 *Justitia civilis (лат.)* - "мирская праведность" . - "*P<sup>UM</sup> ~ f.*"
- 3 От греч. "*synergon*" ("сотрудничество", "участие в труде"  $\Delta$  имеет в виду способность человека помогать благодати.
- 4 *ScēTquod in se est (лат.)* - делать то, что в силах человека. - *Примеч. пер.*

## ПРОСТОЕ ПОСЛУШАНИЕ

Когда Иисус требовал добровольной бедности от богатого юноши, тот знал, что ответить можно только послушанием или непослушанием. Когда Левий был позван от сбора пошлин, а Петр — от сетей, не было сомнений в серьезности призыва Иисуса. Они должны были всё оставить и пойти вслед. Когда Петр был позван на зыбкое море, он должен был встать и отважиться на шаг. От всех них требовалось лишь одно: положиться на слово Иисуса Христа, счесть это слово более прочной опорой, чем все гарантии мира. Между словом Иисуса и послушанием вставали тогда не меньшие силы, чем сегодня. Возражали разум, совесть, ответственность, благочестие, вмешивались даже сам закон и верность Писанию, чтобы предотвратить эту крайность, это незаконное "мечтательство". Но призыв Иисуса прорвал все эти преграды и создал послушание себе. Это было слово самого Бога. Требовалось простое послушание.

Если бы Иисус Христос сегодня так обратился к кому-то из нас через Священное Писание, мы, пожалуй, рассуждали бы следующим образом: Иисус приказывает что-то вполне определенное, это так. Но я должен помнить про приказания Иисуса, что он никогда не требует законнического послушания, а хочет от меня лишь одного — чтобы я верил. Но моя вера не привязана ни к богатству, ни к бедности, ни к тому подобным вещам, напротив, я могу, веря, быть как богатым, так и бедным. Не в том дело,

чтобы не иметь богатства, а в том, чтобы иметь его будто неимеющий, чтобы внутренне быть от него свободным, чтобы сердце к нему не привязывалось. Например, Иисус говорит: продай свое богатство! Но имеется в виду: дело, в сущности, не в том, чтобы исполнить это внешним образом, напротив, ты можешь спокойно владеть богатством, но так владеть, будто у тебя его нет. Не привязывайся к богатству сердцем. Наше послушание слову Иисуса состояло бы, следовательно, именно в том, чтобы отвергнуть простое послушание как законническое ради послушания "в вере". Этим мы отличаемся от богатого юноши. Он от своей печали не сумел утешиться, сказав себе: хоть я и хочу вопреки слову Иисуса остаться богат, но внутренне я хочу от богатства освободиться и во всем своем несовершенстве утешаться прощением грехов и в вере иметь общность с Иисусом; нет, он отошел с печалью и вместе с послушанием лишился и веры. Юноша был в этом Фполне честен. Он расстался с Иисусом, и бесспорно у такой честности лучшее будущее, чем у мнимой общности с Иисусом, основанной на непослушании. Очевидно, с юношей, по мнению Иисуса, дело обстояло так, что он даже и внутренне не мог освободиться от богатства. По всей вероятности, будучи серьезным, ищущим человеком, юноша и сам тысячи раз это пробовал. А что у него ничего не вышло, видно из того, что в решающий момент он не смог подчиниться слову Иисуса. Итак, юноша в этом был честен. Но с нашими рассуждениями мы вообще отличаемся от библейского слушателя слов Иисуса. Если ему Иисус говорил: брось всё и иди за мной, уйди от своего занятия, семьи, народа, родного дома! — то он понимал: на такой призыв можно откликнуться только простым послушанием, поскольку именно такому послушанию обещана общность с Иисусом. А мы бы сказали: хоть призыв Иисуса и надо "безусловно принимать всерьез", но истинное послушание Ему состоит именно в том, чтобы я оставался с моим занятием, с моей семьей и там Ему и служил, правда, в истинной внутренней свободе. Итак, если бы Иисус позвал: выйди наружу! — мы понимаем его так, будто на самом деле Он имеет в виду: оставайся внутри! — хотя, разумеется, как тот, кто внутренне вышел. Или Иисус сказал бы: не заботьтесь; а мы бы поняли: естественно, мы должны заботиться и трубить для наших близких и для себя. Ведь всё иное было бы безот-

ветственностью. Но внутренне, разумеется, мы должны быть от такой заботы свободны. Иисус сказал бы: кто тебя ударит по одной щеке, подставь ему и другую; а мы бы поняли: именно в битве, именно в ответном ударе и может вырасти настоящая любовь к брату. Иисус сказал бы: ищите прежде всего Царствия Божьего; мы бы поняли: естественно, сначала нам надо искать всего остального. А иначе как же нам жить? Ведь имеется-то в виду просто окончательная внутренняя готовность всё отдать ради Царства Божьего. Повсюду то же самое: сознательная отмена простого, буквального послушания.

Как возможна такая перемена? Из-за чего слову Иисуса пришлось подвергнуться такому обращению? Таким насмешкам мира? Во всех иных случаях при отдаче приказа отношения ясны. Отец говорит ребенку: иди спать! — и ребенок понимает, о чем речь. А ребенок, вымуштрованный лжетеологией, рассуждал бы так: отец говорит: иди спать. Он имеет в виду, что я устал; он не хочет, чтобы я уставал. Я могу справиться с усталостью, если пойду играть. Значит, хотя отец говорит: иди спать! — он на самом деле имеет в виду: иди играть. С такими рассуждениями и ребенок от отца и гражданин от властей получили бы недвусмысленный ответ — наказание. Только по отношению к приказу Иисуса должно быть иначе. Здесь простое послушание должно извратиться и даже стать непослушанием. Как это возможно?

Возможно это потому, что у этого извращенного рассуждения в основе лежит что-то вполне верное. У приказа Иисуса богатому юноше, то есть у призыва в ситуацию, в которой возможно верить, в сущности лишь одна цель: призвать человека к вере в Иисуса, то есть в общность с ним. В конечном счете от того или иного человеческого поступка ничего не зависит, зато всё зависит от веры в Иисуса как Сына Божьего и Посредника. В конечном счете, ничто не зависит от богатства или бедности, брака или безбрачия, занятия или не-занятия, но всё зависит от веры. И в этом смысле мы, в общем, совершенно правы: можно, обладая богатством и благами мира, верить в Христа, и значит, иметь их, будто не имеешь. Но эта возможность есть последняя возможность христианского существования вообще, возможность ввиду серьезного ожидания скорого второго пришествия, а вовсе не первая и простейшая возможность. У парадоксального понимания за-

поведей есть своя христианская правота, но оно не должно вести к отмене простого понимания заповедей. Напротив, у него есть право и возможность лишь для того, кто в какой-то момент своей жизни уже принял всерьез простое понимание и поэтому уже живет в общности с Иисусом, в хождении вслед, в ожидании конца. Это бесконечно более трудная, человечески говоря — невозможная возможность — понимать Иисуса парадоксально, и именно поэтому она постоянно подвержена огромному риску обратиться в свою противоположность и стать удобным выходом, бегством от конкретного послушания. Кто не понимает, что ему было бы бесконечно легче просто понимать и буквально исполнять заповедь Иисуса и, скажем, действительно раздать имущество по приказу Иисуса, вместо того, чтобы его сохранять, у того нет никакого права понимать слово Иисуса парадоксально. Поэтому в парадоксальном понимании заповеди Иисуса всегда неизбежно Лодержится и буквальное.

У конкретного призыва Иисуса и простого послушания есть непреложный смысл. Иисус зовет в конкретную ситуацию, в которой возможно Ему верить, Он потому и зовет так конкретно и хочет быть понят именно так, что знает, что только в конкретном послушании человек освобождается для веры.

А где простое послушание принципиально устранено, там снова из дорогой милости Иисусова призыва возникает дешевая милость самооправдания. И сразу же воздвигается ложный закон, мешающий слышать конкретный призыв Христа. Этот ложный закон есть закон мира, которому противостоит и соответствует закон милости. Здесь мир — это не побежденный во Христе и ежедневно в общности с ним заново побеждаемый мир, но мир, ставший жестким, непробиваемым, принципиальным законом. Но тогда и милость уже не дар живого Бога, отрывающий нас от мира и ставящий в послушание Христу, но всеобщий божественный закон, божественный принцип, который просто надо применять в каждом отдельном случае. Принципиальная борьба против "законничества" простого послушания сама воздвигает самый опасный закон: закон мира и закон милости. Принципиальная борьба против законничества есть верх законничества. Законничество преодолевается только реальным послушанием милостивому призыву Иисуса идти



вслед, а в этом хождении закон исполнен и отменен самим Иисусом.

Где принципиально устранено простое послушание, там введен неевангельский подход к Писанию. Предпосылкой понимания Писания становится владение ключом к этому пониманию. Но этот ключ — не сам живой Христос в суде и милости, и обладание этим ключом — уже не только в воле Святого духа, нет: ключ к Писанию — это общезначимое учение о милости, и мы применяем его по своему усмотрению. Таким образом, проблема хождения вслед оказывается здесь еще и герменевтической проблемой. Евангельской герменевтике должно быть ясно, что нельзя так просто отождествлять нас с теми, кого позвал Иисус, напротив, и позванные тоже суть часть Писания и, значит, провозвестия. В проповеди мы не просто слышим ответ Иисуса на вопрос ученика, который может быть и нашим вопросом, но ответ и вопрос вместе, будучи словом Писания, суть предмет проповеди. И простое послушание было бы герменевтически неверно понято, захоти мы действовать и идти вслед в прямой одновременности с тем, кто был позван. Но возвешенный нам в Писании Христос во всех своих словах есть Тот, кто дарит веру лишь послушному и лишь послушному дарит веру. Мы не в силах и не вправе проникать сквозь слово Писания к реальным происшествиям: всё слово Писания в целом зовет нас идти вслед, именно потому, что мы не хотим подвергать Писание законническому насилию с помощью принципа, пусть даже с помощью учения о милости.

Но как раз потому, что мы хотим не воздвигнуть закон, а возвещать Христа, парадоксальное понимание заповеди Иисуса включает в себя и простое. Так что почти незачем тратить слова, опровергая возражение, будто простое послушание предполагает какие-то человеческие заслуги, какое-то *facere quod in se est*<sup>1</sup>, какие-то предварительные условия веры. Послушание призыву Иисуса никогда не бывает своевольным поступком. Скажем, сама по себе раздача имущества — это не то послушание, которое требуется; вполне возможно, что такой шаг осуществляет не послушание Иисусу, а свободно устанавливает собственный стиль жизни, какой-то христианский идеал, францисканский идеал бедности. Может, именно раздачей имущества человек утверждает себя и свой идеал, а не заповедь Иисуса, не освобождается от себя, а еще крепче по-

падает к себе в плен. Шаг в нужную ситуацию — это отнюдь не предложение человека Иисусу, но всегда милостивое предложение Иисуса человеку. Лишь тогда этот шаг законен, но, значит, он перестает быть свободной человеческой возможностью.

"Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное; и еще говорю вам: удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие. Услышавши это, ученики Его весьма изумились и сказали: так кто же может спастись? А Иисус сказал им: человеку это невозможно, Богу же все возможно" (Мф. 19, 23—26).

Изумление учеников и их вопрос, кто же тогда может спастись, показывают, что они считали случай богатого юноши не особым, а просто-напросто самым общим. Они не спрашивают: какой богач? — но в самом общем виде: "кто же" тогда может спастись? — ибо эти богатые, которым *шк* трудно попасть на небо, — это все, это сами ученики. Ответ Иисуса подтверждает, что его слова поняты учениками верно. Спастись в хождении вслед невозможно людям, Богу же все возможно.

#### Примечание

<sup>1</sup> *Facere quod in se est* (лат.) — делать то, что в силах человека. - *Примеч. пер.*

## ХОЖДЕНИЕ ВСЛЕД И КРЕСТ

"И начал учить их, что Сыну Человеческому много должно пострадать, быть отвержену старейшинами, первосвященниками и книжниками, и быть убиту, и в третий день воскреснуть. И говорил о сем открыто. Но Петр, отозвав Его, начал прекословить Ему. Он же, обратившись и взглянув на учеников Своих, воспретил Петру, сказав: отойди от Меня, сатана, потому что ты думаешь не о том, что Божие, но что человеческое. И подозвав народ с учениками Своими, сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною; ибо, кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее; а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее; ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? Или какой выкуп даст человек за душу свою? Ибо, кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда приидет в славе Отца Своего со святыми Ангелами" (Мк. 8, 31—38).

Здесь призыв в хождение вслед связан с возвещением страданий Иисуса. Иисус Христос должен пострадать и быть отвержен. Это "должен" обетования Божьего, чтобы сбылось Писание. Страдание и отверженность — не одно и то же. Даже и в страдании Иисус мог бы стать торжествующим Христом. Страданию еще могло бы достаться все сочувствие и восхищение мира. Страдание, будь оно трагическим, могло бы еще в самом себе иметь собственную

ценность, честь и достоинство. Но Иисус — но мн > ный в страдании Христос. Отверженность ошим. страдания всякое достоинство и честь. Это стради должно быть бесчестным. Страдание и отверженность вот в чем крест Иисуса. Крестная смерть значит: пострадать и умереть будучи отверженным, изгоем. Иисус должен пострадать и быть отвержен в силу божественной необходимости. Всякая попытка предотвратить необходимое — от сатаны; сама по себе или именно потому, что исходит из круга учеников, ибо это попытка помешать Христу быть Христом. Из того, что виновен оказался именно Петр, только что исповедавший Иисуса Христом и названный "скала Церкви", ясно, что Церковь с самого начала была шокирована страдающим Христом. Такого Господа она не хочет и, будучи Церковью Христа, не хочет, чтобы ее Господь навязывал ей закон страдания. Прекословие Петра — это его нежелание страдать. Так сатана вошел в Церкбвь. Он хочет ее оторвать от креста ее Господа.

Поэтому Иисусу было нужно ясно и определенно отнести "должно" страдания и к ученикам. Как Христос есть Христос, только пострадав и быв отвержен, так и ученик — ученик, только пострадав, быв отвержен и распят. Хождение вслед как связь с личностью Иисуса Христа возлагает на идущего закон Христа, то есть крест.

Но, примечательным образом, сообщение этой неотъемлемой истины начинается с того, что Иисус снова дает ученикам вольную. "Если кто хочет идти за мной", говорит Иисус. Это желание вовсе не само собой разумеется, даже среди учеников. Нельзя никого к этому принуждать, этого нельзя даже ждать ни от кого, напротив: "если кто", вопреки всем прочим предложениям, которые к нему обращены, хочет идти вслед. Еще раз всё должно решиться, еще раз, посреди хождения вслед, в котором находятся ученики, всё прекращено, оставлено открытым — никаких ожиданий, никакого принуждения. Настолько решающим является то, что сейчас должно быть сказано. Поэтому еще раз, прежде чем будет возвещен закон хождения вслед, ученикам дана вольная.

"Если кто хочет идти за мной, отрекись от себя". Как, отрекаясь от Христа, сказал Петр: я не знаю этого человека, — так сейчас должен сказать о себе идущий вслед. Сколько ни совершать отдельных актов самоистязания или аскезы, самоотречение из них никогда не возникнет;

оно не означает и самоубийства, ибо и в нем есть место своеволию человека. Самоотречение значит: знать только Христа, а не себя, видеть только Его, идущего перед тобой, а не путь, который тебе так труден. Самоотречение просто повторяет: Он идет впереди, неуклонно иди Ему вслед.

"...и возьми свой крест". Милость Иисуса в том, что к этим словам Он приготовил учеников словами о самоотречении. Только забыв и уже не помня себя, мы готовы ради Него нести крест. Зная лишь Его, мы уже не знаем боли нашего креста и видим только Его самого. Не приготовь Иисус нас так дружески к этим словам, нам бы их не вынести. Но Он дал нам силы воспринять и эти суровые слова как милость. Они застают нас в радости хождения вслед и укрепляют в ней.

Крест - не беда, не тяжелая доля, но страдание, вызванное нашей связью только с Иисусом Христом. Крест — не случайное, а необходимое страдание. Крест — страдание, связанное не с нашим естественным существованием, а с тем, что мы — христиане. И крест — не просто страдание, но страдание и отверженность, причем отверженность в узком смысле — из-за Иисуса Христа, а не из-за какого-нибудь иного исповедания или позиции. Христианство, уже не принимавшее всерьез хождения вслед, превратившее Евангелие в дешевое утешение верой; христианство, для которого слились до неразличимости естественное и христианское существование, неизбежно должно было понимать крест как повседневные горести, как нужду и тревоги нашей естественной жизни. Было забыто, что крест всегда значит еще и отверженность, что позор страдания - часть креста. Быть в страдании отверженным, презираемым и брошенным людьми, как в несмолкаемой жалобе псалмопевца, — вот этого существенного признака крестного страдания уже не может понять то христианство, которое разучилось отличать гражданское существование от христианского. Крест — это страдание вместе с Христом, страдание Христа. Только связь с Христом, как она есть в хождении вслед, по-настоящему стоит под крестом.

"...тот возьми свой крест..." Он уже готов, с самого начала, надо только его взять. Но никто пусть не сочтет, будто сам себе должен искать креста, умышленно искать страдания, говорит Христос; нет, каждому уже готов его

крест, назначен и отведен ему Богом. Каждый понесет определенную ему меру страдания и отверженности. У всякого эта мера своя. Одного Бог удостаивает большего страдания, посылает ему милость мученичества, другому не позволяет быть искушаемым выше сил. И все же это Единый Крест.

Он возложен на каждого христианина. Первое Христово страдание, которое всякий должен испытать, — это призыв, вызывающий нас из связей этого мира. Это смерть прежнего человека во встрече с Иисусом Христом. Вступающий в хождение вслед отдается в смерть Иисуса, предает свою жизнь умиранию, причем — с самого начала: крест — это не ужасный финал счастливой праведной жизни, нет, он стоит в начале общности с Иисусом Христом. Бросим ли мы вместе с первыми учениками дом и работу, чтобы идти за Ним, уйдем ли с Лютером из монастыря к мирской работе, в обоих случаях нас ждет одна смерть\* смерть в Иисусе Христе, умирание нашего прежнего человека в призыве Иисуса. Раз призыв Иисуса Христа к богатому юноше несет тому смерть, раз тот может идти вслед только умерев для собственной воли, раз каждая заповедь Иисуса зовет нас умереть вместе со всеми нашими похотями и желаниями, и раз мы не можем хотеть нашей собственной смерти, то нашей смертью и жизнью должен быть Иисус Христос в своем слове. Призыв Христа идти вслед, крещение именем Иисуса Христа — это жизнь и смерть. Призыв Христа, крещение бросают христианина в ежедневную борьбу против греха и дьявола. Поэтому каждый день приносит ученику новые искушения плотью и миром и новое страдание Иисуса Христа. Раны и рубцы, с которыми ученик из этой борьбы выходит, суть живые знаки его крестной общности с Иисусом. Но есть еще одно страдание, еще одно бесчестие, которых не избежать ни одному христианину. Хотя только страдание самого Христа — искупительное, но раз Христос пострадал за грехи мира, раз на него пало все бремя вины и раз Иисус Христос передал ученикам плод своих страданий, то и на ученика падает искушение и грех, покрывает его явным позором и выгоняет за городские ворота как козла отпущения. Так христианин начинает нести грех и вину за других людей. Они бы неизбежно его сломали, не неси его самого Тот, кто понес грехи всех. Но теперь он может силой страданий -Христа победить падшие на него

грехи, прощая их. Христианин начинает нести бремя - носите бремена друг друга и так исполните закон Христов (Гал. 6, 2). Как Христос несет наше бремя, так и мы должны нести бремя братьев, и закон Христа, который надо исполнить, — это несение креста. Бремена брата, которые я должен нести, — это не только его внешняя участь, характер, наклонности, но и в самом прямом смысле слова его грехи. А нести их я могу, только их прощая силой креста Иисуса, которому я стал причастен. Поэтому призыв Иисуса нести Крест ставит каждого идущего вслед в общность прощения грехов. Прощение грехов — это назначенное ученику Христово страдание. Оно возложено на всех христиан.

Но как ученику узнать, в чем его крест? Он поймет это, вступив в хождение вслед страдающему Господу, он узнает свой крест в общности с Иисусом.

Поэтому страдание — признак идущего вслед Христу. Ученик не выше своего учителя. Хождение вслед — это *passio passiva*<sup>1</sup>, должное страдание. Поэтому Лютер мог отнести страдание к признакам истинной Церкви. Поэтому в предварительных материалах к Аугсбургскому исповеданию Церковь была определена как община тех, "кто гоним и терпит мученичество из-за Евангелия". Кто не хочет взять свой крест, отдать жизнь страданию и отверженности, тот теряет общность с Христом, тот уже не идет вслед. Но кто теряет жизнь, идя вслед, неся крест, тот обретет ее в самом хождении вслед, в крестной общности с Христом. Противоположность хождению вслед — это стыдиться Христа, стыдиться креста, видеть в нем искушение.

Хождение вслед - это связь со страдающим Христом. Поэтому нет ничего удивительного в страдании христиан. Зато в нем есть чистая милость и радость. Деяния первых мучеников Церкви свидетельствуют, что Христос преобразил для своих верных миг предельной муки в неопишную уверенность в близости к Нему и общности с Ним. Так посреди самой страшной муки, которую они терпели ради своего Господа, им доставалась высшая радость и блаженство общности с Ним. Несение креста оказывалось для них единственным преодолением страдания. Но так и со всеми, кто идет за Христом, ибо так было и с Ним самим.

"И отошел немного, пал на лице Свое, молился и говорил: Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша

сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты... Еще, отошед в другой раз, молился, говоря: Отче Мой! если не может чаша сия миновать Меня, чтобы не пить ее, да будет воля Твоя" (Мф. 26, 39 и 42).

Иисус просит Отца, чтобы чаша прошла мимо, и Отец слышит просьбу Сына. Чаша страдания минует Иисуса, но *лишь потому, что она будет выпита*. Второй раз молясь в Гефсимании, Иисус знает, что страдание пройдет мимо, поскольку Он будет страдать этим страданием. Лишь неся, страдание, Он его преодолет и победит. Его крест - это его победа.

Страдание — это богооставленность. Поэтому находящийся в общности с Богом не может страдать. Иисус подтверждает это положение Ветхого Завета. Именно поэтому Он берет на себя и преодолевает страдание всего мира. Всю богооставленность Он несет на себе. Именно потому, что Он пьет чашу, она идет мимо. Иисус хочет преодолеть страдание мира, поэтому Он должен его целиком вкусить. Поэтому, хотя страдание и остается богооставленностью, но в общности со страданием Иисуса Христа страдание преодолено страданием, и именно в страдании дарована общность с Богом.

Страдание нужно вынести, чтобы оно миновало. Либо его должен понести мир и из-за него погибнуть, либо оно падет на Христа и в Нем будет преодолено. Поэтому Христос страдает вместо мира. Только Его страдание - избавляющее. Но теперь и община знает, что страдание мира ищет носителя. Поэтому оно падает на идущую вслед Христу общину, и она его несет, сама будучи несомая Христом. Община Иисуса Христа замещает мир перед Богом, идя вслед и неся крест.

Бог есть Бог несения. Сын Божий понес нашу плоть, поэтому Он понес крест, понес все наши грехи и, неся, искупил их. Поэтому и идущий вслед призван нести. Нести и значит быть христианином. Как Христос, неся, хранит общность с Отцом, так и для идущего вслед нести значит быть в общности с Христом. Конечно, человек может скинуть возложенное на него бремя. Но так он не освободится от бремени, а понесет бремя еще тяжелее, еще непосильней. Он понесет им самим выбранное бремя себя самого. Иисус призвал всех, ктоотягощен какими-то страданиями и бременами, сбросить их иго и взять Его иго, которое хорошо, и Его бремя, которое легко. Его иго

и бремя — это крест. Идти под этим крестом — это не беда и отчаяние, но наслаждение и покой души, это высшая радость. Мы идем уже не под самочинными законами и бременами, но под игом Того, кто нас знает и сам идет с нами под этим игом. Под Его игом мы уверены в Его близости и общности с Ним. Он сам и есть то, что находит идущий вслед, беря крест.

"Должно идти не по твоему разуму, а мимо твоего разума: погрузись в неразумие, и Я дам тебе мой разум. Неразумие — это истинный разум; не знать, куда идешь, — значит вершГзнать, куда идешь. Мой разум превращает тебя в неразумного. Так Авраам вышел из своего отечества и не знал куда. Он отдался Моему знанию и отбросил свое, и пошел верным путем к верной цели. Смотри, это путь креста, этот путь ты не можешь найти сам, но Я тебя должен вести как слепого; потому не ты, не человек, не тварь, но Я, Я сам Моим духом и словом укажу тебе путь, по которому ты сможешь идти. Не дело, тобою выбранное, не страдание, тобою измышленное, но выпавшее тебе вопреки твоему выбору, замыслам, желаниям — вот чему следуй, туда Я зову, там будь учеником, там настало время, туда пришел твой Учитель" (Лютер).

#### Примечание

<sup>1</sup> Passio passiva (лат.) — букв. "страдательное страдание". - Примеч. пер.

## ХОЖДЕНИЕ ВСЛЕД И ОДИНОЧЕСТВО

"Если гёто приходит ко Мне, и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником" (Лк. 14, 26).'

Призыв Иисуса идти вслед превращает ученика в одиночку. Хочет он или нет, он должен решиться, решиться один. Стать одиноким — это не собственный выбор человека, одиноким делает позванного Христос. Позван каждый в одиночку. И пойти вслед он должен один. Страхась этого одиночества, человек ищет защиты у людей и вещей вокруг. Он сразу вспоминает весь круг своих обязательств и цепляется за них. Он хочет принять решение под их прикрытием, лишь бы в одиночку не встречаться с Иисусом, лишь бы не решать, глядя только на Него. Но ни отец, ни мать, ни жена, ни ребенок, ни народ, ни история не укроют позванного в этот час. Христос хочет сделать человека одиноким, чтобы человек видел лишь Того, кто его зовет.

В призыве Иисуса уже совершился разрыв с естественными условиями, в которых живет человек. Его совершает не пошедший вслед, а сам Христос своим призывом. Христос освобождает человека от непосредственного отношения к миру и ставит его в непосредственное отношение к себе самому. Никто не может идти вслед Христу, не признав и не одобрив уже совершенный разрыв. Не произвол самовольной жизни, а сам Христос приводит ученика к разрыву.

Отчего должно быть именно так? Отчего нет непрерывного вращающегося, медленного освящающего продвижения от естественного распорядка к общности с Христом? Что за злая сила вклинивается между человеком и богоданным распорядком его естественной жизни? Разве не законнический методизм — такой разрыв? Разве это не угрюмое презрение к благим дарам Бога, несовместимое со свободой христианина? Да, в самом деле, что-то встает между тем, кого позвал Христос, и данностями его естественной жизни. Но отнюдь не угрюмое презрение к жизни, отнюдь не закон праведности, — встает сама жизнь, сам Христос. Вочеловечившись, Он поставил себя между мной и данностями мира. Вернуться я уже не могу. Посередине — Он. Он отнял у позванного непосредственное отношение к этим данностям. Он хочет быть Посредником, всё должно происходить только через Него. Он стоит не только между мной и Богом, но Он стоит и между мной и миром, между мной и другими людьми и вещами. Он — *Посредник*, не только между Богом и человеком, но и между человеком и человеком, между человеком и действительностью. Так как весь мир создан через Него и для Него (Ио. 1, 3; 1 Кор. 8, 6; Евр. 1, 2), то Он — единственный посредник в мире. С прихода Христа у человека больше нет непосредственного отношения ни к Богу, ни к миру; Христос хочет быть Посредником. Хотя полно богов, предоставляющих человеку непосредственный доступ, хотя мир всеми средствами пытается встать в непосредственное отношение к человеку, но именно в этом и заключается вражда против Христа, против Посредника. Боги и мир хотят отнять у Христа то, чего Он их лишил: исключительность и единственность непосредственного отношения к человеку.

Разрыв с непосредственностями мира — это ничто иное, как признание Христа Сыном Божиим, Посредником. Этот разрыв не бывает произвольным актом, в котором человек ради какого-то идеала отрекается от уз мира, меняя меньший идеал на больший. Это было бы мечтательством, самоуправством, и вновь — непосредственным отношением к миру. Только признание совершившегося факта, что Христос есть Посредник, отрывает ученика Иисуса от мира людей и вещей. Призыв Иисуса, понятый не как идеал, а как слово Посредника, распространяет и на меня действие этого совершившегося разрыва с миром. Иди речь о каком-то взвешивании идеалов, то пришлось

бы так или иначе сначала их приравнять; ИИСУС, М... быть, выиграет христианский, но сначала должно равноправие. С точки зрения идеалов, с точки "ответственной" жизни нельзя было бы оправдать ради кальное обесценивание естественного распорядка жизни перед лицом христианского жизненного идеала. Вероятно, даже слишком многое можно сказать в пользу обратной оценки — разумеется, именно исходя из христианских идеалов, христианской этики ответственности или совести! Но речь вовсе не об идеалах, оценках, ответственности, а о совершившемся факте и о его признании, и о личности самого Посредника, который поставил себя между нами и миром, и потому остается только разрыв с непосредственностями жизни, потому перед Посредником позванный должен стать одинок.

Итак, позванный Иисусом Христом узнаёт, что в своих отношениях с миром жил иллюзиями. Иллюзией этой была непосредственность. Она мешала ему верить и слушаться. Теперь он понимает, что даже в теснейших узлах его жизни, в кровных связях с отцом и матерью, с детьми, братьями и сестрами, в брачной любви, в исторической ответственности у него не может быть ничего непосредственного. Между сыном и отцом, между мужем и женой, между отдельным человеком и народом стоит Христос, Посредник, способны они Его узнать или нет. Теперь у нас нет пути к другому, кроме пути через Христа, через его слово и наше хождение вслед. Непосредственность — это обман.

Но раз надо ненавидеть обман, скрывающий от нас правду, то ради Посредника Иисуса Христа надо ненавидеть и непосредственное отношение к естественным данностям жизни. Какая бы общность ни мешала нашему одиночеству перед Христом, какая бы общность ни притягивала на непосредственность, ее — ради Христа — надо ненавидеть; а раз всякая непосредственность есть, сознательно или нет, ненависть к Христу — Посреднику, то надо ненавидеть и ту — именно ту — общность, которая хочет считаться христианской.

Теология глубоко заблуждается, используя посредничество Иисуса между Богом и человеком чтобы оправдать непосредственности жизни. Рассуждают так: если Христос — Посредник, то, значит, Он понес грехи всех наших непосредственных отношений к миру и нас оправдал. Ии-

ею — наш Посредник перед Богом, поэтому мы с чистой совестью можем снова непосредственно относиться к миру, к миру, распятому Христу. Тем самым любовь к миру и любовь к Богу сведены к одному знаменателю. Разрыв с данностями мира объявляется "законническим" непониманием милости Божьей, которая будто бы хотела нас избавить от этого разрыва. Слова Иисуса о ненависти к непосредственностям становятся теперь ясным и радостным Да "богоданной действительности" этого мира. Оправдание грешника снова превращается в оправдание греха.

Для идущего вслед Иисусу "богоданная действительность" существует только через Иисуса Христа. Что мне дано не через Христа, который вочеловечился, то мне дано не от Бога. Что мне дано не ради Христа, исходит не от Бога. Благодарность за дары творения произносится через Иисуса Христа, и просьба о милостивом поддержании нашей здешней жизни произносится ради Христа. Когда я не могу благодарить ради Христа, тогда я вообще не могу благодарить, это вменяется мне в грех. И путь к "богоданной действительности" другого человека, вместе с которым я живу, идет через Христа, иначе это ложный путь. Все наши попытки средствами естественных или душевных связей преодолеть пропасть, отделяющую нас от другого человека, непреодолимую дальность, инакость, чуждость другого человека — неизбежно терпят крах. От одного человека к другому нашего собственного пути нет. Самая любовная чуткость, самая продуманная психология, самая естественная открытость не приводят нас к другому человеку, никаких душевных непосредственностей нет. На пути стоит Христос. Только через Него идет путь к ближнему. Поэтому молитвенное прошение есть самый многообещающий путь к другому, а общая молитва во имя Христа — самая истинная общность.

Нельзя верно узнать дары Бога, не узнав Посредника, только ради которого они нам и даны. Нельзя по-настоящему благодарить за народ, семью, историю без глубокого раскаяния, которое только и воздает Христу честь. Не бывает ни настоящей связи с данностями тварного мира, ни настоящих обязательств в этом мире без признания того разрыва, которым мы от него уже отделены. Нельзя по-настоящему любить мир кроме как любовью, которой Бог возлюбил мир в Иисусе Христе. "Не любите мир" (1 Ио. 2, 15). Но: "Так возлюбил Бог мир, что отдал Сына Сво-

его едиnorodного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную" (Ио. 3, 16)

Разрыв с непосредственностями неминуем. Совершится ли этот разрыв видимо в разрыве с семьей или народом, призван ли кто явно нести позор Христа, принять на себя обвинение в человеконенавистничестве (*odium generis humani*)<sup>1</sup>, или же этот разрыв останется скрыт, известен лишь самому человеку, всегда готовому осуществить его явно, — это разница не решающая. Образцом для обеих возможностей стал Авраам. Он должен был оставить свое родство и отчий дом, между ним и его близкими встал Христос. Тогда разрыву пришлось быть явным. Ради земли обетованной Авраам стал странником. Таким был первый призыв к нему. Потом Бог призвал Авраама принести сына Исаака в жертву. Между отцом веры и сыном обетования встал Христос. Здесь разорвана не только естественная непосредственность, но даже и духовная. Авраам должен узнать, что и обетование принадлежит не Исааку, а только Богу. Никто не знает об этом призыве Бога, даже слуги, сопровождающие Авраама к месту жертвоприношения. Авраам остается совсем один. Он снова совершенно одинок, как и тогда, когда ушел из отчего дома. Он принимает призыв впрямую, не перетолковывает его, не придает ему духовного смысла, он понимает Бога буквально и готов повиниться. Вопреки любой естественной, этической, религиозной непосредственности он покоряется слову Бога. Он приносит своего сына в жертву. Ради Посредника он готов явно осуществить тайный разрыв. И вот ему снова подарено всё, что он отдал. Авраам получает сына обратно. Богом указана лучшая жертва, которая должна занять место Исаака. Это поворот на 360 градусов, Авраам снова обрел Исаака, но теперь он связан с ним не так, как прежде. Он связан с ним через и ради Посредника. Будучи тем, кто готов буквально понять и исполнить приказ Бога, он может теперь иметь Исаака как неимеющий, иметь через Иисуса Христа. Об этом не знает никто другой. Авраам идет с Исааком с горы, как и взшел на нее, но все переменялось. Между отцом и сыном встал Христос. Авраам все оставил и пошел вслед Христу, и теперь он может посреди хождения вслед снова жить в мире, в котором жил прежде. Внешне все осталось по-старому. Но старое прошло, смотри, теперь все новое. Все должно было пройти через Христа.

Это другая возможность быть одиноким, идти вслед Христу посреди общности, в народе и отчем доме, с имуществом и собственностью. Но к такому существованию призван именно Авраам, который прошел перед тем через явный разрыв и вера которого стала образцом для Нового Завета. Мы слишком охотно обобщаем и понимаем законнически эту возможность Авраама, то есть без оговорок распространяем ее и на нас самих. Будто таково и наше существование как христиан: посреди обладания благами этого мира следовать Христу и поэтому быть одиноким. Но ясно, что для христианина дойти до внешнего разрыва — это путь более легкий, чем в вере скрытно сносить разрыв тайный. Кто этого не знает, то есть не узнал из Писания или из опыта, тот, несомненно, себя обманывает и идет совсем не тем путем. Он впадет в непосредственность и утратит Христа.

Выбрать ту или иную возможность не в нашей воле. Так или иначе по воле Христа мы вызваны прочь из непосредственности и тайно или явно должны стать одиноки.

Но тот же самый Посредник, который делает нас одинокими, оказывается основой совершенно новой общности. Он стоит посередине, между другим человеком и мною. Он разделяет, но Он же и объединяет. Поэтому, хотя и отрезаны все непосредственные пути к другому, но зато теперь идущему вслед указан новый и единственно реальный путь к другому — через Посредника.

"И начал Петр говорить Ему: вот, мы оставили все и последовали за Тобою. Иисус сказал в ответ: истинно говорю вам: нет никого, кто бы оставил дом, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли, ради Меня и Евангелия, и не получил бы ныне, во время сие, среди гонений, в сто крат более домов, и братьев, и сестер, и отцев, и матерей, и детей, и земель, а в веке грядущем жизни вечной; многие же будут первые последними, и последние первыми" (Мк. 10, 28—31).

Здесь Иисус обращается к тем, кто ради него стал одинок, всё оставил в ответ на его призыв, кто может сказать о себе: смотри, мы всё оставили и пошли за Тобой. Им дано обетование новой общности. По слову Иисуса, они должны уже во время сие стократно получить то, что оставили. Иисус говорит здесь о своей общине, которая обретает себя в Нем. Оставивший ради Иисуса отца непременно найдет здесь и отца, и братьев, и сестер, ему при-

готовлены даже земли и дома. Вступает в хождение вслед каждый в одиночку, но в хождении вслед никто не остается одинок. Решившемуся в ответ на слово стать одиноким даруется общность общины. Он снова обретает себя в явном братстве, стократно возмещающем ему потерянное. Стократно? Именно потому, что он всем обладает теперь только через Иисуса, через Посредника, это "стократно" означает, конечно, "среди гонений". "Стократно" — "среди гонений", вот милость общины, которая идет вслед своему Господу под крестом. Это и обещание идущим вслед, что они станут членами крестной общины, будут народом Посредника, народом, несущим крест.

"Когда были они на пути, восходя в Иерусалим, Иисус шел впереди их, а они ужасались и, следуя за Ним, были в страхе. Подозвав двенадцать, Он опять начал им говорить о том, что будет с Ним" (Мк. 10, 32). Словно подтверждая серьезность своего призыва идти вслед и одновременно невозможность хождения для человеческих сил, подтверждая обещание, что и среди гонений они будут принадлежать Ему, Иисус идет в Иерусалим на крест, и идущих Ему вслед охватывает изумление и страх на том пути, на который Он их зовет.

#### *Примечание*

<sup>1</sup> Выражение из "Анналов" Тацита, XV, 44, 3. — *Примеч. пер.*



## НАГОРНАЯ ПРОПОВЕДЬ

*Матфей, 5: О "чрезвычайном" в христианской жизни*

### БЛАЖЕНСТВА

Иисус на склоне горы, толпа народу, ученики. *Народ видит*: вот Иисус со своими учениками, Его обступившими. Ученики - совсем недавно они сами целиком и полностью принадлежали народу. Они были как все остальные. Потом раздался призыв Иисуса; они всё оставили и пошли Ему вслед. С тех пор они принадлежат Иисусу, целиком и полностью. Теперь они ходят с Ним, живут с Ним, следуют за Ним, куда бы Он их ни повел. С ними случилось что-то, чего не случилось с остальными. Это крайне тревожный и соблазнительный факт, явно стоящий у народа перед глазами. *Ученики видят*: вот народ, из которого они вышли, потерянные овцы дома Израилева. Это призванная община Бога. Это Народ-Церковь. Когда призыв Иисуса отобрал их из этого народа, они сделали очевидную и необходимую для потерянных овец дома Израилева вещь: они пошли на голос доброго пастыря, ибо узнали его голос. Именно на своем пути принадлежат они этому народу, в этом народе будут жить, в него войдут и станут проповедовать ему призыв Иисуса и славу хождения вслед. Но каким будет конец? *Иисус видит*: вот его ученики. Они явно подступили к Нему, выступив из народа. Он позвал каждого по отдельности. В ответ на его призыв они отказались от всего. Теперь они живут в лишениях и нужде, самые нищие из нищих, самые искушаемые из искушаемых, самые голодные из голодных. У них есть только Он. И с Ним у них в мире нет ничего, совсем

ничего, но у них есть всё — в Боге. Вот маленькая община, которую Он нашел, и вот большая, которую Он ищет, видя народ. Ученики и народ — одно целое, ученики его нут Его вестниками, повсюду они найдут слушателей и верующих. И все же до самого конца между ними сохранится вражда. Весь гнев против Бога и его слова падет на его учеников и вместе с Ним будут отвержены и они. Становится виден крест. Христос, ученики, народ - налицо уже весь образ истории страстей Иисуса и его общины<sup>1</sup>.

Поэтому: блаженны! Иисус обращается к ученикам (ср. Лк. 6, 20 ел.). Он обращается к тем, кто уже во власти его призыва. Этот призыв сделал их нищими, искушаемыми, голодными. Он называет их блаженными не из-за их нужды или их отречения. Ни нужда, ни отречение сами по себе — отнюдь не причина так их называть. Достаточная причина — только призыв и обетование, из-за которых идущие вслед живут в нужде и отречении. Наблюдение, что в одних блаженствах сказано о нужде, а в других — о сознательном отречении, то есть об особенных добродетелях учеников, — ничего не меняет. И у объективной нужды и у личного отречения общая причина: призыв и обетование Христа. Само по себе и то и другое лишено как ценности, так и каких бы то ни было прав<sup>2</sup>.

Иисус называет своих учеников блаженными. Народ это слышит и ужасается происходящему. То, что по обещанию Бога принадлежало всему народу Израиля, достается маленькой общине избранных Иисусом учеников. "Их есть Царство Небесное". Но ученики и народ едины потому, что все они — призванная Богом община. Поэтому слова Иисуса о блаженствах могут стать для всех решением и спасением. Все призваны стать теми, кто они во истину суть. Блаженны ученики из-за призыва Иисуса, за которым они последовали. Блажен весь Народ Божий из-за обещания, которое сохраняет для него силу. Но поймет ли теперь Народ Божий это обещание, веря в Иисуса Христа и в его слово, или же, не поверив, отделится от Христа и его общины? Это остается вопросом.

"Блаженны нищие духом, ибо их есть Царство Небесное". Ученики испытывают нужду во всем. Они попросту "нищие" (Лк. 6, 20). Ни безопасности, ни имущества, которое они могли бы назвать своим собственным, ни клочка земли, который бы смели назвать своей родиной, ни земной общности, к которой бы по праву принадлежали.

Но у них нет и собственных духовных сил, опыта, познаний, на которые они могли бы опереться, которыми бы утешались. Ради Него они всё потеряли. Пойдя Ему вслед, они потеряли и самих себя и всё, что еще могло бы сделать их богатыми. Теперь они нищие, до того неопытные, до того глупые, что им больше не на кого надеяться, кроме как на Позвавшего их. Иисус знаком и с другими: представителями и проповедниками народной религии, властными, авторитетными, прочно стоящими на земле, укорененными в народности, духе времени, народном благочестии. Но не им, а лишь своим ученикам Он говорит: блаженны, — ибо их есть Царство Небесное. Заря Царства Небесного занимается над теми, кто ради Иисуса просто живет *в нужде и отречении*. Посреди нищеты они — наследники Небесного Царства. Сокровище их глубоко скрыто, их сокровище — крест. Царство Небесное обещано им в явном великолепии и славе и уже сейчас даровано в совершенной нищете креста.

Иисусовы блаженства ничуть не похожи на свою карикатуру в виде политико-социальных программ. Антихрист тоже называет нищих блаженными, но не из-за креста, в котором заключена, в котором блаженна всякая нищета, а как раз ради отпора кресту с помощью политико-социальной идеологии. Пусть он даже назовет эту идеологию христианской — именно поэтому он и станет врагом Христа.

"Блаженны скорбящие, ибо они утешатся". С каждым следующим блаженством углубляется пропасть между учениками и народом. Ученики вызываются прочь, изымаются из народа все более явно. Скорбящие — это те, кто готов жить, *отрекшись от всего, что мир зовет счастьем и миром*, кто не может настроиться в унисон с миром, стать с ним наравне. Они несут скорбь о мире, его вине, судьбе, счастье. У мира праздник, а они в стороне; мир кричит: радуйтесь жизни, а они скорбят. Они видят, что корабль, на котором празднуют и ликуют, уже дал течь. Мир гремит о прогрессе, о силе, о будущем, а ученики знают о конце, о Суде и о пришествии Царства Небесного, к которому мир нисколько не готов. Поэтому ученики — чужаки в мире, докучливые гости, возмутители тишины, которых отвергают. Отчего община Иисуса на стольких праздниках народа, среди которого живет, должна стоять поодаль? Неужели она перестала понимать своих ближ-

них? Неужели впала в ненависть и презрение к людям? Лучше, чем община Иисуса, своих ближних не понимает никто. И ближних никто не любит сильнее, чем Иисусова община — потому-то они стоят вонне, потому-то и несут скорбь. Глубокомысленно и прекрасно перевел Лютер греческое слово как "нести скорбь". Именно в том, чтобы нести, всё дело. Община учеников не сбрасывает скорбь, будто та не имеет к ней отношения, но несет ее. В этом и выражается их связанность с ближними. И значит, она не ищет скорбей самовольно, не устраняется в своевольном презрении к миру, но несет возложенное и павшее на нее ради Иисуса Христа в хождении вслед. И наконец скорбь не обессиливает, не изматывает, не ожесточает учеников, не сокрушает их. Напротив, они несут ее силой Того, кто несет их самих. Ученики несут возложенную на них скорбь только силой Того, кто на кресте понес всякую скорбь. Неся скорби, они стоят в общности с Распятым. Они чужаки и стоят в стороне силой Того, кто был настолько чужд миру, что мир Его распял. Вот их утешение, вернее, вот их Утешитель (ср.: Лк. 2, 25). Община чужаков утешена крестом, утешена тем, что изгнана туда, где ее ждет Утешитель Израиля. И она находит свою истинную родину у распятого Господа, здесь и вовеки.

"Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю". Эта община чужаков не защищена в мире никакими правами. Она на них и не притязает, так как кроткие — это те, кто, *отрекшись от всех своих прав*, живет ради Иисуса Христа. Их поносят — они спокойны, их притесняют — они терпят, их выгоняют — они отступают. Они не заводят тяжбы о своих правах, не поднимают шума, когда с ними несправедливо обошлись. Никаких своих прав им не надо. Всё право они хотят предоставить только Богу; поп *curi di vindictae*<sup>3</sup>, гласит толкование ранней Церкви. Право для их Господа пусть будет правом и для них. Только оно. Из каждого их слова, каждого жеста ясно, что они этой земле не принадлежат. Оставьте им небо, сочувственно говорит мир, вот их место<sup>4</sup>. Но Иисус говорит: они наследуют землю. Земля принадлежит этим бесправным и бессильным. Владеющие ею теперь с помощью силы и несправедливости ее потеряют, а совершенно от нее отрекшиеся, кроткие вплоть до креста, будут хозяевами новой земли. Не надо при этом думать о карающем правосудии Бога, действующем в мире (Кальвин); нет, когда настанет Цар-

ство Небесное, тогда облик земли обновится и она будет землей общины Иисуса. Бог не покидает землю. Он ее сотворил. Он послал на землю своего Сына. Он на земле построил свою общину. Так что начало положено уже в этом веке. Знак дан. Уже здесь бессильным дан клочок земли - той, которая есть у Церкви; дана ее общность, ее блага, братья и сестры - посреди гонений вплоть до креста. Но и Голгофа - это клочок земли. Начиная с Голгофы, где умер Кротчайший, земля может обновляться. Когда придет Царство Бога, кроткие наследуют землю.

"Блаженны алчущие и жаждущие правосудия, ибо они насытятся". Идущие вслед живут отрекшись не только от собственных прав, но даже и *от собственного правосудия*. За то, что они делают и чем жертвуют, собственной славы у них нет. Правосудие у них может быть только в голоде и жажде по нему; ни своего правосудия, ни правосудия Бога на земле; они смотрят все время на будущее правосудие Бога, но сами его осуществить не могут. Идущих вслед Иисусу в пути охватывает голод и жажда. Они несут тоску по прощению всех грехов и полному обновлению, по новой земле и совершенному правосудию Бога. Еще покрыты они проклятием мира, еще падает на них грех мира. Тот, за кем они идут, должен проклятый умереть на кресте. Отчаянная тоска по правосудию — его последний вопль: Боже мой, Боже мой, почему Ты Меня оставил? Но ученик не выше своего учителя. Они идут Ему вслед. И в этом они блаженны, ибо им обещано, что они насытятся правосудием - не слух только, но всё их тело. Они будут есть хлеб истинной жизни на будущей вечере со своим Господом. Из-за этого будущего хлеба они блаженны; ибо будущий хлеб есть у них уже сейчас. Во всяком голоде среди них Тот, кто есть Хлеб Жизни. Вот блаженство грешников.

"Блаженны милостивые, ибо они помилованы будут". Эти неимущие, эти чужаки, эти грешники, эти идущие вслед Иисусу живут с Ним, еще и *отрекшись от собственного достоинства*, ибо они милостивы. В лишениях, в нужде они сами обделены, но участвуют еще и в чужой нужде, в чужом унижении, в чужой вине. Непреодолима их любовь к ничтожному, больным, несчастным, к униженным и оскорбленным, к терпящим несправедливость и гонения, ко всему, что мучится и тревожится; они ищут впавших в грех и вину. Нет ни столь глубокой нужды, ни

столь страшного греха, чтобы к ним не пришло милосердие. Милостивый дарит впавшему в позор собственную честь и берет его позор на себя. Он отправляется к мытарям и грешникам и добровольно несет бесчестье общности с ними. Они отдают высшее благо человека: достоинство и честь, и они милостивы. Они знают только *одну* честь и достоинство: милосердие их Господа — единственное, чем они живы. Он не постыдился своих учеников, стал братом людям, понес их позор до смерти на кресте. Вот Его милосердие, которым только и хотят быть живы те, кто с Ним связан, милосердие Распятого. От этого милосердия они забывают собственную честь и достоинство и ищут только общности с грешниками. Если позор и падет из них, все же они блаженны, ибо помилованы будут. Когда-нибудь Бог низко склонится к ним и возьмет на себя их грех и позор. Бог даст им свою честь и снимет с них бесчестье. Честью Бога будет нести позор грешников и облечь их своей честью. Блаженны милостивые, ибо милостив их Господь.

"Блаженны чистые сердцем, ибо они смогут увидеть Бога"<sup>5</sup>. Кто чист сердцем? Лишь тот, кто до конца отдал свое сердце Иисусу, чтобы лишь Он в нем царил; кто не запятнал своего сердца ни злом, ни даже собственным добром. Чистое сердце — это простое сердце ребенка, не знающего о добре и зле, сердце Адама до падения, сердце, где царит не совесть, а только воля Иисуса. Кто живет, *отрекшись от собственного добра и зла*, от собственного сердца, кто живет в раскаянии и зависит только от Иисуса, сердце того очищено словом Иисуса. Здесь чистота сердца противопоставлена всякой внешней чистоте, к которой относится даже и чистота благих намерений. Чистое сердце чисто от добра и от зла, оно целиком и нераздельно принадлежит Иисусу, оно смотрит лишь на Того, кто идет перед ним. Узрит Бога лишь тот, кто в этой жизни смотрел только на Иисуса Христа, Сына Божьего. Его сердце свободно от пятнающих образов, не разрывается на части от многообразия собственных желаний и замыслов. Оно целиком поглощено созерцанием Бога. Бога узрит тот, чье сердце стало зеркалом для образа Иисуса Христа.

"Блаженны миротворцы, ибо они детьми Бога нарекутся". Идущие вслед Иисусу призваны к миру. Когда Иисус их позвал, они обрели свой мир. Их мир — Иисус. Теперь они пусть не только имеют, но и творят мир<sup>6</sup>. Так

они *отрекаются от насилия и бунта*. В деле Христа от таких вещей проку нет. Царство Христа — царство мира, и в общине Христа друг друга приветствуют приветствием мира. Ученики Иисуса поддерживают мир, охотно страдая сами, лишь бы не причинить страдания другому, храня общность тогда, когда другой ее разрушает, отрекаясь от самоутверждения и смиряясь перед ненавистью и несправедливостью. Так они побеждают зло добром. Так они становятся основателями божественного мира среди ненависти и войны. Но выше всего их мир тогда, когда они миром встречают злых и готовы от них пострадать. Миротворцы понесут крест со своим Господом, ибо мир был заключен на кресте. Они вовлечены в миротворчество Христа, призваны к труду Сына Божьего, потому их называют сыновьями Бога.

"Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство небесное". Здесь речь не о правосудии Бога, но о страдании ученика Иисуса за правое дело<sup>7</sup>, за правое суждение и поступок. Кто пошел вслед Иисусу, отрекшись от собственности, счастья, права, правосудия, чести, насилия, будет отличаться от мира в суждениях и поступках, будет возмущать мир. Поэтому ученики будут гонимы за правду. Не признание, а отвержение — вот похвала их слову и делу от мира. Важно, что Иисус называет учеников блаженными и тогда, когда они страдают не непосредственно за исповедание Его имени, но просто за правое дело. Им достается то же обетование, что и нищим. Они равны им, если их гонят.

Здесь, в конце блаженств, возникает вопрос, а есть ли в мире место для такой общины. Стало ясно, что для нее есть лишь одно место: то, где находится самый нищий, самый искушаемый, самый кроткий, это место — крест на Голгофе. Община блаженных — это община Распятого. С Ним она все потеряла, с Ним все нашла. Начиная с креста, это и значит: быть блаженным. И теперь Иисус обращается исключительно к тем, кто способен это постичь, к ученикам и потому — с прямым обращением: "Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески несправедливо злословить за меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас". "За меня" — поносить будут учеников, но попадут в самого Иисуса. Всё падет на Него, ибо за Него будут их поносить. Вину несет Он. Хула, смер-

тельные гонения и клевета удостоверяют блаженство учеников в их общности с Иисусом. Только так и может быть: мир вымещает свою ярость на кротких чужаках словом, насилием, злословием. Слишком опасен и громок голос этих нищих и кротких, слишком терпеливо и тихо их страдание, слишком сильным оказывается оружие этих учеников Иисуса — нищета и страдание от несправедливости мира. Это смертельно опасно. В то время как Иисус восклицает: блаженны, блаженны! — мир кричит: прочь, прочь! Да, прочь! Но куда? В Царство Небесное. Радуйтесь и утешьтесь: велика ваша награда на небесах. Там нищие обитают в чертоге радости. Сам Бог отирает у плачущих слезы изгнания, кормит голодных на своей вечере. Израненные и измученные тела просветляются, и вместо одежды греха и покаяния носят белые одежды вечного правосудия. Из этой вечной радости уже сейчас рвется зов к общине идущих вслед и несущих крест, зов Иисуса: блаженны, блаженны.

#### ВИДИМАЯ ОБЩИНА

"Вы — соль земли. Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою? Она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на поприще людям. Вы — свет мира. Не может укрыться город, стоящий на верху горы. И зажегши свечу, не ставят ее под сосудом, но на подсвечнике, и светит всем в доме. Так да светит свет ваш Перед людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного" (Мф. 5, 13—16).

Эти слова обращены к тем, кто в блаженствах позван в милость хождения вслед Распятому. Если до сих пор названные блаженными казались хотя и достойными Царства Небесного, но совершенно неприспособленными к жизни на этой земле, то теперь они приравнены к самому необходимому земному благу. Они — соль земли. Они самое драгоценное, самое высшее, чем владеет земля. Без них земля не смогла бы жить. Земля держится этой солью; земля жива именно из-за них — этих нищих, незнатных, слабых, отвергнутых миром. Изгоняя учеников, земля отрицает собственную жизнь и — о чудо! — именно из-за этих изгоев способна жить дальше. Эта "божественная соль" (Гомер) проявляется в своей действительности. Она действует по всей земле. Она ее сущность. Поэтому уче-

никам указано не только Царство Небесное, им указана и земная миссия. Им, связанным лишь с Иисусом, указано на землю, соль которой — они. Назвав солью не себя, а учеников, Иисус поручает им деятельность на земле. Он вовлекает их в свою работу. Он остается в народе Израиля, а ученикам поручает всю землю. Лишь оставаясь солью, лишь сохраняя очистительную силу приправы, может соль хранить землю. Как ради себя, так и ради земли соль должна оставаться солью, община учеников должна оставаться тем, чем стала из-за призыва Христа. В этом — ее истинная деятельность на земле и ее хранящая сила. Соль должна быть нетленной и потому прочной силой очищения. Поэтому Ветхому Завету соль нужна для жертвы, поэтому в католическом обряде крещения соль кладут в рот ребенку (Исх. 30, 35; Иез. 16, 4). В нетленности соли — залог прочности общины.

"Вы — соль", а не: станьте солью! Захотеть или не захотеть стать солью не отдано на волю учеников. И их не призывают стать солью. Нет, они — соль, хотят ли того или нет, в силу настигшего их призыва. Вы — соль, а не: у вас есть соль. Захоти кто вместе с реформаторами приравнять соль к миссии учеников, это было бы сужением. Имеется в виду всё их существование, поскольку оно заново основано призывом Христа идти вслед, то существование, о котором говорили блаженства. Кто настигнутый призывом Иисуса, идет Ему вслед, того во всем его существовании этот призыв сделал солью земли.

Разумеется, есть другая возможность: соль станет пресной, перестанет быть солью. Она перестанет быть действенной. Тогда, конечно, она лишь на то и будет годна, чтобы её выбросить. В этом отличие соли. Всякую вещь можно посолить, но ставшую пресной соль уже ничем не посолишь. Любое, самое испорченное вещество можно спасти солью, лишь ставшая пресной соль испорчена безнадежно. Вот другая сторона дела. Вот грозивший общине учеников суд. Земля может спастись общиной, лишь община, переставшая быть собой, пропала безвозвратно. Призыв Иисуса Христа значит: быть солью земли или уничтожиться, идти вслед или — сам призыв уничтожит позванного. Еще одной возможности спастись нет. Ее и не может быть.

Не только невидимой действенностью соли, но и видимым свечением света наделяет призыв Иисуса общину

учеников. "Вы свет" ~ опять-таки не: станьте светом! Светом их сделал сам призыв. Иначе и быть не может: они свет, который видел; будь иначе, было бы ясно, что призыв их покинул. Хотеть *стать* светом миру — что за недостижимая, бессмысленная цель для учеников Иисуса, для *этих* учеников! Они уже им стали — из-за призыва, в хождении вслед. Опять-таки не: у вас *есть* свет, но: вы свет! Свет — это не что-то вам данное, скажем, ваша проповедь, но вы сами. Тот самый, кто сам говорит о себе: Я Свет, — сам говорит и своим ученикам: вы свет во всей вашей жизни, пока вы держитесь призыва. А раз вы свет, то уже не можете укрыться, даже если бы и захотели. Свет светит, и город на горе не может укрыться. Просто не может. Он виден издали, будь это укрепленный город, охраняемый замок или руины. Город на горе — какому израильтянину не вспомнится Иерусалим, высоковыстроенный град! — это община учеников. Всем сказанным идущие? вслед не поставлены перед каким-то решением: единственное бывшее у них решение уже принято. Теперь они должны быть тем, чем являются, иначе они не идут вслед Иисусу. Идущие вслед — видимая община, их хождение — видимое действие, которым они выделяются из мира, — а иначе это никакое не хождение вслед. И именно оно видно, как свет в ночи, как гора на равнине.

Бегство в невидимость есть отрицание призыва. Община Иисуса, желающая быть невидимой, перестает быть идущей вслед общиной. "Зажженную свечу не прячут, а ставят на подсвечник" — вот опять-таки другая возможность: свет добровольно спрячется, укроется, призыв будет отвергнут. Укрытие, за которым прячет свой свет видимая община, может быть как человеческим страхом, так и сознательным уподоблением миру ради какой-нибудь цели — миссионерского ли толка, возникшей ли из неверно понятой любви к людям! Укрытием этим может стать — что еще опаснее — так называемая реформаторская теология, которая даже не боится именовать себя *theologia stucis*<sup>3</sup> и отличительный знак которой в том, что она предпочитает "фарисейской" заметности "смирненную" невидимость в форме полного растворения в мироподобии. Не чрезвычайная заметность, а приспособленность к *justitia civilis* становится признаком общины. И выходит, что критерий христианства именно в трм, чтобы свет *не* светил. Но Иисус говорит: пусть ваш свет светит

перед язычниками. В любом случае светящий здесь свет — это свет Иисусова призыва. Но каким же светом должны светить идущие вслед Иисусу, ученики из Блаженств? Какой свет должен исходить с того места, на которое имеют право только ученики? Что общего у невидимости и укрытости Иисусова креста, лежащего на учениках, со светом, который должен светить? Не следует ли из его укрытости, что и ученики должны быть в укрытости, а не на свету? Такой вывод — дурной софизм, выводящий из креста Иисуса мироподобие Церкви. Разве простому слушателю не очевидно, что именно там, у креста, стало видно что-то чрезвычайное? Разве же всё это — *justitia civilis*, разве крест — это мироподобие? Разве крест — это не то, что к ужасу остальных стало неслыханно видимо в любой тьме? Разве плохо видно, что Христос отвержен и должен пострадать, что его жизнь кончается за воротами города, на холме позора? Это ли невидимость?

Вот в *этом* свете должны стать видны добрые дела учеников. Не вас они должны увидеть, но ваши добрые дела. Что такое добрые Дела, которые можно увидеть в этом свете? Это лишь те добрые дела, которые в них сотворил сам Иисус, призвав, сделав их светом миру под его крестом: нищета, чуждость, кротость, миролюбие и, наконец, гонимость и отверженность и во всем это одно: нести крест Иисуса Христа. Крест — вот необычайный, светящий здесь свет в котором только и видны все добрые дела учеников. Ни разу нет речи о том, что видим становится Бог; нет, видны "добрые дела", и за них люди хвалят Бога. Становится виден крест и дела креста, становятся видны нужда и отречение тех, кто назван блаженными. Но за крест и такую общину уже нельзя хвалить человека, хвалить за них можно только Бога. Будь добрые дела человеческими добродетелями, тогда бы за них хвалили не Отца, а ученика. Но нечего хвалить в несущем крест ученике, в общине, свет которой так светит, которая так заметна на горе, — за их добрые дела можно хвалить только Отца на небесах. Поэтому люди *видят* крест и общину креста — и верят в Бога. Но это свет воскресения.

"Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков; не нарушить пришел Я, но исполнить. Ибо истинно говорю вам: доколе не прейдет небо и земля, ни одна йота или ни одна черта не прейдет из закона, пока не исполнится все. Итак, кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царстве Небесном; а кто сотворит и научит, тот великим наречется в Царстве Небесном. Ибо, говорю вам, если праведность ваша не превзойдет праведности книжников и фарисеев, то вы не войдете в Царство Небесное" (Мф. 5, 17-20).

Было бы неудивительно, если бы, услышав от своего Господа обетования, в которых обесценивалось всё ценное в глазах народа, а всё неценное названо блаженством, ученики вообразили, что Закону настал конец. К ним обратились, их отметили как тех, кому по свободной милости Бога досталось абсолютно всё, кто теперь обладает всем, кто стал наследником Царства Небесного. У них есть полная и личная общность с Христом, который все сделал новым. Она — соль, свет, город на горе. Все старое миновало, отменилось. И так естественно было ждать, что сейчас Иисус проведет окончательную границу между собою и всем прежним, упразднит закон Ветхого Завета и отречется от него в сыновней свободе, объявив его недействительным для своей общины. После всего предыдущего ученики могли бы подумать то же, что Маркион, который, увидев в этом тексте иудаистскую фальсификацию, так его переменял: "Вы думаете, что я пришел исполнить закон и пророков? Я пришел разрушить, а не исполнить". И после Маркиона нет числа подобным толкованиям слова Иисуса. Но Иисус сказал: "Не думайте, что Я пришел нарушить закон или пророков..." Христос утверждает закон Ветхого Завета.

Как это понимать? Мы знаем, что слова эти обращены к идущим вслед, к тем, кто связан только с Иисусом. Ни какой закон не вправе был помешать общности Иисуса с учениками, это стало ясно при толковании Лк. 9, 57 ел. Хожdenие вслед — это связь исключительно и непосредственно с Иисусом Христом. А здесь выявляется совершенно неожиданная связь учеников с ветхозаветным законом. Иисус говорит ученикам сразу две вещи: с одной

стороны, связь с Законом — это еще не хождение вслед, но, с другой ~ и незаконная связь с личностью Иисуса Христа не может зваться хождением. Он сам указывает на Закон тем, кому даровал все свои обетования и полную общность с собой. Раз на Закон указывает Тот, за кем следуют ученики, значит, Закон для них имеет силу. Тут неизбежно возникает вопрос: что же имеет силу, Христос или Закон? С чем я связан? Только с Христом или все-таки еще и с Законом? Христос сказал, что никакой закон не смеет встать между Ним и его учениками. А теперь он говорит, что разрушить Закон — значит порвать и с Ним самим. Что это значит?

Закон — это закон Ветхого Завета, отнюдь не новый закон, но единственный, прежний Закон, на который как на явную волю Бога было указано и богатому юноше и искусителю-книжнику. И новой заповедью Закон становится лишь потому, что Христос связывает с этим Законом идущих Ему вслед. Нет речи о каком-то "лучшем законе", как у фарисеев; это единственный и все тот же Закон, это Закон, каждая буква которого должна сохраняться и исполняться до конца света, каждая йота которого должна сбыться. Но, разумеется, речь идет о "лучшей праведности". У кого нет этой лучшей праведности, тот не войдет в Царство Небесное, именно потому, что покинул хождение вслед Иисусу, который указывает ему на Закон. Но никто и не обрел бы этой лучшей праведности кроме того, к кому сейчас обращено слово, кроме призванного Христом. Условие лучшей праведности — это призыв Христа, это сам Христос.

Так становится понятно, что в этом месте Нагорной проповеди Христос впервые говорит сам от себя. Между лучшей праведностью и учениками, от которых Он ее требует, стоит Он сам. Он пришел исполнить закон Ветхого Завета. Вот предпосылка всего остального. Иисус показывает полное свое единство с волей Бога в Ветхом Завете, в Законе и Пророках. Ему действительно нечего добавлять к заповедям Бога, Он их соблюдает - вот единственное его добавление. Он исполняет Закон, это Он сам о себе говорит. Потому Закон и истинен. Он исполняет его до последней йоты. Но благодаря тому, что Он его исполняет, "сбывается всё", что должно сбыться для исполнения Закона. Иисус сделает то, чего требует Закон, поэтому Он будет должен претерпеть смерть; ибо только Он видит в

Законе Закон Бога, то есть ни сам Закон не есть Бог, ни сам Бог не есть Закон, так что Закон не занимает места Бога. Такое - неверное, — понимание Закона было у Израиля. Обожествление Закона и озаконивание Бога были грехом Израиля. А ученикам, напротив, грозило другое, тоже греховное, понимание: разбожествление Закона и отрыв Бога от его Закона. В обоих случаях Бог и Закон либо разошлись, либо совпали бы, что, в сущности, сводится к одному и тому же. Отождествляя Бога и Закон, евреи хотели с помощью Закона завладеть самим Богом/Бог растворился в Законе и перестал быть его господином. А ученики, полагая, что могут оторвать Бога от его Закона, хотят завладеть Богом, будто это они — хозяева спасения. В обоих случаях смешаны дар и даритель, и Бог отрицается то с помощью Закона, то с помощью обетования спасения.

Обоим толкованиям вопреки Иисус утверждает Закон как закон Бога. Бог — даритель и господин Закона, и только в личной общности с Богом исполняется Закон. Нет исполнения Закона без общности с Богом и нет общности с Богом, без исполнения Закона. Первое существова- нно для евреев, второе — для учеников рискующих впасть в ошибку.

Иисус, Сын Божий, единственный, у кого есть полная общность с Богом, ради Него заново утверждает Закон, придя исполнить закон Ветхого Завета. Раз Он был Единственным, кто это делал, то только Он и мог верно учить Закону и исполнению Закона. Ученики должны были это знать и понять, когда Он это сказал, ибо знали, кто Он. Евреи этого понять не могли, поскольку Ему не верили. Поэтому они и должны были отвергнуть его учение как хулу на Бога, точнее — хулу на Закон Божий. Поэтому ради истинного Божьего Закона Иисус должен был пострадать от поборников ложного закона. Иисус умирает на кресте как богохульник, как законопреступник, так как утвердил истинный закон против неверно понятого, ложного закона.

Исполнение закона, о котором говорит Иисус, лишь в том и может сбыться, что Иисус будет распят на кресте как грешник. Он сам, распятый, и есть совершенное исполнение Закона.

Значит, Иисус Христос и только Он исполняет Закон, ибо Он находится в совершенной общности с Богом. Он сам встает между учениками и Законом, а не Закон — ме-

жду Ним и учениками. Путь учеников к Закону лежит через крест Христа. Так Иисус, указывая ученикам на Закон, исполнение которого — лишь Он, заново связывает их с собой. Он должен отвергнуть незаконную связь, ибо она — мечтательство, а потому и не связь вовсе, а просто полное освобождение от любых уз. Но при этом рассеяна и тревога учеников, не оторвет ли их от Иисуса связь с Законом. Такая тревога могла возникнуть лишь из неверного понимания Закона, которое действительно оторвало евреев от Бога. А вместо этого делается ясно, что настоящая связь с Иисусом даруется только заодно со связью с Законом Бога.

Но Иисус стоит между учениками и Законом не затем, чтобы освободить их от исполнения Закона, а чтобы дать им силы к тому исполнению Закона, которого Он требует. Именно связь с Ним ставит учеников в положение послушания. Но даже и исполнение Закона до йоты не отменяет для учеников ни йоты из Закона. Она исполнена, вот и всё. Но именно потому она только теперь собственно и введена в силу, так что теперь в Царстве Небесном великим наречется тот, кто исполняет Закон и учит Закону. "Исполняет и учит" — из этого выводили даже такое учение о Законе, которое как раз избавляет от исполнения, представляя Закон так: он, мол, служит лишь к осознанию его невыполнимости. На Иисуса такое учение ссылаться не может. Закон предназначен для исполнения, и Иисус, конечно, его исполнил. Кто, идя вслед, остается с Ним, с Тем, кто исполнил закон, тот исполняет и преподаёт Закон в хождении вслед. В общности с Иисусом может остаться только деятельный исполнитель Закона.

Не закон отличает учеников от евреев, но "лучшая праведность". Праведность учеников "превышает" книжников. Она их превосходит, она есть нечто чрезвычайное, особенное. Здесь впервые звучит понятие "perisseuein"<sup>9</sup>, которое будет для нас еще важнее в стихе 47. Мы должны спросить: в чем состоит праведность фарисеев? В чем — праведность учеников? Разумеется, фарисей никогда не впадал в противную Писанию ошибку, будто Закон надо лишь преподавать, но не исполнять. Фарисей хотел быть исполнителем Закона. Его праведность состояла в непосредственном, буквальном исполнении заповеданного в Законе. Его праведностью было его поведение. Совершенное соответствие поведения заповеданному в Законе

было его целью. Тем не менее всегда имелся какой-то остаток, который надо было покрыть прощением. Его праведность оставалась несовершенной. Также и праведность учеников могла состоять лишь в исполнении Закона. Неисполняющего Закон нельзя назвать праведным. Но исполнение учеников выше фарисейского потому, что оно — действительно совершенная праведность по сравнению с несовершенной фарисейской. Почему? Преимущество учеников — в том, что между ними и Законом стоит совершенно Исполнивший Закон, Тот, в общности с кем они живут. Перед ними не неисполненный, а уже исполненный Закон. Ученик еще не начал повиноваться Закону, а Закон уже исполнен, его требования уже удовлетворены. Требуемая Законом праведность уже налично: это праведность Иисуса, всходящего на крест ради Закона. Но раз эта праведность — не только должное благо, но сама совершенная и истинная общность с Богом, то у Иисуса же только есть эта праведность, но она — это Он сам. Он — это праведность учеников. Призвав, Иисус сделал учеников причастными себе самому, даровал им общность с собой и, значит — сделал причастными своей праведности, даровал им ее. Праведность учеников — это праведность Христа. Лишь затем, чтобы это сказать, и назначает Иисус свои слова о "лучшей праведности" указанием на то, что исполняет Закон. Но праведности Христа — на самом деле праведность и учеников тоже. Конечно, строго говоря, она остается дарованной праведностью, дарованной в призыве идти вслед. Это праведность, состоящая именно в хождении вслед и уже в блаженствах получившая обетование Царства Небесного. Праведность учеников — это праведность под крестом. Это праведность нищих, искушаемых, голодных, кротких, миротворцев, гонимых из-за призыва Иисуса, видимая праведность тех, кто именно во всем этом есть свет мира и город на горе — благодаря призыву Иисуса. Потому праведность учеников "лучше" фарисейской, что основана только на призыве в общность с Тем, кто единственный исполнил Закон; потому праведность учеников — настоящая, что теперь они сами творят волю Божью, исполняют Закон. И Христову праведность нужно не только преподавать, но и исполнять. Иначе она окажется не лучше Закона, которому только учат, но который не исполняют. Об этом исполнении учениками Христовой праведности говорит всё пос-



ледующее. Коротко говоря, это исполнение есть хождение вслед. Это реальное, простое действие в вере в праведность Христа. Христова праведность — это новый закон, закон Христа.

#### БРАТ

«Вы слышали, что сказано древним: "не убивай; кто же убьет, подлежит суду". А Я говорю вам, что всякий, гневающийся на брата своего напрасно, подлежит суду; кто же скажет брату своему "рака", подлежит синедриону; а кто скажет "безумный", подлежит геенне огненной. Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнить, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой перед жертвенником, и пойдешь, прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой. Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не ввергли бы тебя в темницу; истинно говорю тебе: ты не выйдешь оттуда, пока не отдашь до последнего кодранта» (Мф. 5, 21—26).

"А я говорю вам" — Иисус подводит итог всему сказанному о законе. После предыдущего невозможно видеть в Иисусе революционера или предполагать противопоставление одного мнения другому в духе раввинов. Напротив, в продолжение сказанного, Иисус выражает свое единство с законом Моисеева завета, но именно в истинном единстве с Божьим Законом делает ясным, что господин и даритель Закона — это Он, Сын Божий. Лишь воспринимая Закон как слово Христа, можно его исполнить. Греховному непониманию, в котором пребывают фарисеи, не должно быть места. Лишь в признании Христа господином и исполнителем Закона заключено истинное познание Закона. Христос заявил свое право на Закон. Тем самым Он делает то, чего поистине хочет Закон. Но в этом единстве с Законом Он превращает себя во врага ложного понимания Закона. Он отдает себя в руки ложным ревнителям Закона именно потому, что чтит Закон.

Закон, на который Иисус указывает идущим Ему вслед, запрещает им убийство и вверяет брата. Жизнь брата — в руке Бога и Богом дана, только у Бога власть над жизнью и смертью. Убийце нет места в Божьей общине. Он подлежит тому суду, которым судит сам. Поставленный под защиту божественной заповеди брат — это не

только брат внутри общины; это ясно из того, что поведением идущего вслед Иисусу руководит не то, каков другой человек, а лишь Тот, кому он послушно следует. Идущему вслед за Иисусом убийство запрещено под страхом божественного суда. Жизнь брата — это поставленный идущему вслед предел, которого нельзя переступить. Но нарушение этой границы уже есть в гневе, тем более в злом слове, исходящем от нас (рака), наконец в сознательном оскорблении другого (безумный). Всякий гнев "направлен против жизни другого, отказывает ему в жизни, стремится его уничтожить. Нет разницы между так называемым праведным гневом и неправедным<sup>10</sup>. Ученик вообще не должен знать гнева, иначе он грешит против Бога и брата. Сорвавшееся слово, к которому мы так легко относимся, свидетельствует, что мы не уважаем другого, превозносимся над ним и ценим нашу жизнь выше, чем егр. Такое слово — удар по брату, удар ему в сердце. Оно задевает, ранит, губит. Намеренное оскорбление лишает брата чести и в глазах других людей, хочет унижить его перед всеми, злобно стремится уничтожить его внутреннее и внешнее существо. Я вершу суд над ним. Это убийство. Убийца подлежит суду.

Кто гневается на брата, бранит, публично оскорбляет или чернит, тому, как убийце, нет места перед Богом. Отделившись от брата, он отделился и от Бога. К Богу у него уже нет доступа. Его жертва, богослужение, молитва не смогут угодить Богу. Идущий вслед Иисусу, в отличие от раввинов, не может сказать, что он ушел от служения бгжгу. Презрение к брату делает богослужение ложным, и отнимает у него все божественные обетования. Отдельный ли человек, община ли, выходящие к Богу с сердцем, полным презрения или непримиренным, имеют дело не с Богом, а с каким-то идолом. Пока брату отказано в служении и любви, пока он предмет презрения, пока он обижен на меня или Иисусову общину, до тех пор жертва негодна. Между мною и Богом встает даже и не мой собственный гнев, но просто тот факт, что где-то есть обиженный, оскорбленный, обесчещенный мною брат, который "имеет что-нибудь против меня". Поэтому пусть проверит себя Иисусова община: не виновата ли она перед каким-то братом, не ненавидит ли, презирает, оскорбляет его заодно с миром и миру в угоду, не виновна ли поэтому перед братом в убийстве. Пусть сегодня про-

верит себя Иисусова община: не вздымаются ли между нею и Богом, не прерывают ли ее молитву обвиняющие голоса, когда она выходит к Богу для молитв и богослужений. Пусть проверит себя Иисусова община: дала ли она тем, кого мир оскорбил и обесчестил, знак Иисусовой любви, сохраняющей, поддерживающей, сберегающей жизнь. Если нет, то ни самое исправное богослужение, ни самая благочестивая молитва, ни глубочайшие познания не помогут ей ничем, но будут против нее свидетельствовать, ибо она перестала идти вслед Иисусу. Бог не хочет, чтобы Его отделяли от брата. Он не хочет почестей, когда обесчещен брат. Он Отец. Да, Он — Отец Иисуса Христа, ставшего братом всем нам. Вот решающая причина, по которой Бог не хочет, чтобы Его отделяли от брата. Его воплотившегося Сына оскорбляли и бесчестили ради чести Отца. Но Отец не дает отделить себя от Сына и не хочет, чтобы Его отделяли от тех, кому уподобился Сын, ради кого его Сын понес позор. Поскольку Сын Бога вочеловечился, служение Богу уже нельзя отделить от служения брату. И кто говорит, что любит Бога, и все-таки ненавидит брата, тот лжец.

Поэтому если кто хочет, идя вслед Иисусу, истинно служить Богу, тому остается лишь один путь — путь примирения с братом. Кто приходит к проповеди слова и к вечере с непримиренным сердцем, тот слышит и вкушает свой суд. Перед лицом Бога он убийца. Поэтому "пойди, прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой". Путь, которого Иисус требует от учеников, труден. Он сопряжен с унижением и позором. Но это и путь к Нему, к распятому Брату, и потому — путь, полный милости. В Иисусе служба наименьшему из братьев и Богу сливаются воедино. Он пошел и примирился с братом и тогда принес единую истинную жертву Отцу — себя самого.

Еще длится время милости, ибо у нас еще есть брат, еще мы "с ним на пути". Суд впереди. Еще мы можем уступить брату, уплатить долг. Близок час, когда нас отдадут судье. Тогда будет поздно, тогда с нас взыщут до последней вины. Понимаем ли мы, что для учеников Иисуса брат — не закон, а милость? Это милость — иметь возможность уступить брату, отдать причитающееся ему по праву, примириться с ним. Брат — это наша милость перед судом.

Такое может сказать нам лишь Тот, кто сам как наш брат стал нашей милостью, примирением, спасением перед судом. В человечестве Сына Божьего нам дарована милость брата. Лишь бы ученики Иисуса хорошо это помнили!

Служение Брату, уступающее ему право и жизнь, — это путь самоотвержения, путь креста. Никто не имеет большей любви, чем отдающий жизнь за друзей. Это любовь Распятого. Поэтому закон этот исполняется лишь в кресте Иисуса.

#### ЖЕНА

«Вы слышали, что сказано древним: "не прелюбодействуй". А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с нею в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. И если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя; ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело твое было ввержено в геенну. Сказано также, что если кто разведется с женою своею, пусть даст ей разводную. А Я говорю вам: кто разводится с женою своею, кроме вины любодеяния, то подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует» (Мф. 5, 27—32).

Связью с Иисусом Христом те желания, в которых нет любви, не отпущены на волю, но запрещены идущим вслед. Раз хождение вслед есть самоотвержение и целостная связь с Иисусом, то собственная, одержимая страстями воля ученика свободно проявляться не может. Такие желания, заключайся они хоть в едином взгляде, отделяют от хождения и все тело ведут в ад. Человек продает небесное первородство за чечевичную похлебку страстей. Он не верит Тому, кто может стократной радостью возместить отказ от желания. Он не доверяется невидимому и хватает видимый плод желания. Он низвергается с пути хождения вслед и отделяется от Иисуса. Нечистота желаний — это неверие. Лишь поэтому и надо их отвергать. Ради свободы от желаний, отделяющих от Иисуса, идущий вслед может пойти на любую жертву. И глаз и рука меньше, чем Христос. Если глаз или рука служат страстям. Котнимают у всего тела чистоту хождения вслед, то лучше

принести в жертву их, чем Иисуса Христа. Приносимый желанием выигрыш ничтожен против урона — на миг выигрываешь желаемое глазу или руке и теряешь тело навеки. Твой глаз, служа нечистым страстям, не может созерцать Бога.

Не обязаны ли мы ответить здесь на вопрос, предполагал Иисус буквальное или метафорическое понимание этой заповеди? Разве не зависит от ясного ответа вся наша жизнь? Разве этот ответ уже не дан поведением учеников? В этом — по видимости жизненно важным — вопросе наша воля советует бежать от решения. Но сам вопрос — ложный и дурной. Ответа на него быть не может. Ведь будь сказано, что понимание, конечно же, должно быть не буквальным, то вот мы уже и отклонились от серьезности заповеди; но будь сказано, что, конечно же, надо понимать буквально, то оказалось бы принципиально абсурдным само христианское существование, и тем самым заповедь лишилась бы силы. Именно от того, что нам не дано ответа на этот принципиальный вопрос, мы и захвачены целиком заповедью Иисуса. Мы не можем отклониться ни в какую сторону. Мы вызваны и должны повиноваться. Иисус не загоняет учеников в нечеловеческие судороги, не запрещает им взгляд, но обращает их взгляды на самого себя и знает, что здесь взгляд останется чист, даже если потом направится и на женщину. Он не возлагает на учеников непосильную ношу Закона, но милосердно помогает им Евангелием.

Иисус отнюдь не принуждает учеников к браку. Но он освящает брак согласно Закону, объявляя его нерушимым и запрещая второй брак, если первый распался из-за неверности. Такой заповедью Иисус освобождает брак от дурных эгоистических желаний и хочет, чтобы он стал служением любви — только так и может быть в хождении вслед. И Он не осуждает тело с его естественными стремлениями, а <sup>г</sup>твергает скрытое <sup>н</sup>с<sup>м</sup> неверие<sup>е</sup>. Так что он не отменяет брак, а <sup>у</sup>кр<sup>е</sup>п<sup>л</sup>яет и освящает его верой. И поэтому идущий вслед должен будет сохранить в строгости и самоотречении свою единственную связь с Христом также и в браке. Христос — господин и его брака. Этим брак ученика отличается от гражданского брака, но это опять-таки не презрение к браку, а его освящение.

Кажется, будто, требуя нерасторжимости брака, Иисус противоречит ветхозаветному Закону. Но Он сам говорит

(Мф. 19, 8) о своем единстве с Моисеевым Законом. "Израза жестокосердия" израильтянам было разрешено разводное письмо, то есть лишв затем, чтобы уберечь их сердце от еще большей распушенности. Но цель ветхозаветного Закона — та же, что и у Иисуса: ведь и в нем речь только о чистоте брака, о браке, проживаемом с верой в Бога. Но эта чистота, то есть целомудрие, сохраняется в общности с Иисусом, в хождении Ему вслед.

Так как Иисусу важна только полная чистота, то есть целомудрие его учеников, Он должен сказать, что похвален и полный отказ от брака ради Царства Божьего. Иисус ни брак, ни безбрачие не превращает в программу, а освобождает от *porneia*, от распутства в браке и вне брака, которое есть грех не только против собственного тела, но и против тела самого Христа (1 Кор. 6, 13—15). Тело ученика тоже принадлежит Христу и хождению вслед, наши тела — члены его тела. Так как Иисус, Сын Бога, понес челоическое тело и так как у нас есть общность с его телом; то распутство есть грех против тела Христа.

Тело Христа было распято. Апостол говорит о принадлежащих Христу, что они распяли плоть со страстями и желаниями (Гал. 5, 24). Поэтому истинно и этот ветхозаветный Закон исполняется только в распятом, истерзанном теле Иисуса Христа. Вид этого тела и общность с ним, отданным ради них, дает ученикам силу для целомудрия, которое заповедал Иисус.

#### ПРАВДИВОСТЬ

«Еще слышали вы, что сказано древним: "не преступай клятвы, но исполняй пред Господом клятвы твои". А Я говорю вам: не клянись вовсе: ни небом, потому что оно Престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не можешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: "да, да", "нет, нет"; а что сверх этого, то от лукавого» (Мф. 5, 33-37).

Толкование этих стихов в христианской Церкви по сей день исключительно неопределенно. Начиная еще с ранней Церкви, толкователи держатся самых несходных мнений: от ригористского отвержения любой клятвы как греха до более мягкого отказа от необдуманных клятв и от

клятвopеcтyпления. Пoпyляpней вceгo в ранней Церкви было такое толкование: хотя клятва и запрещена "совершенным" христианам, но более слабым она в известных границах разрешена. Среди прочих и Августин защищал это мнение. В оценке клятвы он согласен с языческими философами: с Платоном, пифагорейцами, Эпиктетом, Марком Аврелием. Они считали клятву недостойной благородного человека. В символических книгах церковью Реформации говорится, что слова Христа, конечно же, не применимы к присяге, которой требует мирская власть. С самого начала главным аргументом служило то, что клятва заповедана в Ветхом Завете, что сам Иисус клялся перед судом, что апостол Павел часто использует клятвенные формулы. Наряду с прямыми указаниями Писания решающее значение для реформаторов имело разделение духовного и мирского царств.

Что такое клятва? Это публичное призывание Бога в свидетели какого-то утверждения, которое я делаю о прошлом, настоящем или будущем. Пусть всевидящий Бог покарает меня за обман. Как же мог Иисус назвать такую клятву грехом, более того — "от лукавого", *ek tou poneroi*, "сатанинской"? Дело в том, что Иисус имеет в виду полную правдивость.

Клятва — свидетельство того, что в мире есть ложь. Умей человек не лгать, не надо было бы клясться. Поэтому клятва — преграда на пути лжи. Но как раз из-за этого клятва лжи и способствует — ведь если на окончательную правдивость претендует лишь клятва, то, значит, и лжи отводится какое-то место в жизни, значит, и за ложью признано известное право на существование. Ветхозаветный Закон клятвой борется против лжи. Иисус борется с ложью — запрещая клятву. В обоих случаях речь о главном — об уничтожении неправды в жизни верующего. Клятва, выставленная против лжи Ветхим Заветом, сама оказалась захвачена ложью и поставлена ей на службу. Лжи хотелось утвердиться и завоевать себе право еще и с помощью клятвы. Поэтому Иисус должен поразить ложь и там, куда она скрылась, то есть в клятве. Клятва должна пасть, поскольку превратилась в защиту лжи.

Покушение лжи на клятву могло происходить двумя путями: или она утверждается под видом клятвы (клятвopеcтyпление), или вкрадывается в самую форму клятвы. В последнем случае ложь в клятве пользовалась обраче-

нием не к живому Богу, а к каким-нибудь мирским или божественным силам. А раз ложь проникла в клятву так глубоко, то обеспечить полную правдивость можно только запретив клятвы вообще.

Да будет ваша речь "да, да" и "нет, нет". Но при этом слово ученика отнюдь не избавлено от ответственности перед всевидящим Богом. Напротив, именно потому, что имя Божье не призывается вслух, вообще всякое слово ученика поставлено перед само собой разумеющимся присутствием всевидящего Бога. Раз вообще нет слова<sup>T</sup> звучащего не перед Богом, то ученик не может клясться<sup>^!</sup> Каждое слово должно быть правдой и потому не нуждается в подкреплении клятвой. А клятва бросает на все остальные слова тень сомнения. Поэтому она "от лукавого". Но ученик во всяком своем слове должен быть светом.

Если клятва упразднена, то ясно, что только ради правдивости. Очевидно, что заповедь Иисуса не терпит ника<sup>^</sup>х исключений, перед кем бы клятва ни приносилась. Но следует сказать, что и отказ от клятвы, со своей стороны, не должен служить сокрытию правды. А где именно дело обстоит так, то есть где как раз ради правдивости и надо дать клятву, этого в общем виде решить нельзя, это должно решаться в каждом отдельном случае. Реформаторские Церкви держатся мнения, что так обстоит всякий раз, когда клятвы требует мирская власть. Возможно ли здесь общее решение, остается спорным.

Бесспорно другое: если кажется, что случай именно такой, дать клятву можно лишь тогда, когда, во-первых, налицо полная ясность насчет содержания клятвы; во-вторых, надо различать между клятвами, относящимися к прошлому или нынешнему положению дел, и имеющими характер обещания. Поскольку христианин никогда не может безошибочно знать прошлое, то он призывает Бога не в подтверждение своих, не застрахованных от ошибок, слов, а ради чистоты своего сознания и совести. Но поскольку христианин никогда не распоряжается своим будущим, то клятвенное обещание, скажем присяга, с самого начала грозит ему большой опасностью. Ибо не только его собственное будущее не зависит от христианина, но, самое главное, будущее того, кто его этой присягой связывает. Поэтому и правдивость, и хождение вслед Иисусу запрещают давать такую клятву, не оговорив ее условием: если угодно Богу. Для Христианина нет абсолютных зем-

ных связей. Присяга, желающая абсолютно связать христианина, будет для него ложью, она "от лукавого". В такой присяге призывать имя Божье можно не в подтверждение обещания, но исключительно в свидетельство того, что, идя вслед Иисусу, мы связаны только волей Бога и что из-за Иисуса любая иная связь стоит под этой оговоркой. Будь в сомнительном случае такая оговорка не высказана или не принята, то клятву давать нельзя, ибо такой клятвой я как раз того и обману, кто с меня ее берет. Но да будет ваша речь "да, да" и "нет, нет".

Заповедь полной правдивости — просто иное имя для целостности хождения вслед. Лишь тот, кто, идя вслед, всецело связан с Христом, стоит в полной правдивости. Ему нечего скрывать от своего Господа. Он живет перед Ним открыто. Он Иисусом познан и поставлен в правду. Он явно грешен перед Иисусом. Не он себя явил Иисусу, но когда Иисус явил ему себя в своем призыве, он оказался явлен Иисусу в своем грехе. Полная правдивость возникает только из нескрытого греха, прощенного Иисусом. Лишь тот не стыдится правды, где бы ни пришлось ее сказать, кто, исповедуя грехи перед Иисусом, стоит в правде. Правдивость, которой Иисус требует от ученика, заключается в самоотречении, не скрывающем греха. Всё явно, всё свет.

Раз, в первую и последнюю очередь, правдивость — это открытость человека во всем его бытии, в его зле перед Богом, то эта правдивость возбуждает противодействие грешников, ее гонят и распинают. Единственная причина правдивости ученика — хождение вслед Иисусу, во время которого Он нам на кресте являет наш грех. Нас делает правдивыми лишь правда Бога о нас. Кто знает крест, не испугается никакой другой правды. Кто живет стоя под крестом, для того клятва как закон правдивости отменена, ибо он живет в абсолютной правде Бога.

Не может быть правды по отношению к Иисусу без правды по отношению к людям. Обман разрушает общность. Но ложную общность рассекает правда и основывает настоящее братство. Не может быть хождения вслед без жизни в открытой правде перед Богом и людьми.

«Вы слышали, что сказало: "око за око, и зуб за зуб". А Я говорю вам: не противься злему. Но кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую; и кто захочет судиться с тобою и взять у тебя рубашку, отдай ему и верхнюю одежду; и кто принудит, тебя идти с ним одно поприще, иди с ним два. Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся» (Мф. 5, 38—42).

Здесь Иисус соотносит слова: око за око, зуб за зуб — с прежде названными ветхозаветными заповедями, в том числе с запретом убивать из декалога. И в этих словах он тоже признает несомненную заповедь Бога. Их тоже надо не отменять, но до конца исполнить. Иисус не знает нашего выделения из ветхозаветных заповедей десяти важнейших. Для него заповедь Ветхого Завета едина, и вот Он указывает ученикам на ее исполнение.

Идущие вслед Иисусу живут ради Него, отрекшись от собственных прав. За кротость Он назвал их блаженными. Захоти они, уже все отдав ради общности с Ним, удержать за собой одну эту, собственность, они бы покинули хождение вслед. Так что здесь происходит просто развитие блаженств.

Ветхозаветный Закон ставит право под божественную защиту возмездия. Не должно быть зла без возмездия. Надо установить настоящую общность, преодолеть и изобличить зло, убрать его из общины народа Божьего. Этому служит право, поддержанное силой возмездия.

Иисус воспринимает эту волю Бога и подтверждает силу возмездия изобличать и преодолевать зло и беречь общину учеников как общину истинного Израиля. Правое возмездие кончает с несправедливостью и сохраняет ученика в хождении вслед.

По слову Иисуса, состоит это правое возмездие в том, чтобы не сопротивляться злу.

Этими словами Иисус выделяет свою общину из политически-правового распорядка, из национальной формы народа Израиля и делает ее тем, чем она на самом деле является: стоящей вне политически-национального плана общиной верующих. Если, согласно воле Бога, для богоизбранного народа Израиля как для политической формы возмездие было возвратом удара за удар, то для общины учеников, которая уже ни на что не может рассчитывать в

национально-правовом смысле, возмездие состоит в том, чтобы терпеливо сносить удар, чтобы не прибавлять зло к злу. Лишь так можно основать и сохранить общину.

Становится ясно, что идущий вслед, с которым поступили несправедливо, уже не привязан к своему праву как к какому-то имуществу, которое должен защищать при любых обстоятельствах, но, связанный лишь с Иисусом Христом, от всякого имущества полностью свободен и, подтверждая эту свою связь лишь с Иисусом, как раз и создает единственную прочную основу общины и вручает грешника Иисусу.

Победа над другим - лишь в том, что его зло должно выдохнуться, что оно не найдет того, что ищет, то есть сопротивления и, значит, нового зла, от которого могло бы еще сильней разгореться. Зло делается бессильным, когда не встречает отпора, сопротивления, когда его добровольно терпят и сносят. Тогда зло сталкивается с противником, который ему не по силам. Разумеется, лишь в том случае, когда сопротивление убрано без остатка, когда всецело отказались воздавать злом за зло. Здесь зло не в силах достичь цели: творить и множить зло, — и остается одиноко.

Страдание проходит, если его нести. Зло находит свой конец, если мы его беззащитно терпим. Бесчестие и оскорбление становятся явным грехом, если идущий вслед не наносит их сам, а беззащитно сносит. Насилие осуждено тем, что ему не противостоит никакая сила. Неправое притязание на мою рубашку посрамлено тем, что я отдаю еще и верхнюю одежду, эксплуатация моей услужливости выходит на свет, если я не ставлю ей никаких пределов. Готовность всё отдать, когда попросят, — это готовность иметь вдоволь с одним лишь Иисусом Христом, готовность следовать лишь Ему одному. В добровольном отказе от самозащиты утверждается и проявляется безусловная связь идущего вслед с Иисусом, свобода, отрешенность от собственного Я. И только в исключительности этой связи можно преодолеть зло.

При этом речь не только о зле, но и о злом. Иисус называет злого злым. Я не должен оправдывать или извинять притесняющего меня насильника. Мое терпеливое страдание нужно не затем, чтобы выразить сочувствие праву злого. У Иисуса нет ничего похожего на эти сентиментальные соображения. Бесчестящий удар, насилие,

эксплуатация остаются злом. Ученик обязан это помнить и свидетельствовать об этом по примеру Иисуса, именно потому, что иначе злой не будет поражен и побежден. Но именно потому, что незачем оправдывать противостоящее ученику зло, и обязан ученик не сопротивляться, а, страдая, положить злу конец и тем самым зло победить. Вольное страдание сильнее зла, оно — смерть зла.

И невозможно придумать поступка, в котором зло было бы настолько велико и сильно, что оно потребовало бы от ученика иной позиции. Чем страшнее зло, тем готовней к страданию обязан быть ученик. Злой должен отойти во власть Иисуса. Пусть ему отвечает Иисус, а не я.

Реформаторское толкование ввело в этом месте решающую новую мысль: нужно различать, нанесена ли обида мне лично или же в моей общественной роли, то есть в возложенной на меня Богом ответственности. Если в первом случае надо поступать, как заповедал Иисус, то во втором я от этого освобожден, и, напротив, ради истинной любви даже обязан поступать противоположным образом, то есть противопоставить силе силу, чтобы воспрепятствовать атаке зла. Так оправдывается позиция Реформации по отношению к войне и к любому применению обществом законных средств ради отражения зла. Но Иисусу совершенно чуждо это различие между мною как частным лицом и как должностным. Он нам ни слова об этом не говорит. Он обращается к идущим Ему вслед как к тем, кто все оставил, чтобы пойти за Ним. "Частное" и "должностное" нужно было целиком и полностью подчинить заповеди Иисуса. Слово Иисуса завладело ими безраздельно. Он требовал безраздельного послушания. И действительно, названное различие ведет к неразрешимым трудностям. Когда в реальной жизни я только частное лицо, когда — только должностное? Разве я не остаюсь всегда, когда бы на меня ни напали, отцом моих детей, проповедником моей общины, политиком моего государства? Разве на этом основании я не обязан давать отпор всякому нападению, неся ответственность за свой пост? А на своем посту разве я не остаюсь всегда самим собой, в одиночку предстоящим Иисусу? Разве при таком различии не приходится забыть, что идущий вслед Иисусу всегда совершенно одинок, одиночка, который в конце концов может действовать и решать лишь за себя самого, и что именно в *таком* по-

ведении содержится самая серьезная ответственность за тех, кто мне вверен?

Но можно ли защитить слова Иисуса, обладая опытом, согласно которому зло разгорается именно при встрече со слабым и отчаянней всего разнудывается при встрече с беззащитным? Не остаются ли эти слова просто идеологией, которая не считается с реальностью, иначе говоря — с грехом мира? Внутри общины эти слова еще могли бы сохранять силу. А по отношению к миру они кажутся просто мечтательной слепотой к греху. Раз мы живем в мире и мир зол, то эти слова не имеют силы.

Но Иисус говорит: раз вы живете в мире и мир зол, то имеют силу слова: не сопротивляйтесь злу. Едва ли кто скажет, что Иисус не знал, как сильно зло, Он, с первых дней жизни сражавшийся с дьяволом. Иисус называет зло злом, потому и говорит такое идущим ему вслед. Как это возможно?

Всё, что Иисус говорит ученикам, действительно было бы чистым мечтательством, если бы мы должны были видеть в его словах общезначимую этическую программу, если бы тезис, что зло побеждается только добром, воспринимался как общезначимая мирская и житейская мудрость. Тогда всё действительно свелось бы к безответственному выдумыванию законов, которым на самом деле мир вовсе не подчиняется. Беззащитность как принцип мирской жизни — это безбожное разрушение милостиво оберегаемого Богом мироустройства. Но сейчас говорит отнюдь не создатель программ, сейчас о преодолении зла терпением говорит Тот, кто сам на кресте был побежден злом и кто вышел из этого поражения как торжествующий победитель. Не может быть иного оправдания этой заповеди Иисуса Христа кроме его креста. Лишь обретя в кресте Иисуса веру в победу над злом, можно следовать этой заповеди, и лишь такому послушанию дано обещание. Какое обещание? Обещание общности с крестом Иисуса и с его победой.

Страсти Иисуса как преодоление зла божественной любовью — вот единственная прочная основа для послушания ученика. Этой заповедью Иисус снова зовет идущих Ему вслед стать в общность его страстей. Как могла бы проповедь о страстях Иисуса стать для мира явной и достоверной, уклонись сами ученики от страстей, отвергни их для собственного тела? Данный сейчас закон Иисус

сам исполняет в своем кресте<sup>11</sup>. И своей заповедью Он милостиво сохраняет для идущих Ему вслед общность своего креста. Лишь в кресте истинно и действительно, что возмездие за зло и его преодоление — это страждущая любовь. Но общность с крестом дарована ученикам в призыве идти вслед. В этой видимой общности они названы блаженными.

#### ВРАГ - "ЧРЕЗВЫЧАЙНОЕ"

«Вы слышали, что сказано: "люби ближнего твоего и ненавидь врага твоего". А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного; ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо, если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники? Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф. 5, 43-48).

Впервые в Нагорной проповеди раздается это слово, итог всего сказанного: любовь — и звучит оно в недвусмысленном определении любви к врагам. Заповедь любви к брату можно было бы понять неверно, а любовь к врагу, исключая возможность неверного пошщания, делает ясным, чего хочет Иисус.

Для учеников враг — отнюдь не пустое понятие. Они хорошо его знали. Они встречали его каждый день. Были проклинаявшие их как разрушителей веры и законопреступников; были ненавидевшие их за то, что они всё оставили ради Иисуса, всем пренебрегли ради общности с Ним; были оскорблявшие и высмеивавшие их за слабость и смирение; были гонители, чужавшие в толпе учеников революционную опасность и стремившиеся их уничтожить. Одним врагом были представители народного благочестия, которые не могли стерпеть властных притязаний Иисуса. Этот враг был вооружен и почетом и властью. Другой враг, о котором приходилось думать любому еврею, был политический: Рим. Весьма ощутим был и этот гнет. Наряду с этими двумя враждебными группами существовала и личная "вражда против тех, кто не шел пу-

тем большинства, ежедневная клевета, поношения и угрозы.

Правда, в Ветхом Завете нигде нет заповеди о ненависти к врагам. Напротив, есть заповедь о любви к ним (Исх. 23, 4 ел.; Прит. 25, 21; Быт. 45, 1 ел.; 1 Цар. 24, 7; 3 Цар. 6, 22 и т. д.). Но сейчас Иисус говорит не о естественной вражде, а о вражде Божьего Народа с миром. Единственные "священные" войны, какие были в мире, — это войны Израиля. Они были войной Бога против мира идолов. Иисус не осуждает эту вражду, иначе Ему пришлось бы осудить всю историю отношений Бога со своим Народом. Напротив, Иисус подтверждает Ветхий Завет. Для Него тоже важна только победа над врагом, победа Божьей общины. Но этой заповедью Он еще раз выделяет общину своих учеников из политической формы народа Израилева. Тем самым упразднены войны за веру, тем самым обещание победы над врагом Бог вкладывает в любовь к врагу.

Любовь к врагам — непреодолимая преграда не только для естественного человека. Да, она превосходит его силы, оскорбляет его представления о добре и зле. Но важнее, что любовь к врагам — это и для человека под Законом прегрешение против Закона: отделиться от врага и осудить его — вот требование Закона. Но Иисус берет Закон Бога в свои руки и толкует. Победа над врагом — в любви к врагу, такова воля Божья в его Законе.

В Новом Завете враг — это всегда тот, кто враждебен мне. Того, кому сам ученик мог бы стать врагом, Иисус даже и не учитывает. Но врагу должно достаться достающееся брату, то есть любовь идущего вслед Иисусу. Поведение ученика должно определяться отношением к нему Иисуса, а не людей. Поэтому у поведения ученика лишь один источник — воля Иисуса.

Речь о враге, значит, о том, кто остается врагом, не тронутый моей любовью; кто ничего мне не прощает, когда я ему уже всё простил; кто меня оскорбляет тем сильнее, чем усердней я ему служу. "За любовь мою они враждуют на меня, а я молюсь" (Пс. 108, 4). Но любовь не спрашивает, ответят ли на нее, а просто ищет тех, кто в ней нуждается. Но кто же еще нуждается в любви, как не тот, кто сам, без любви, живет в ненависти? И значит, кто же достоин любви, как не мой враг? И где же еще будет так прославлена любовь, как не среди ее врагов?

Любви этой незнакомы различия между категориями врагов, для нее есть лишь одна градация: чем враждебней враг, тем сильнее нужна У моей любви. Будь то враг политический, будь религиозный, от идущего вслед Иисусу ему нечего ждать кроме безраздельной любви. И во мне самая любовь эта не расколота между мной как лицом частным или, напротив, должностным. Либо и в той и в другой роли я остаюсь идущим вслед Иисусу Христу, либо вообще им не являюсь. А если меня спросят, как поступает такая любовь? Иисус говорит об этом: благословляйте, благотворите, не ставя условий, не взирая на лица.

"Любите ваших врагов". Если в предыдущей заповеди говорилось только о беззащитном перенесении зла, то теперь Иисус идет дальше. Мы не только обязаны терпеливо сносить зло и злого, не только не отвечать на удар ударом, но и относиться к нему с сердечной любовью. Непритворно и изо всех сил мы обязаны служить и во всем помогать нашим врагам. Ни одна жертва, какую принес бы любящий ради любимого, не покажется нам слишком большой или слишком дорогой для нашего врага. Если ради любви к брату мы готовы отдать наше имущество, честь, жизнь, то точно так же — и ради нашего врага. Но не делаемся ли мы тогда соучастниками зла? Отнюдь нет, ибо как могла бы любовь оказаться виновной в чужой ненависти, если порождена силой, а не слабостью, если исходит из истины, а не из страха? И кому же подарить такую любовь, как не тому, чье сердце задыхается от ненависти?

"Благословляйте проклинающих вас". Если в нас попадает проклятие врага, которому нестерпимо наше присутствие, поднимем руки для благословения: вы, наши враги, вы, благословенные Божьи, ваше проклятие неспособно нас ранить, но да восполнится ваша нищета Божьим богатством и благословением того, на кого вы тщетно нападаете. И мы понесем ваше проклятие, а вы — наше благословение.

"Благотворите ненавидящим вас". Нельзя ограничиваться словами и мыслями. Благотворение происходит во всех повседневных делах. "Враг твой голоден, накорми его; если жаждет, напои его" (Рим. 12, 20). Как брат брату помогает в беде, перевязывает раны, утишает боль, так пусть поступает с врагом и наша любовь. Есть ли в мире беда больше, раны и боль тяжелее, чем у нашего врага?



Можно ли кому благотворить с большей необходимостью и радостью, чем нашему врагу? "Блаженнее давать, нежели принимать".

"Молитесь за оскорбляющих и гонящих вас". Вот вышнее. В молитве мы перед Богом встаем рядом с врагом, вместе с ним и за него. Иисус не обещает нам, что враг, которого мы любим, благословляем, которому благотворим, не будет нас оскорблять и гнать. Будет. Но он не сможет нас победить и нам повредить, если мы делаем к нему последний шаг в заступительной молитве. Тогда мы берем на себя его беду, нищету, вину и заблудшесть, вступаемся за него перед Богом. Мы замещаем его в том, чего он не может сделать. Всякое новое вражеское оскорбление лишь теснее свяжет нас с Богом и с нашим врагом. Всякое новое гонение лишь приблизит врага к примирению с Богом и сделает любовь еще непобедимей.

Как любовь становится непобедимой? Всегда думая не о том, что с ней делает враг, но лишь о том, что сделал Иисус. Любовь к врагам ведет ученика по пути креста и в общность с Распятым. Но чем вернее идет ученик по этому пути, тем вернее останется непобежденной его любовь, тем вернее победит она вражескую ненависть, ибо эта любовь — не его собственная. Это любовь исключительно Иисуса Христа, который ради своих врагов взшел на крест и на кресте за них молился. Но крестный путь Иисуса Христа показал ученикам, что в числе побежденных его любовью врагов были и они сами. Его любовь делает ученика зрячим, чтобы он во враге узнавал брата и как с братом с ним и поступал. Почему? Потому, что и сам он жив только любовью Того, кто с ним поступал как с братом, кто его, своего врага, принял и ввел в общность с собой как своего ближнего. Потому идущего вслед любовь делает зрячим, что ей и враг явлен охваченным любовью Божьей, явлен под крестом Иисуса Христа. Бог не спрашивал меня о добре и зле, ибо и добро мое было перед Ним безбожно. Любовь Бога искала врага, который бы в ней нуждался, которого Бог считает достойным этой любви. Бог прославляет свою любовь к врагам. Идущему вслед это известно. Через Иисуса он стал участником этой любви. Ибо Бог посылает солнце и дождь и праведным и неправедным. Но не только земное солнце и земной дождь даны и добрым и злым, но и "Солнце Праведности", сам Иисус Христос, и дождь божественного Слова,

являющий милость Отца Небесного над грешниками. Безраздельная, совершенная любовь — это дело Отца, но это и дело сыновей Небесного Отца, как она была делом едиnorodного Сына.

"Заповеди любви к ближнему и не-отмщения получают особое место в той борьбе о Боге, навстречу которой мы идем, в которой отчасти уже находимся, в которой на одной стороне сражается ненависть, на другой любовь. Всякой христианской душе необходимо готовиться к этому. Ближко время, когда всякий исповедующий *живого* Бога *из-за этого исповедания* не только станет предметом ненависти и ярости — к этому-то мы уже пришли, — но когда его из-за этого исповедания исключат из так называемого "человеческого общества", погонят из города в город, когда его будут бить, истязать, порой — убивать. *Ближко повсеместное гонение на христиан*, в чем, собственно, и состоит истинный смысл всех движений и битв нашего времени\*. Стремясь к истреблению христианской Церкви и веры, ее противники не могут с нами ужиться, ибо во всяком нашем слове и поступке, против них вовсе и не направленном, видят, и не без причины, осуждение своих слов и поступков и при этом понимают, что нас несколько не интересует вынесенный ими о нас приговор; ибо знают и сами, что приговор их бессилен и ничтожен и что мы не ввязываемся в стычки с ними, как бы им этого ни хотелось. И как вести борьбу? Ближко время, когда мы уже не врозь и по отдельности, но *вместе* — как община, как Церковь, возденем руки в молитве, когда мы целыми отрядами, пусть сравнительно небольшими, будем среди тысяч и тысяч отпавших громко исповедовать и славить Господа, распятого и воскресшего, и его второе пришествие. И что это за молитва, исповедание, что за хвала? Это именно молитва *искреннейшей любви к тем самым заблудшим*, которые обступили нас, вращая глазами от ненависти, уже занеся руку для смертельного удара; это молитва о мире и покое для этих заблудших и расстроенных, растерянных и опустошенных душ, молитва о той же любви и том же мире, которыми наслаждаемся мы сами, молитва, которая проникнет им глубоко в душу и схватит их за сердце гораздо крепче, чем самое крайнее напряжение их ненависти может схватить наше сердце. Да, Церковь, действительно ждущая Господа, действительно постигающая срок и знаки окончательного разделения,

должна из всех сил души, из всех совокупных сил своей святой жизни приняться за *эту молитву любви*" (А.Ф.К. Фильмар, 1880).

Что такое безраздельная любовь? Любовь, не обращенная пристрастно к тем, кто дарит любовь нам в ответ. В любви к тем, кто нас любит, к нашим братьям, народу, друзьям, даже к нашей христианской общине, мы подобны язычникам и мытарям. Это любовь понятная, нормальная, естественная, но отнюдь не христианская. Здесь язычники и христиане действительно "делают то же". Любовь к тем, кто связан со мной или по крови, или историей, или дружбой, - у язычников и христиан одна и та же. Про такую любовь Иисусу незачем много говорить. Только про нее люди и знают. Ее Он не должен разжигать, подчеркивать, выделять. Естественные условия сами принуждают ее признать. Что нужно любить брата, народ, друга, об этом Иисус может не говорить, это ясно и без того. Но именно потому, что Он просто подтверждает, не тратя лишних слов, эту любовь, а заповедует единственно и исключительно любовь к врагу, именно поэтому мы и можем понять, что же Он зовет любовью и что надо сохранить от той, первой, любви.

Чем ученик отличается от язычника? Что такое — "христианское"? И вот раздается слово, к которому вела вся 5-я глава, в котором подытожено все предыдущее: христианское - значит "*особенное*", *perisson*, чрезвычайное, необычайное, неочевидное. Это - то, что "превосходит" фарисеев в "лучшей праведности", возвышается над ними, это Больше и Сверх. Естественное — *to auto* (то же самое) для язычников и христиан, христианское же начинается с *perisson*, как раз впервые и выставляя естественное в верном свете. Где нет особенного и чрезвычайного, там нет и христианского. Христианское происходит не внутри естественных обстоятельств, а в выходе за их пределы. *Perisson* никогда не растворяется в *to auto*. Огромная ошибка мнимопротестантской этики в том, что она растворяет христианскую любовь в любви к родине, в дружбе, в ремесле, а лучшую праведность - в *justitia civilis*. Иисус этого не говорит. Христианское связано с "чрезвычайным". Потому и не может христианин равнять себя с миром, что должен все время стремиться к *perisson*.

Что же такое *perisson*, чрезвычайное? Это существование названных блаженными, идущих вслед, это светящий

свет, город на горе, это путь самоотречения, путь полной любви, полной чистоты, полной правдивости, полного ненасилия; это безраздельная любовь к врагу, к тому, кто никого не любит и кого не любит никто; любовь к врагу религиозному, политическому, личному. Во всех своих частях это путь, завершение которого — крест Иисуса Христа. Что такое *perisson*? Это любовь самого Иисуса Христа, в страдании и послушании всходящая на крест, это крест. Особенное в христианском — это крест, выводящий христианина за пределы мира и дающий ему победу над миром. *Passio* в любви Распятого — вот "чрезвычайное" в христианском существовании.

Чрезвычайное — это, несомненно, нечто видимое, за что хвалят Отца Небесного. Тайным оно не может остаться. Оно должно быть видно людям. Община идущих вслед Иисусу, община лучшей праведности — это видимая община, выступившая из распорядка мира, она оставила всё, чтобы приобрести крест Христа.

В чем же *действие* особенного этой общины? Чрезвычайное — и вот самая трудная преграда — это *действие* идущего вслед. Оно — как и лучшая праведность - должно быть сотворено, и сотворено явно! Не в этическом ригоризме, не в эксцентричном стиле христианской жизни, но в простоте христианского послушания воле Иисуса. Свою "особенность" это действие удостоверяет тем, что ведет в *passio* Христа. Само это действие есть длящееся претерпевание. В нем Христос выстрадан своим учеником. А если нет, то это не *то* действие, о котором говорит Иисус.

Поэтому *perisson* — это исполнение закона, соблюдение заповеди. В Христе, в Распятом и его общине "чрезвычайное" делается свершением.

Вот они, совершенные, которые в безраздельной любви совершенны как Отец Небесный. Если Сына на крест нам отдала совершенная, безраздельная любовь Отца, то претерпевание этого креста общиной есть совершенство идущих вслед Иисусу. Совершенные — это именно те, кто назван блаженными.

СКРЫТАЯ ПРАВЕДНОСТЬ

"Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтобы они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби перед собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно" (Мф. 6, 1-4).

После сказанного в пятой главе о видимости, явности общины идущих вслед и после кульминации этой главы в perisson, после того, как христианское приравнено к выходящему из мира, превосходящему мир, к необычайному, следующая глава прямо примыкает к этому perisson и раскрывает оба его смысла. Слишком уж велик риск, что ученики поймут совершенно неправильно: будто они должны, отрицая и разрушая распорядок мира, возводить на земле Царство Небесное; мечтательно пренебрегая веком сим, осуществлять и являть необычайное мира нового; радикально и бескомпромиссно порвать с существующим миром, чтобы достичь "христианского", присущего хождению вслед, необычайного. Слишком вероятно было ложное толкование, будто им проповедуют очередную — разумеется, свободную, новую, вдохновляющую — форму и манеру благочестия. И с какой готовностью приняла бы, даже искала бы благочестивая плоть это необычайное, эту нищету, правдивость, страдание, лишь бы насытилась наконец тоска сердца: не только верить, а видеть собственными глазами. Безусловно, налицо была готовность слегка сдвинуть границу, чтобы благочестивая форма жизни и послушание слову сблизилась и уже не могли разделиться. И всё — ради одного: чтобы наконец осуществилось необычайное.

С другой стороны, были и те, кто только и ждал слов Иисуса о необычайном, чтобы еще яростней на него напасть. Наконец-то изобличен этот мечтатель, революционер, энтузиаст, желающий опрокинуть мир, зовущий учеников оставить этот мир и построить новый. Это ли по-

слушание слову Ветхого Завета? Panic не тхдишпек я здесь совершенно самовольная, собственная пранедпосп.? Разве Иисус не знает о греховности мира, о которую разобьется вся его проповедь? Разве Ему неизвестны явные заповеди Бога, данные, чтобы запретить грех? Разве необычайное, которого Он требует, — это не признак духовной гордыни, начала всякого мечтательства? Нет, вовсе не необычайное, а как раз вполне обыденное, нормальное, скрытое — знак настоящего послушания и настоящего смирения. Если бы Иисус отсылал учеников к народу, занятию, ответственности, послушанию Закону, как его толкуют народу книжники, тогда бы Он доказал свое благочестие, истинное смирение, послушание. Тогда бы Он дал толчок к более серьезному благочестию, к более строгому послушанию. Он бы учил тому, что книжники знали и без того, но охотно послушали бы в убедительной проповеди: что истинное благочестие и праведность заключается с одной стороны, не только во внешнем действии, но и в расположении сердца, с другой стороны, не только в расположении, но и в действии. Вот это была бы "лучшая праведность", в которой так нуждался народ и от которой никто бы не смог уклониться. А теперь все разрушено. Вместо смиренного учителя Закона люди увидели гордого мечтателя. Конечно, во все времена проповедь мечтателей умела воодушевлять человеческое сердце, и как раз сердце благородное. Но разве учителя Закона не знали, что в человеческом сердце сквозь всё доброе и благородное слышен голос плоти, разве не знали они сами эту власть благочестивой плоти над человеком? Сражаясь за химеру, Иисус напрасно принес в жертву лучших, искренне благочестивых сыновей страны. Необычайное — это попросту своевольное, из собственного сердца возникшее дело благочестивого человека. Это превозношение человеческой свободы перед скромным послушанием заповеди Божьей. Это непозволительное, запрещенное Законом самооправдание человека. Это незаконное самоосвящение, которое Закон непременно отвергнет. Это свободное дело, противопоставленное несвободе послушания. Это разрушение Божьей общины, отрицание веры, хула на Закон и на Бога. Необычайное, которому учил Иисус, по Закону заслуживает смертной казни.

Что же Иисус говорит в ответ? Он говорит: "Не творите вашу праведность перед людьми, чтобы они на вас смо-

трели". Призыв к чрезвычайному — большая, неустрашимая опасность в хождении вслед. Поэтому: следите за этим чрезвычайным, за этой зримостью хождения вслед. Необдуманному, безраздельному, прямолинейному восторгу о зримости хождения вслед Иисус противопоставляет свое предостережение. Чрезвычайному дано жало в плоть. Иисус зовет к рефлексии.

На чрезвычайное у учеников есть право только при свете рефлексии. Они обязаны следовать за ним. То есть чрезвычайное не должно делаться напоказ или ради себя самого, зримое не должно твориться ради себя самой. Лучшая праведность учеников не должна стать самодовлеющей целью. Хотя чрезвычайное и должно стать зримо, должно делаться — но следите, чтобы оно не делалось ради зримости. Хотя у зримости хождения вслед есть непреложное основание — призыв Иисуса Христа, но сама по себе она целью быть не может, ибо тогда пропало бы из поля зрения само хождение вслед, настал бы миг покоя, хождение бы прекратилось, и возобновлять его пришлось бы уже не с того места, где мы решили передохнуть, а с самого начала, куда нас отбросила бы даже мгновенная пауза. Нам пришлось бы признать, что мы перестали быть идущими вслед. Итак, нечто должно стать зримым, но — парадоксальным образом: следите, чтобы оно не делалось напоказ. "Пусть ваш свет светит перед людьми..." (5, 16), но: следите за скрытостью! Пятая и шестая глава сталкиваются. Зримое должно быть еще и скрытым, зримое должно остаться незаметным. Рефлексия, о которой говорилось выше, направлена именно на то, чтобы мы не впадали в рефлексию о нашем чрезвычайном. Следить за праведностью нужно именно затем, чтобы ее не замечать. Иначе чрезвычайное перестанет быть свойством хождения и станет свойством наших желаний и прихотей.

Как понять это противоречие? *Во-первых*, спросим: от кого скрыта зримая хождения вслед? Она скрыта не от других людей, которым, напротив, должен видимо светить свет учеников Иисуса, но от того, кто творит это зримое. Пусть он пребывает в хождении и смотрит на Идущего перед ним, а не на себя и свои дела. В своей праведности идущий вслед скрыт сам от себя. Разумеется, он видит чрезвычайное, но сам от себя остается в нем скрыт; он видит его, лишь глядя на Иисуса, но даже и тогда счита-

ет его не чрезвычайным, а очевидным, нормальным. То есть зримое скрыто от него в действии, точнее — в *послушании* слову Иисуса. Будь ему важно чрезвычайное как таковое, он действовал бы по собственной власти и плоти. Но раз ученик Иисуса действует в простом послушании своему Господу, то он может смотреть на чрезвычайное как на самоочевидный акт послушания. Согласно слову Иисуса, иначе и не может быть: идущий вслед есть тот свет, который светит, он ничего не делает ради того, чтобы им стать, он есть свет именно в хождении вслед, смотрящем только на Господа. Именно потому, что христианское *необходимо*, то есть стоит в *изъявительном*, а не повелительном наклонении, чрезвычайное оказывается одновременно и нормальным, *скрытым*. Иначе оно не христианское, не послушное воле Иисуса Христа.

*Во-вторых*, спросим: а где же в хождении единство зримого и скрытого? Как та же самая вещь может быть сразу\* и видна и не видна? Для ответа нам нужно всего лишь вернуться к тому, что открылось в пятой главе. Чрезвычайное, зримое — это возложенный на учеников крест Христов. Крест — это и необходимое, скрытое и, одновременно, — зримое, чрезвычайное.

Спросим *в-третьих*: как разрешается парадоксальное соотношение пятой и шестой глав? Оно решено самим понятием хождения вслед, которое есть связь исключительно с Иисусом Христом. Поэтому идущий всегда смотрит лишь на своего Господа и следует Ему. Смотри он на само чрезвычайное, он выпал бы из хождения. Идущий в простом послушании исполняет волю Господа как чрезвычайное и знает лишь одно: что иначе он не может, что исполняет попросту самоочевидное.

Единственная и заповеданная рефлексия идущего сводится к тому, чтобы совершенно неосознанно, совершенно не рефлексируя, пребывать в послушании, в хождении, в любви. Если делаешь добро, пусть твоя левая рука не знает о том, что делает правая. Своего собственного добра ты знать не должен. Иначе оно — действительно твое добро, а не Христово. Добро Христа, добро хождения происходит без твоего ведома. Настоящее дело любви — это всегда скрытое от меня дело. Следите, чтобы вам о нем не знать! Лишь в этом случае это — добро Бога. Если я хочу знать о своем добре, о своей любви, то это уже не любовь. Даже чрезвычайная любовь к врагу остается скрыта от

идушего вслед. Любя, он уже не видит во враге врага. Слепота эта или, вернее, очищенное Христом зрение идущего вслед — вот в чем его достоверность. Скрытость его собственной жизни от него самого — вот в чем его обетование и надежда.

Скрытость соответствует явности. Нет ничего скрытого, что не стало бы явным. Это от Бога, перед которым все скрытое — всегда явно. Бог хочет показать нам скрытое, сделать зримым. Явность — это установленная Богом награда для скрытости. Вопрос лишь в том, где и от кого получит человек эту явность-награду. Если он жаждет явности перед людьми, то свою награду уже получил. При этом безразлично, ищет ли он ее в грубой форме явности перед другими или в более утонченной — перед самим собой. Когда левой руке известно, что делает правая, когда мое скрытое добро я выношу на свет перед самим собой, когда я хочу знать о своем добре, тогда я сам себе готовлю ту явную награду, которую хотел сохранить для меня Бог. Я сам показываю себе то, что у меня есть скрытого. Я не жду, пока мне его покажет Бог. Поэтому я уже получил свою награду. Но кто до конца устоит в скрытости от самого себя, тот получит награду явности от Бога. Но можно ли жить, творя чрезвычайное в скрытости? Чтобы левая рука не знала, что делает правая? Что это за любовь, которая сама о себе не ведает и может остаться скрыта от себя до кончины века? Это ясно: раз любовь скрыта, то видимой добродетелью, обликом человека она быть не может. Итак: следите, чтобы не спутать истинную любовь с какой-нибудь приятной добродетелью с каким-нибудь из человеческих "качеств"! Это любовь в прямом смысле слова самозабвенна. А в самозабвенной любви ветхий человек со всеми своими добродетелями и достоинствами должен умереть. В самозабвенной, лишь к Христу привязанной любви ученика умирает ветхий Адам. Словами: пусть твоя левая рука не знает, что делает правая — возвещена смерть ветхого человека. И все-таки: кто способен жить, соединив пятую и шестую главу? Лишь тот, кто по ветхому своему человечеству умер во Христе и нашел новую жизнь соединившись с Ним в хождении вслед. Любовь как акт простого послушания — это умирание ветхого человека, который вновь обретает себя в праведности Христа и в брате. Теперь живет не он, но в нем живет Христос. Любовь распятого

Христа, который предал смерти ветхого человека, вот что живет в идущем вслед. Теперь он обретает себя лишь в Христе и в брате.

#### *СКРЫТОСТЬ молитвы*

"И когда молишься, не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц останавливаясь молиться, чтобы показаться пред людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне: и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно. А молясь, не говорите лишнего, как язычники; ибо они думают, что в многословии своем будут услышаны; не уподобляйтесь им; ибо знает Отец ваш, в чем вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него" (Мф. 6, 5-8).

Иисус учит учеников молитве. Что это значит? Возможность молитвы отнюдь не самоочевидна. Хотя молитва — естественная потребность человеческого сердца, но перед Богом у нее еще нет никаких прав. Даже если ее блюсти дисциплиной и навыком, она может оказаться бесплодной и безнадежной. А ученики смеют молиться, ибо им об этом сказал Иисус, знающий Отца. Он обещает, что Бог их услышит. Потому ученики и молятся, что они вместе с Иисусом, идут Ему вслед. Связанному с Иисусом в хождении вслед через Него открыт доступ к Отцу. Поэтому всякая верная молитва — опосредованная. Непосредственно молиться нельзя. Непосредственного доступа к Отцу нет даже и в молитве. Лишь через Иисуса Христа мы можем в молитве найти Отца. Предпосылка молитвы — вера в Христа и связь с Ним. Он единственный посредник для нашей молитвы. Мы молимся по его слову. Потому с его словом наша молитва всегда и связана.

Мы молимся Богу, в которого верим через Христа. Поскольку наша молитва не должна превратиться в заклинание Бога, то представляться Ему нам уже незачем. Нам известно, что Он знает, в чем у нас нужда, еще до того, как мы попросим. Это придает нашей молитве величайшую убежденность и радостную уверенность. Не формулы, не обилие слов, но вера доходит до отеческого сердца Бога, которое знает нас искони.

Верная молитва - это не труд, не привычка, не благочестивый акт, это просьба ребенка, обращенная к сердцу Отца. Оттого молитва и не может быть показной — ни перед Богом, ни перед самими собой, ни перед другими. Не знай Бог, что мне нужно, тогда мне пришлось бы размышлять: *как* сказать Богу, *что* Ему сказать, *сказать* ли Ему. Но вера, с которой я молюсь, исключает всякую рефлексию и все показное.

Молитва есть совершенно скрытое. Во всех отношениях она противоположна явности. Молящийся не знает себя, а знает лишь Бога, к которому взывает. Так как молитва не воздействует на мир, но обращается только к Богу, то это самое непоказное поведение из возможных.

Конечно, случается и превращение молитвы в демонстрацию, когда скрытое выносится на свет. Так бывает не только в молитве на людях, которая превращается в пустословие. Сегодня такое редко. Но ничуть не лучше и даже губительней, если я делаю зрителем моей молитвы самого себя, если молюсь перед самим собой, наслаждаюсь ли я как довольный зритель этим занятием или изумленно и пристыженно себя за ним застаю. Публичность улицы — просто более наивная форма той публичности, которую я создаю себе сам. Я и в своей комнатке могу стать зрелищем для себя самого. Вот насколько способны мы исказить слово Иисуса. В таком случае публичность и явность, которых я ищу, состоят в том, что я сразу и молящийся и слушатель. Я сам себя слушаю, сам себя слышу. Поскольку я не хочу дожидаться Божьего внимания, дожидаться, чтобы когда-нибудь обнаружилось внимание Бога к моей молитве, то я сам себе обеспечиваю внимание. Я утверждаю, что благочестиво помолился; и в этом утверждении заключено довольство внимательного слушателя. Моя молитва услышана. Награда у меня уже есть. Раз я сам себя слушал, Бог меня слушать не станет; раз я сам себе приготовил награду явности, Бог не даст мне никакой награды.

Но тогда о какой же комнате говорит Иисус, если я не застрахован от себя самого? Как же мне ее запереть, чтобы скрытости молитвы не помешал ни один слушатель и не похитил у меня награду за скрытую молитву? Как мне защититься от себя самого? От своей рефлексии? Как убить рефлексию рефлексией же? Слово сказано: мое собственное желание как-то преуспеть с помощью молитвы

должно умереть, быть убито. Когда во мне правит только воля Иисуса и вся моя воля отдана Ему, то в общности с Иисусом, в хождении вслед моя воля умирает. Вот тогда я могу молиться, чтобы свершилась воля Того, кто знает, что мне нужно, еще до того, как я попрошу. Тогда только моя молитва уверенна, сильна и чиста, когда исходит из воли Иисуса. Тогда молитва — действительно просьба. Ребенок просит отца, которого знает. Не просто поклонение, а просьба - сущность христианской молитвы. Она соответствует тому положению человека перед Богом, когда он, протянув руки, просит Того, о чьем отцовском сердце знает.

Но если верная молитва — нечто скрытое, то все же это не исключает и совместной молитвы, как бы очевиден ни стал теперь ее риск. В конечном счете, дело не в улице или в комнате, в молитве краткой или длинной, будь-то в церковной литании или во вздохе не знающего, о чем молиться, дело не в отдельности или совместности, но в том, чтобы помнить одно: ваш Отец знает, что вам нужно. Тогда молитва направлена исключительно к Богу. Тогда ученик избавлен от ложной суестьи.

"Молитесь же так: Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое; да придет Царствие Твое; да будет воля Твоя и на земле, как на небе; хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избави нас от злого; ибо Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь. Ибо, если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш небесный; а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших" (Мф. 6, 9—15).

Иисус сказал ученикам не только, *как* они должны молиться, но и о *чем*. "Отче наш" — не просто пример возможной молитвы учеников, нет, *именно* так они и должны молиться, как Иисус их научил. С этой молитвой они будут услышаны Богом, это достоверно. "Отче наш" — это молитва как она есть. В ней сущность и предел любого моления учеников. Иисус и здесь не оставляет учеников в неопределенности, с "Отче наш" Он вводит их в совершенную ясность молитвы.

"Отче наш, сущий на небесах", - сообща взывают идущие вслед к своему небесному Отцу, который уже знает обо всем, что нужно-его любимым детям. Они стали

братьями благодаря объединившему их призыву Иисуса. В Иисусе они узнали заботу Отца. Во имя Сына Божьего они могут назвать Бога своим отцом. Они на земле, их Отец на небесах. Он смотрит оттуда на них, они поднимают взгляды к Нему.

"Да святится имя Твое" — отчее Имя Бога, открытое идущим в Иисусе Христе, должно почитаться святым среди учеников, ибо именно в этом Имени заключено все Евангелие. Да не допустит Бог, чтобы его святое Евангелие было помрачено и испорчено ложным учением и не-святой жизнью. Да захочет Бог, чтобы ученикам непрерывно открывалось его святое Имя в Иисусе Христе: Да сделает Он все проповеди одним лишь возвещением спасительного Евангелия. Да защитит Он от искушителей и обратит врагов своего Имени.

"Да приидет Царствие Твое". — В Иисусе Христе ученики испытали наступление Царства Бога на земле. Здесь побежден сатана, сломлена власть мира, греха и смерти. Но Царство Бога — еще в страдании и в борьбе. Маленькая община избранных стала к нему причастна. В новой праведности они встали под царскую власть Бога, но вокруг — гонения. Да позволит Бог возрасти Царству Иисуса Христа в его земной общине, да уготовит скорый конец царству этого мира и установит свое Царство во власти и славе.

"Да будет воля Твоя и на земле, как на небе". — В общности с Иисусом Христом идущие вслед всецело отдали свою волю в волю Бога. Они молятся о том, чтобы воля Бога была на всей земле. Да не противится ей ни одно живое создание. Но так как и в идущих вслед еще жива злая воля, которая хочет их оторвать от общности с Иисусом, то они молятся еще и о том, чтобы в них ежедневно брала верх воля Бога, сокрушая всякое сопротивление. И наконец, пусть и весь мир склонится перед волей Бога и благодарно воззовет к нему в беде и в радости. Да покорятся Богу небо и земля.

Ученики Иисуса должны молиться прежде всего о Имени Бога, о Царстве Бога, о воле Бога. Хотя Бог и не нуждается в этой молитве, с ее помощью ученики сами получают часть в небесных благах, о которых молятся. И о такой молитвой они смогут приблизить конец.

"Хлеб наш насущный дай нам на сей день". — Поскольку ученики живут на земле, пусть не стыдятся про-

сить небесного Отца о благах материальной жизни, жизни тела. Создавший человека на земле хочет поддержан, и сохранить его тело. Он не хрчет, чтобы его творением пренебрегали. Хлеб, о котором просят ученики, — общий. Пусть никто не владеет им для себя одного. Они просят и о том, чтобы Бог дал ежедневный хлеб всем своим детям по всей земле, ибо они их братья по плоти. Ученики знают, что растущий на земле хлеб дан свыше Богом. Поэтому они не просто берут себе хлеб, а просят о нем. Раз это хлеб от Бога, то он ежедневно заново дарится. Идущие вслед просят не о запасах, но о Божьем даре на сегодня, который продлит им жизнь в общности с Иисусом и за который они велят кроткую доброту Бога. В этом прошении проверяется вера учеников в то, что Бог действует на

земле им во благо.

"Прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим". — Признание своих долгов, своей вины — ежедневный вопль учеников. Те, кто мог бы в общности с Иисусом жить без греха, грешат ежедневно неверием, вялой молитвой, распушенностью тела, самодовольством, завистью, ненавистью и тщеславием. Поэтому пусть они ежедневно просят у Бога прощения. Но Бог внемлет их просьбе лишь тогда, когда они по-братски и охотно прощают долги и вину друг другу. Поэтому они сообща несут вину перед Богом и сообща просят о милости. Да простит Бог не только мне мою вину, но и нам — нашу.

"Не введи нас во искушение". — Многообразны искушения идущих вслед. Отовсюду нападает на них сатана и хочет привести их к падению. Их жестоко испытывают и ложная самоуверенность, и безбожные сомнения. Зная свою слабость, ученики не требуют искушений и испытаний, чтобы выказать в них силу своей веры. Они просят Бога не искушать их слабую веру и охранить в час испытания.

"Но избави нас от злого". — И наконец пусть ученики просят о том, чтобы когда-нибудь избавиться от этого злого мира и унаследовать Небесное Царство. Это просьба и о блаженной кончине и о спасении общины в последние времена этого мира.

"Ибо твое есть Царство..." — Уверенность в этом ученики ежедневно получают заново из общности с *Иисусом Христом*, в котором исполнение всех их просьб. В Нем святится имя Бога, в Нем приходит Царство Бога, в Нем

свершается воля Бога. Ради Него поддерживается телесная жизнь учеников, ради Него получают они прощение вины и долгов, его силой охраняются они в испытаниях, его силой спасены к вечной жизни. Его сила, и царство, и слава вовеки в общности в Отцом. В этом ученики уверены.

Словно подводя молитве итог, Иисус говорит еще раз, что самое важное для них — чтобы они получили прощение и что прощение это достанется им только как братству грешников.

#### СКРЫТОСТЬ ПРАВИЛ БЛАГОЧЕСТИЯ

"Также, когда поститесь, не будьте унылы, как лицемеры; ибо они принимают на себя мрачные лица, чтобы показаться людям постящимися. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. А ты, когда постишься, помажь голову твою и умой лице твое, чтобы явиться постящимся не пред людьми, но пред Отцом твоим, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно" (Мф. 6, 16-18).

Иисус принимает как очевидную предпосылку, что идущие вслед соблюдают благочестивое правило поста. Строгий навык воздержания — часть жизни идущих. У таких правил цель одна: сделать идущего вслед радостней и пригодней для предуказанного ему пути и труда. Эгоистичная и косная воля, противящаяся служению, карается, плоть смиряется и наказывается. В навыке воздержания отчетливо выявляется, что моя жизнь как христианина чужда миру. Жизнь без аскетического навыка, уступающая всем желаниям плоти, поскольку их "дозволяет" *justitia civilis*, такая жизнь едва ли приготовится к служению Христу. Сытая плоть молится неохотно и не отдает себя на самоотверженное служение.

Поэтому жизни ученика нужна строгая внешняя дисциплина. Не потому, что воля плоти будет сломлена, а ветхий человек — ежедневно умирать из-за чего-то иного, нежели вера в Иисуса. Но даже верующему, даже идущему вслед, чья воля сломлена, кто по ветхому человечеству умер в Иисусе Христе, известны бунт и ежедневная гордость плоти. Известна ее косность и разнузданность, известно, что она источник высокомерия, которое надо сокрушить. Для этого необходим ежедневный и чрезвычай-

ный *ikimik* дисциплины. Об ученике сказано, что дух реинотесп, но плоть слаба. Поэтому "бодрствуйте и молитесь". Учпан путь хождения вслед, дух готов по нему идти, но плоть слишком робка, для нее путь слишком труден, опасен, утомителен. Так что духу приходится умолкнуть. Дух принимает заповедь Иисуса о безусловной любви к врагам, но плоть и кровь слишком сильны, и заповедь не переходит в поступок. Поэтому пусть плоть узнает в ежедневном и чрезвычайном навыке и дисциплине, что своих прав у нее нет. Этому помогает ежедневный, размеренный навык молитвы, как и ежедневное размышление о слове Божьем, помогает всякий навык телесной дисциплины и воздержания.

Сначала плоть открыто сопротивляется этому ежедневному усмирению, а потом прячется за словами духа, то есть за евангельской свободой. Когда евангельская свобода от законнического принуждения и от самоистязания принципиально противопоставляется верному евангельскому употреблению дисциплины, правила и аскезы, когда беспорядочность и недисциплинированность в молитве, в обращении со словом, в телесной жизни оправдывается именем христианской свободы, тогда противоречие со словом Иисуса очевидно. Тогда забыта и чуждость миру в ежедневном хождении вслед, забыта и радость, и даже истинная свобода, которую дарит ученику верное правило жизни. Как только христианин поймет, что не справляется со служением, что готовность его убывает, что он стал виновен в чуждой ему жизни, виновен чуждой виной, что у него ослабла радость о Боге, что уже нет сил для молитвы, — пусть нападет на свою плоть, чтобы дисциплиной, постом и молитвой (Лк. 2, 37; Мк. 9, 29; 1 Кор. 7, 5) приготовиться к служению. Возражение, будто вместо аскезы христианин должен прибегнуть к вере и к слову, — пустая отговорка. Это и немилосердно и не имеет силы помочь. Ведь что такое жизнь в вере, как не бесконечно многообразная борьба духа против плоти? Как собирается жить в вере тот, кого утомляет молитва, кому наскучило Священное Писание, у кого сон, еда, похоть все время похищают радость о Боге?

Аскеза — это вольно выбранное страдание, *passio activa*<sup>12</sup>, а не *passio passiva* — и потому дело крайне рискованное. Аскезу постоянно подстерегает безбожное благочестивое желание в страдании уподобиться Иисусу Христу. В



ней даже подчас таится претензия заместить страдания Христа, самому исполнить дело Христовых страданий — то есть убить ветхого человека. В этом случае аскеза присваивает горькую и последнюю серьезность спасительного дела Христова и выставляет себя напоказ с пугающей резкостью. Добровольное страдание, которое только на основе страданий Христа может привести к лучшему служению, к более глубокому смирению, превращается здесь в ужасное искажение страданий самого Иисуса. Оно уже хочет чужих взглядов, оно уже стало немилосердной, живой укоризной для ближних, ибо оно превратилось в путь спасения. В такой "явности" награда действительно уже налицо, ибо ее ищут у людей.

"Помажь твою голову и умой лицо". — Это могло бы снова дать повод к еще более тонкому самоуслаждению или самохвалству, то есть быть принято за притворство. Но Иисус говорит ученикам, что в добровольном навыке смирения они должны оставаться смиренными, что они не должны взваливать на других смирение как укор или как закон, что, напротив, они должны радоваться и благодарить за возможность служить своему Господу. Здесь имеется в виду не радостное лицо ученика как обязательный для христианина стиль, а верная скрытость христианского поведения, не знающее о себе самом смирение, как глаз видит не себя, а только других. Скрытость эта когда-нибудь станет явной, но только по воле Бога, а не по собственной.

#### *ПРОСТОТА БЕЗЗАБОТНОЙ ЖИЗНИ*

"Не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут; но собирайте себе сокровища на небе, где ни моль, ни ржа не истребляют и где воры не подкапывают и не крадут; ибо, где сокровища ваши, там будет и сердце ваше. Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то всё тело твоё будет светло; если же око твоё будет темно, то всё тело твоё будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма? Никто не может служить двум господам: ибо или одного будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть. Не можете служить Богу и маммоне" (Мф. 6, 19-24).

Жизнь идущего вслед должна быть такой, чтобы ничто не стояло между ним и Христом: ни Закон, ни его собственное благочестие, ни, тем более, — мир. Идущий всегда смотрит лишь на Христа. Он не смотрит на Христа и благочестие, на Христа и Закон, на Христа и мир. Он просто не входит в подобные рассуждения, а во всем следует только Христу. Поэтому его глаз прост. Он направлен целиком и полностью к свету, исходящему от Христа, и лишен всякой темноты, всякой двойственности. Как глаз должен быть прост, ясен, чист, чтобы тело оставалось в свете, как к ногам и рукам свет поступает лишь от глаза, как нога отступает и рука промахивается, если глаз темен, как все тело — во тьме, если глаз померк, так и идущий вслед — до тех пор лишь в свете, пока просто смотрит на Христа, а не на то или иное; так и сердце ученика должно быть направлено только к Христу. Когда глаз видит не то, что есть на самом деле, то обмануто все тело целиком. Когда сердце зависит от видимости мира, от творения, а не от Творца, то ученик пропал.

Блага мира хотят сманить сердце ученика. Куда направлено его сердце — вот главный вопрос. К благам мира? К Христу и к благам одновременно? Или же исключительно к Христу? Свет тела — глаз, свет идущего вслед — сердце. Если темен глаз, то как же темно будет тело. Если темно сердце, то какая же темнота будет в ученике. А сердце темнеет, если привязано к благам мира. И тогда сколь бы настоятелен ни был призыв Иисуса, он наткнется на стену, он не отыщет доступа к человеку, ибо сердце заперто и принадлежит кому-то другому, а не Иисусу. Как свету не пройти в тело, если дурен глаз, так и слово Иисуса не войдет в ученика, если сердце того замкнуто. Как росток — тернии, слово душат "заботы, богатство и наслаждения житейские" (Лк. 8, 14).

Простота глаза и сердца соответствует той скрытости, которая не знает ни о чем, кроме как о слове и призыве Иисуса, которая есть полная общность с Христом. В чем же для идущего простота по отношению к земным благам?

Иисус не запрещает пользоваться ими. Иисус был человек, ел и пил вместе с учениками. Тем самым пользование земными благами Он сделал чистым. Пусть идущий благодарно пользуется насущными земными благами, которые насыщают повседневную нужду и поддерживают жизнь тела.

Как пилигрим, ходи:  
Гол, волен, налегке.  
А деньги в кошельке —  
Помеха на пути.  
Кто хочет - тащит пусть,  
Нам ноша ни к чему.  
Один ломоть в суму,<sup>13</sup>  
И отправляйся в путь

(Терстееген).

Блага даны, чтобы ими пользоваться, но не затем, чтобы их копить. Как Израиль в пустыне ежедневно получал от Бога манну и не заботился о том, что есть и что пить, как сразу же портилась манна, сбереженная на следующий день, так пусть и ученик ежедневно получает от Бога необходимое; а копя эти дары, он испортит и дар, и себя самого. К скопленному сокровищу привязывается сердце. Сбереженное добро встает между мною и Богом. Где мое сокровище, там моя надежда, моя безопасность, мое утешение, мой Бог. Сокровище — это идолопоклонство<sup>14</sup>.

Но где граница между благами, которыми я имею право пользоваться, и сокровищем, которое мне запрещено? Если перевернуть предложение и сказать: к чему привязано твое сердце, то и есть твое сокровище, — то вот и ответ. Само сокровище может быть крайне невзрачным, дело не в размерах, дело только в твоём сердце, в тебе самом. А если спрашивать и дальше: как узнать, к чему привязано мое сердце? — то и здесь ответ прост и ясен: все мешающее тебе любить Бога больше всего остального, все встающее между тобой и твоим послушанием Иисусу — это твое сокровище, к которому привязано твое сердце.

Но раз человеческое сердце привязывается к сокровищу, то и по воле Иисуса пусть у человека будет сокровище<sup>15</sup>, но не на земле, где оно тленно, а на небе, где оно сохранно. "Сокровища" на небе, о которых говорит Иисус, — это явно не Единое Сокровище, сам Иисус, но на самом деле сокровища, собираемые идущими. В этих словах - великое обещание: идя вслед Иисусу, ученик приобретает небесные сокровища, которые не гибнут, которые его ждут, с которыми он соединится. Что же это за сокровище, если не чрезвычайность и скрытость жизни ученика, если не плоды Христова страдания, приносимые этой жизнью?

Когда сердце ученика целиком принадлежит Богу, то ему ясно, что он просто не *может* служить двум господам. Не может. В хождении вслед это просто невозможно. Казалось бы, как естественно: в том и проявить свою христианскую смекалку и опытность, чтобы как раз суметь служить двум господам — маммоне и Богу, чтобы воздать каждому надлежащее. Отчего мы не можем, именно будучи детьми Бога, стать еще и радостными детьми этого мира и, наслаждаясь благими дарами Бога, еще и сокровища мира принимать как Божье благословение? Бог и мир, Бог и блага мира противоположны, ибо мир и его блага отнимают наше сердце, и, лишь завладев им, они становятся самими собой. Без нашего сердца блага и мир — ничто. Они живут за счет нашего сердца и поэтому — враги Бога. В полноте любви отдать наше сердце мы можем лишь кому-то одному, целиком держаться мы можем только лишь одного господина. А противоположное предмету нашей любви становится предметом ненависти. По слову Иисуса, по отношению к Богу есть только любовь или ненависть. Если мы не любим Бога, значит мы Его ненавидим. Середины нет. В том и божественность Бога, что Его можно только любить или ненавидеть. Здесь только "или — или": ты любишь или Бога или блага мира. Любишь мир — значит, ненавидишь Бога, любишь Бога — значит, ненавидишь мир. Хочешь ты этого или нет, сознательно выбираешь или невольно, это несущественно. Разумеется, ты этого не захочешь, ты даже и знать не будешь, что ты делаешь; напротив, ты вовсе этого *не хочешь*, зато ты *хочешь* служить двум господам сразу. Ты хочешь любить и Бога и блага мира, и поэтому никогда не согласишься с тем, что ненавидишь Бога. Итак, ты Его любишь по собственному разумению. Но именно потому, что мы любим и Бога и блага мира, наша любовь к Нему — ненависть, глаз уже не прост, сердце — уже не в общности с Иисусом. Хотим мы того или нет, но иначе быть не может. Не можете служить двум господам, вы, идущие вслед Иисусу.

«Посему говорю вам: не заботьтесь для души вашей, что вам есть и что пить, ни для тела вашего, во что одеться. Душа не больше ли пищи, и тело — одежды? Взгляните на птиц небесных: они ни сеют, ни жнут, ни собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их. Вы не гораздо ли лучше их? Да и кто из вас, заботясь, может при-

бавить себе росту хотя на один локоть? И об одежде что заботитесь? Посмотрите на полевые лилии, как они растут: ни трудятся, ни прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них; если же траву полевую, которая сегодня есть, а завтра будет брошена в печь, Бог так одевает, кольми паче вас, малoverы! Итак, не заботьтесь и не говорите: "что нам есть?" или: "что пить?" или: "во что одеться?" Потому что всего этого ищут язычники, и потому что Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом. Ищите же прежде всего Царства Божьего и правды Его, и это все приложится вам. Итак, не заботьтесь о завтрашнем дне, ибо завтрашний сам будет заботиться о своем; довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6, 25—34).

Не заботьтесь! Блага обманывают человеческое сердце, обещая ему безопасность и беззаботность, но на самом деле они и есть причина забот. Привязанное к благам сердце заодно с ними получает давящий груз забот. Забота создает сокровище, сокровище, в свою очередь, создает заботы. Мы хотим с помощью благ обеспечить нашу жизнь, с помощью заботы стать беззаботными; на деле выходит обратное. Узы, которыми мы привязаны к благам, которыми блага скреплены, сами эти узы и есть наши заботы.

Злоупотреблять благами — значит использовать их как обеспечение завтрашнего дня. Забота всегда обращена к завтра. Но блага буквальной образом предназначены только на сегодня. Именно уверенность в завтрашнем дне делает меня таким неуверенным сегодня. Достаточно, чтобы у каждого дня была своя забота. Действительно обеспечен лишь тот, кто завтрашний день целиком отдает на волю Бога и все нужное ему для жизни целиком получает сегодня. Ежедневное получение освобождает меня от завтрашнего дня. Мысль о завтра подвергает меня бесконечным заботам. "Не заботьтесь о завтрашнем дне" — это либо ужасная насмешка над бедными и убогими, к которым Иисус как раз и обращается, над всеми теми, кто, по человеческому разумению, умрет завтра с голоду, если не позаботится сегодня; либо это невыносимый закон, который человек оттолкнет с содроганием; либо же это исключительная весть самого Евангелия о свободе детей Божьих, у которых на небе есть Отец, даровавший им своего любимого Сына. Разве мог Он не подарить и всего остального?

"Не заботьтесь о завтрашнем дне" — не надо видеть здесь житейскую мудрость, закон. Здесь только Евангелие Иисуса Христа. Лишь идущий вслед и знающий Иисуса слышит в этих словах обещание любви, исходящей от Отца Иисуса Христа, и свободу от всех вещей. Не забота делает ученика беззаботным, а вера в Иисуса Христа. Теперь он знает: мы *можем* не заботиться (ст. 27). Следующий день, следующий час у нас отобран. Бессмысленно поступать так, словно мы вообще в силах о чем-то позаботиться. В положении мира мы ничего не можем изменить. Заботиться может только Бог, потому что Он правит миром. А раз мы не можем заботиться, раз мы окончательно бессильны, то мы и *не имеем права* заботиться. В ином случае мы присвоили бы себе полномочия Бога.

Но идущий вслед знает и другое: он не только не имеет ни сил ни права на заботу, ему это еще и не нужно. Не забота и даже не работа создают насущный хлеб, а Бог-Отец. Птицы и лилии не трудятся и не прядут и все же накормлены и одеты, они ежедневно, не заботясь, получают свое. Блага мира им нужны лишь на каждый день, они не копят и именно так хвалят Творца — не потом, не трудом, не заботой, а просто каждый день принимая дары от Бога. Поэтому птицы и лилии — пример для идущих вслед. Иисус отменяет необходимую связь между трудом и пропитанием, измышленную без Бога. Он не хвалит насущный хлеб как награду за труд, но говорит о беззаботной простоте идущего путем Иисуса и всё получающего от Бога.

"Ни один зверь не трудится ради пропитания, хотя у всякого есть свой труд, сообразно с которым он ищет и находит себе пищу. Птичка летает и поет, вьет гнездо и вскармливает птенцов; таков ее труд, но питается она не от него. Быки пашут, лошади служат в обозе и в кавалерии, овцы дают шерсть, молоко, сыр; таков их труд, но питаются они не от него — земля доставляет траву и питает их благословением Божиим. Так и человек: он и может и обязан работать, иметь занятие, но пусть помнит, что не работа его питает, а нечто иное: щедрое благословение Божие; хотя и кажется, будто питает его работа, ибо без его работы Бог ничего ему не дает. Хотя птичка не сеет и не жнет, она погибла бы от голода, если бы не летала в поисках за пищей. А что находит она пищу, так это творит не ее труд, а благо Божие. Ибо кто приготовил пи-

шу там, где она ее находит? Ведь где Бог не приготовит, там никто ничего не найдет, хотя бы весь мир до смерти трудился и искал" (Лютер). Но если птиц и лилии бережет Творец, то неужели не пропитает своих детей, ежедневно Его о том просящих, неужели не сможет дать им того, что им надобно для повседневной жизни, Он, кому принадлежат все земные блага и кто раздает их по своей воле?

"На каждый день подай мне Бог,  
Чтоб этот день прожить я смог.  
Он жизнь хранит и воробью,  
Так позабудет ли мою?"<sup>16</sup>

(Клавдиус)

Забота - дело язычников, не верящих, полагающихся не на Бога, а на свои силу и труд. Язычники заботятся потому, что не знают: Богу известно обо всем, что нам нужно. Потому они и хотят сами делать то, чего не ждут от Бога. Но идущим вслед сказано: "Ищите прежде всего Царства Божьего и правды Его и все остальное приложится вам". Из этого ясно, что забота о пище и одежде — это еще не забота о Царстве Божьем, как нам очень хотелось бы думать, словно работа ради нашей семьи и нас самих, словно забота о хлебе и жилье — это уже и есть поиски Царства Божьего, словно забота о нем осуществляется только внутри забот земных. Царство Божье и его праведность — нечто вполне отличное от достающихся нам благ мира. Это та самая праведность, о которой говорилось в пятой и шестой главе, праведность Христова креста и хождения вслед взяв крест. *Сперва* идет общность с Иисусом и послушание его заповедям, а потом уже все остальное. Не одно внутри другого, а одно после другого. *Прежде* забот о нашей жизни, о еде и одежде, о ремесле и семье стоят поиски Христовой праведности. Здесь просто дан предельный итог сказанного раньше. И это слово Иисуса — либо невыносимое бремя, невозможное отрицание человеческого существования бедных и убогих, — либо это само Евангелие, дающее совершенную радость и свободу. Иисус говорит не о том, что человек обязан делать и не может, но о том, что нам Бог уже подарил и еще подарить обещает. Раз нам дарован Христос, раз мы призваны идти Ему вслед, то с Ним нам даровано всё, действи-

тельно всё. Все остальное нам приложится. Кто, идя вслед Иисусу, смотрит только на его праведность, тот — под рукой и охраной Иисуса Христа и его Отца, тот, значит, — в общности и с Отцом, с тем ничего не может случиться, тот и сомневаться уже не может, что Отец накормит и не оставит голодными своих детей. В нужный час Бог поможет. Он знает, в чем мы нуждаемся.

Идущий вслед Иисусу, уже после долгого ученичества, на вопрос Господа "Имели ли вы в чем нужду?" ответит: "Никогда, Господи!" Как же иметь нужду тому, кто в годе и нагоде, в гонениях и опасностях уверен в общности с Иисусом Христом?

*Матфей, 7: Отделение общины учеников*

#### УЧЕНИК И НЕВЕРУЮЩИЕ

«Не судите, да не судимы будете; ибо каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такую и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазу брата твоего, а бревно в твоём глазу не чувствуешь? Или, как скажешь брату твоему: "дай, я выну сучок из глаза твоего"; а вот, в твоём глазу бревно? Лицемер! Вынь прежде бревно из глаза твоего, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего. Не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга вашего пред свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас. Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят. Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею? Итак, если вы, будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный даст блага просящим у Него. Итак во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки» (Мф. 7, 1—12).

От пятой и шестой главы к этим стихам и потом — к большому эпилогу Нагорной проповеди ведет необходимая связь. О чрезвычайности (*perisson*) хождения говорилось в пятой главе, о скрытой, простой (*haplous*) правед-

ности учеников - в шестой. И то и другое изымает идущих вслед из той общности, к которой они до сих пор принадлежали, и ставит в связь исключительно с Иисусом. Граница стала ясно видна. И тут возникает вопрос об отношениях идущего вслед с людьми вокруг. Дает ли ему эта обособленность какие-то особые, собственные права, достались ли ему какие-то силы, мерила, дары, которые позволили бы притязать на особый авторитет по отношению к остальным? Показалось бы вполне естественным, если бы идущие вслед Иисусу отделили себя от своего окружения каким-то резким, ограничивающим приговором. Могло бы даже показаться, будто Иисус как раз хочет, чтобы этот разделяющий и судящий приговор, вынесенный учениками, осуществлялся бы и в их повседневном обращении с людьми. Поэтому Иисус должен был объяснить, что такое понимание было бы серьезной угрозой для хождения вслед. У учеников нет права судить. Начни они судить, они бы сами подпали под суд Бога. Меч, которым они судят братья, падает на них самих. Граница, которой они отгораживаются от остальных как праведные от неправедных, отделяет их самих от Иисуса.

Отчего это так? Идущий живет только своим союзом с Иисусом Христом. Праведность у него есть лишь в этом союзе и никогда — вне его. И союз этот не может стать для него меркой, которую бы он применял по своему усмотрению. Его сделала учеником не новая мерка жизни, а только Иисус Христос, Посредник и Сын самого Бога. И потому его собственная праведность скрыта от него в общности с Иисусом. Он уже не может видеть, наблюдать, оценивать самого себя, он видит только Иисуса, а его видит, оценивает и милует только Иисус. Поэтому между учеником и другим человеком стоит не мерило праведной жизни, но опять-таки только сам Иисус Христос; в другом человеке ученик всегда видит лишь одно: вот тот, к кому приходит Иисус. И встречается он с другим лишь потому, что идет к нему вместе с Иисусом. Иисус идет к другому первый, а ученик следом. Поэтому встреча ученика с другим человеком не может быть свободной встречей двух людей, которые непосредственно, напрямую сопоставляют свои взгляды, мерила, суждения. Напротив, ученик может встретиться с другим лишь как с тем, к кому приходит сам Иисус. Важны только его борьба за другого, его призыв, любовь, милость, суд. И у уче-

ника нет позиции, с которой он мог бы напасть на другого, он приступает к другому в правдивой любви Иисуса с безусловным предложением общности.

Судя, мы отстоим от другого на дистанцию наблюдения и рефлексии. Но у любви на это нет ни места, ни времени. Для любящего другой не бывает предметом рассмотрения, он всегда — живое притязание на мою любовь и мое служение. Но разве зло в другом не требует от меня осуждения — и как раз ради него самого, ради любви к нему? Мы понимаем, какая тонкая здесь граница. Любовь к грешнику опасно соседствует с любовью к греху. Но сама любовь Христа к грешнику есть осуждение греха, она есть самое резкое выражение ненависти к греху. Именно безусловная любовь, в которой должны жить идущие вслед ученики Иисуса, приводит к тому, к чему никогда их не приведет раздельная, по собственному усмотрению и на собственных условиях даримая любовь, — к радикальному осуждению зла.

Если ученики судят, значит они устанавливают мерила добра и зла. Но Иисус Христос — не мерило, которое можно применить к другому. Он тот, кто судит меня самого и мое добро изобличает как совершенное зло. И значит, мне запрещено применять к другим те мерки, от которых избавлен я сам. И как раз судя о добре и зле, я другого в его зле утверждаю, ведь и он о них судит. Но он не знает, что его добро есть зло, а своим добром оправдывает себя. Если он осужден мною в своем зле, то, значит, одновременно утверждён в своем добре, которое — отнюдь не добро Иисуса Христа, и, значит, он ускользнет от суда Христа и ставится перед судом человеческим. Но при этом я навлекаю суд Божий на себя самого, ведь и я, значит, теперь живу не милостью Иисуса Христа, а познанием добра и зла и подпадаю под тот приговор, который выношу другому. Для всякого Бог — тот Бог, в которого он верит.

Суд — недозволенная рефлексия о другом. Он разлагает простую любовь. Хотя любовь и не запрещает мне думать о другом, замечать его грехи, но и мысли эти, и наблюдения избавлены от рефлексии, поскольку они для меня — лишь повод к тому же прощению и безусловной любви, какие мне достались от Иисуса. Не вынося о другом приговора, я вовсе не применяю принцип "все понять — значит все простить" и ни в чем другого не оправдываю. Никаких прав тут нет не только у меня, но и у

другого тоже: все права отданы Богу, возвещается Его милость и Его суд.

Суд ослепляет, любовь делает зрячим. Судя, я слеп и к своему собственному злу, и к милости, дарованной другому. А в Христовой любви ученик знает о всякой мыслимой вине и грехе, ибо знает о страданиях Иисуса Христа, — и в то же время любовь узнаёт в другом того, кто был с креста прощен. Любовь видит другого в свете креста, и потому она действительно зряча. Если бы, когда я сужу, мне действительно важнее всего было истребить зло, то я искал бы зло там, где оно мне, собственно, и грозит, — в себе самом. А когда я ищу зло у другого, то сразу ясно, что я ищу еще и своей правоты, что, судя другого, я хочу остаться безнаказан в своем собственном зле. Предпосылка всякого суда — опасный самообман: будто ко мне слово Бога применяется иначе, чем к моему ближнему. Я требую для себя льгот, когда говорю: мне прощение, а другому — осуждающий приговор. Но раз ученики от Иисуса не получили особого права, которое могли бы выставить против другого человека, раз они получили только общность с Ним, то ученику суд совершенно запрещен как незаконное присвоение ложных прав над ближним.

Но ученику не только судящее слово запрещено; имеет свои границы и не возвещающее спасительное слово прощения, обращенное к другому. У ученика нет ни власти, ни права навязывать это слово кому угодно во всякое время. Приставать, напрашиваться, обращать, вообще пытаться собственными силами чего-то от другого добиться — все это и тщетно, и опасно. Тщетно — так как свиньи не узнают бисера, который перед ними мечут; опасно — так как не только слово прощения лишается своей святости, не только другой, которому я хотел услужить, превращен в святотатца и кощунника, но к тому же и сами проповедующие ученики подвергаются риску пострадать без необходимости и без толку от слепой ярости закоснелого и помраченного. Мир уже пресыщен дешевой милостью. И поэтому он грубо восстает против навязывающих ему то, к чему он отнюдь не стремится. То есть у деятельности учеников есть границы, о которых и сказано в Мф. 10: отрясти прах с ног там, где не слушают слово мира. Беспокойная энергия, энтузиазм учеников, желая безграничной деятельности, не замечая сопротивле-

ния, принимают евангельское слово за победоносную идею. А идея требует фанатиков, которые не видят и видеть не хотят сопротивления. Идея сильна. А слово Бога — так слабо, что позволяет людям себя презирать и отвергать. Для этого слова существуют закоснелое сердце и запертые двери, оно признает и терпит то сопротивление, па которое наталкивается. Это тяжкое понимание: для идеи ведь невозможного нет, но для Евангелия — есть. Ибо слово слабее, чем идея. Потому и свидетели этого слова, подобно ему, слабее, чем пропагандисты какой-то идеи. Но в слабости этой они избавлены от болезненного Беспокойства фанатиков, они просто страдают вместе со словом. Ученикам позволено и отступить, даже убежать — если только отступают и бегут они вместе со словом, если и только их слабость есть слабость самого слова, если своим бегством они не изменяют слову. Они — всего и лишь слуги и орудия слова и не хотят быть сильными тогда, когда слово хочет быть слабо. Захоти они навязывать миру слово при всех обстоятельствах и всеми средствами, они превратили бы живое слово Бога в идею и тогда мир с полным правом защищался бы от идеи, которая ничем ему не может помочь. Но именно будучи слабыми свидетелями, они принадлежат к числу тех, кто не отступает, а остается — разумеется, лишь там, где остается слово. Не узнав эту слабость слова, ученики не познали бы тайну уничтожения Божьего. Это слабое слово, сносящее прекословие грешников, — лишь оно и есть то сильное милосердное слово, которое обращает грешников от глубины их сердца. Его сила прикрыта слабостью; явись слово в неприкрытой силе, настал бы Судный День. Ученикам поставлена великая задача — понять границы их миссии. Неверно примененное слово обратится против них самих.

Как же ученикам поступать перед запертыми сердцами, когда доступ к другому закрыт? Пусть признают, что над другим у них нет ни права, ни власти, что к другому у них нет непосредственного доступа, и значит им остается лишь путь к Тому, в чьей руке и они сами, и этот другой. Об этом сказано дальше. Ученики вводятся в молитву. Им сказано, что к ближнему ведет лишь один путь: молитва Богу. Суд и прощение остаются в руке Бога. Он замыкает и отпирает. А ученики должны просить, искать, стучаться — и Он их услышит. Пусть ученики знают, что забота и тревога о другом\* должны приводить их к молит-

ве. Данное их молитве обещание — вот самая большая власть, какая у них есть.

Тем и отличаются поиски учеников от богоискательства язычников, что первые знают, что именно они ищут. Искать Бога может лишь тот, кто уже Его знает. Как бы мог он искать то, чего не знает? Как бы мог он найти, не зная, что ищет? Поэтому ученики ищут Бога, которого нашли в обещании, полученном от Иисуса Христа.

В итоге становится ясно, что по отношению к другому у ученика нет ни собственного права, ни собственной власти. Он живет исключительно в силу общности с Иисусом Христом. Иисус дает ученику простое правило, каким даже самый простой человек может проверить, верно ли он относится к другому; ему нужно лишь поменять местами Я и Ты, поставить себя на место другого, а его на свое. "Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними". И ученик сразу же теряет всякое особое право перед другим, он уже не может себя извинять в том, за что упрекает другого. Теперь он так же суров ко злу в себе, как привык быть — к чужому, и к злу в другом так же снисходителен, как к своему. Ибо наше зло — точно то же, что и зло другого. Это один суд, один закон, одна милость. Поэтому ученик всегда встретит другого лишь как тот, кому все его грехи прощены и кто с тех пор живет лишь любовью Бога. "В этом закон и пророки" — ведь это и есть самая высшая заповедь: любить Бога больше всего и ближнего как самого себя.

#### ВЕЛИКОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ

«Входите тесными вратами; потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их. Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные: по плодам их узнаете их. Собирают ли с терновника виноград или с репейника смоквы? Так всякое дерево доброе приносит и плоды добрые, а худое дерево приносит и плоды худые. Не может дерево доброе приносить плоды худые, ни дерево худое приносить плоды добрые. Всякое дерево, не приносящее плода доброго, срубают и бросают в огонь. Итак по плодам их узнаете их. Не всякий, говорящий Мне: "Господи! Господи!" войдет в Цар-

ство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего небесного. Многие скажут мне в тот день: "Господи! Господи! не от Твоего ли имени мы пророчествовали? и не Твоим ли именем бесов изгоняли? и не Твоим ли именем многие чудеса творили?" И тогда объявлю им: "Я никогда не знал вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие"» (Мф. 7, 13-23).

Община Иисуса не может по своей воле оторваться от общности с теми, кто не слышит призыва Иисуса. Обещанием и заповедью она призвана своим Господом в хождение вслед. Этого ей должно быть достаточно. Всякий суд и разделение она предоставляет Тому, кто избрал ее по своему усмотрению, не по заслугам ее дел, но по своей милости. Разделение осуществляется не общиной, а словом призыва.

Так малое стадо, идущее вслед, отделено от большей части человечества. Учеников мало и всегда будет мало. Этии словами Иисуса у них отсечена любая ложная надежда на успех их деятельности. Пусть никогда идущие вслед Иисусу не полагаются на свою многочисленность. "Вас мало...", а других много, и всегда будет много. Но они ходят в погибели. И в утешение ученикам дано лишь одно: обещание жизни, обещание вечной общности с Иисусом.

Путь идущих вслед узок. Легко пройти мимо, легко упустить, легко потерять, даже уже вступив. Трудно найти. Путь по-настоящему узок, с обеих сторон — грозные кручи, куда легко сорваться: быть призванным к чрезвычайному, творить его, не видя сам и не зная, что его творить, — это узкий путь. Свидетельствовать и исповедовать истину Иисуса, любя при этом врага истины, его и нашего врага, безусловной любовью Иисуса Христа, — это узкий путь. Верить обещанию Иисуса, что идущие вслед наследуют землю, беззащитно идя навстречу врагу, охотней терпя, чем совершая несправедливость — это узкий путь. Видеть и знать другого с его несправедливостью и слабостями, никогда его не судя, непрестанно служить ему вестником, не меча бисера перед свиньями, — это узкий путь. Это путь невыносимый. Всякий миг грозит падением. Пока я вижу в этом пути приказанный мне маршрут и иду по нему, страшась себя самого, — он и впрямь невозможен. Но если при каждом шаге я вижу впереди Иисуса Христа и за Ним следую, то я на этом пути хра-

ним. Если я гляжу на рискованность моих шагов, на сам путь, а не на Того, кто идет передо мной, то, значит, мои ноги уже заскользили. Он сам есть этот Путь. Он — узкий путь и тесные врата. Только Его надо найти. Зная это, мы идем по узкому пути сквозь тесные врата креста Иисуса Христа к жизни, и сама узость пути превращается для нас в уверенность. Как мог бы пасть Сын Божьего на земле, путь, по которому мы, гражданские двух миров, должны идти как по грани между этим Млжром и Царством Небесным, как мог бы он быть широким? Верный путь должен быть узок.

*Стихи 15—20.* Община и мир разделены. Но теперь слово Иисуса, судя и деля, входит в саму общину. Раздел должен совершиться уже среди учеников Иисуса. Пусть ученики не полагают, что смогли престо убежать от мира и теперь малым стадом безопасно пребывают на узком пути. Среди них появятся лжепророки, и наряду со смятением возникнет и взаимное отчуждение. Вот кто-то стоит около меня, внешне — член общины, стоит пророк, проповедник, судя по видимости, по словам и делам — христианин, но внутренне его к нам приводит что-то темное, внутренне это хищный волк, его слово — ложь и дела — обман. Он умеет хорошо хранить всею тайну, но продолжает свое темное дело. Он попал к нам, он приведен в общину не верой в Иисуса Христа, а дьяволом. Наверно, он ищет власти и влияния, денег, славы для своих мыслей и пророчеств. Он ищет этого мира, а не Господа Христа. Он прячет свой темный замысел под покровом христианства, зная, что христиане — народ доверчивый. Он рассчитывает, что невинный облик спасет его — от разоблачения. Еще он знает, что христианам запрещена судить, и в нужную минуту он им об этом напомнит! Никто не читает у другого в сердце. Поэтому он многих свращает с верного пути. Возможно, он и сам этого не понимает, так как влекущий его дьявол не дает ему ясно видеть себя самого.

От такого предостережения ученики могли бы впасть в страшную тревогу. Кто же знает другого? Кто поймет, не таится ли за христианской внешностью ложь, не спрятались ли свращение? Эти страхи могли бы вызвать в общине глубокое недоверие друг к другу, придирчивую подозрительность и трусливый дух осуждения. В ответ на эти слова Иисуса могли бы начаться не имеющие любви приговоры всякому впавшему в грех брату. Но Иисус из-

бавляет верных от недоверия, способного разрушить общину. Он говорит: дурное дерево приносит дурные плоды. В свое время оно само себя выдаст. Нам и незачем никому заглядывать в сердце. Надо выждать, чтобы дерево принесло плод. По плоду в свое время вы и распознаете дерево. А плод не заставит себя долго ждать. Здесь имеется в виду несоответствие не между словом и делом лжепророка, а между видимостью и реальностью. Иисус говорит нам, что человек не может долго прожить в видимости. Настает время плодоношения, время распознавания. Раньше или позже станет ясно, что он такое. Дереву не поможет, если оно не захочет приносить плоды. Плод приходит сам по себе. Поэтому время, когда нужно будет отличить одно дерево от другого, то есть время плодоношения, все и откроет. Когда настанет решительный час в отношениях мира и общины, а он может настать в любой день, не только в важных, но и в самых ничтожных повседневных решениях, тогда и станет ясно, что дурно и что хорошо. Тогда останется одна реальность, без видимости.

Иисус считает учеников способными ясно отличить в такие минуты видимость от реальности и отделиться от мнимых христиан. Этим они, с одной стороны, избавлены от пустого любопытства по отношению друг к другу, но с другой — им предписана правдивость и решимость, чтобы признать решение Бога, когда оно прозвучит. В любую минуту может случиться, что из нашей среды будут вырваны мнимые христиане или что нас самих выключат как мнимых христиан. Значит, ученики призываются к более прочной общности с Иисусом, к более верному хождению вслед. Дурное дерево будет срублено и брошено в огонь. Ему не поможет никакая пышность.

*Стих 21.* Но призыв Иисуса идти вслед проводит раздел еще глубже. После раздела между миром и общиной, между мнимыми и истинными христианами, разделение вторгается и в исповедующее стадо учеников. Павел говорит: никто не может назвать Иисуса Господом как толико Духом Святым (1 Кор. 12, 3). По собственному разуму, силам и решению никто не может предоставить свою жизнь Иисусу, назвать Его своим Господом. А здесь выставлена на свет сама эта возможность, что кто-то назовет Иисуса своим Господом без Святого Духа, то есть не слышав призыва Иисуса. Это тем загадочнее, что в то время назвать Иисуса своим Господом не сулило никакой



земной выгоды, напротив, было крайне рискованным исповеданием. "Не все говорящие мне: Господи, Господи! — войдут в Царство Небесное..." Говорить: "Господи!" — это исповедание общины. Не всякий, произносящий это исповедание, войдет в Царство Небесное. Прямо посреди исповедующей общины пройдет разделение. Исповедание не дает на Иисуса никаких прав. Никто не может сослаться на свое исповедание. Быть членом Церкви с верным исповеданием — перед Богом это не значит ничего. На основе исповедания мы не спасемся. Подумав так, мы совершим грех Израиля, превратившего милость призвания в свое право перед Богом, и согрешим против милости Призвавшего, Бог нас спросит не о том, были ли мы членами Евангелической Церкви, а о том только, исполняли ли мы его волю. Он спросит об этом всех — и нас тоже. Границы Церкви — это не границы какой-то привилегии, а границы милостивого выбора и призвания Божьего. "Pas ho legon" и "all'ho roion" — "говорящий" и "делающий" — здесь имеется в виду не просто соотношение слова и дела. Скорее, здесь говорится о двух разных позициях человека перед Богом. "Ho legon kurie" — "говорящий: Господи!" — это человек, на основе своего исповедания заявляющий притязание, "ho roion" — "делающий" — это смиренный в послушном деянии. Первый своим исповеданием сам себя оправдывает, а второй — это строящий на милости Божьей, послушный человек. Здесь речь становится парой самооправдания, а действие — парой милости, по отношению к которой человек может одно: смиренно повиноваться и служить. Первый, "говорящий: Господи!", сам, без Святого Духа, позвал себя к Иисусу или превратил призыв Иисуса в собственное право. А второй, делатель воли Бога, призван, помилован, повинуется и следует. Он считает призыв не своим правом, а судом и помилованием, волей Бога, которому одному он и хочет повиноваться. Милость Иисуса требует делателя, поэтому действие становится правильным смирением, правильной верой, правильным исповеданием милости

Призвавшего.

*Стух 22.* Раздел на только исповедающих и на делающих произошел. И теперь разделение идет еще дальше, до конца. Наконец, говорят лишь те, кто до сих пор устоял. Они из числа делателей, и ссылаются не на свое исповедание, а как раз на свои дела. Они творили дела именем

Иисуса. Зная, что исповедание не оправдывает, они пошли и делами возвеличили имя Иисуса среди людей. Теперь они приступают к Иисусу и указывают на эти дела.

Тут Иисус открывает ученикам возможность демонической веры, которая ссылается на Него, которая творит чудесные дела, до неразличимости сходные с делами настоящих учеников, дела любви, чудеса, даже дела святости, но которая тем не менее отрекается от Иисуса и хождения Ему вслед. Об этом же говорит Павел в 13 главе Первого послания к Коринфянам: можно проповедовать\*, пророчествовать, иметь все познания, даже всю веру, движущую горами, — и все это без любви, то есть без Христа, без Святого Духа. И более того: Павел даже показывает возможность того, что и дела самой христианской любви, от раздачи имущества вплоть до мученичества, могут делаться — без любви, без Христа, без Святого Духа. Без любви — значит во всех этих делах нет хождения вслед, то есть того действия, источник которого в конечном счете никто иной как Призвавший, сам Иисус Христос. Вот самая глубокая, самая загадочная возможность сатанинского в общине, вот последнее разделение, которое случится, конечно, только в Судный День. И оно будет окончательным. Но идущие вслед спросят, где же тогда последнее мерило того, кто принят Иисусом и кто нет. Кто же тогда устоит и кто не устоит? Все сказано в ответе Иисуса отнерженным последнего разделения: "Я никогда вас не шал". Вот она, вот тайна, сохраняемая с начала Нагорной проповеди до самого конца. Вопрос только в этом: знает пас Иисус или нет. На что нам опереться, когда мы слышим, как слово Иисуса проводит раздел сперва между общиной и миром, потом внутри самой общины, вплоть до Судного Дня, когда у нас не останется больше ничего — ни нашего исповедания, ни нашего послушания? Тогда остается только его слово: Я тебя узнал. Вот его вечное слово, его вечный призыв. Здесь конец Нагорной проповеди смыкается с ее первым словом. Его слово на Страшном Суде — оно звучит для нас в призыве идти вслед. С начала до конца есть только его слово, его призыв. Кто, идя вслед, только за это слово и держится, кто бросает все остальное, того это слово проведет через последний суд. Но слово — это его милость.

"Итак всякого, кто слушает слова Мои сии и исполняет их, уподоблю мужу благоразумному, который построил дом свой на камне; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и устремились на дом тот; и он не упал, потому что основан был на камне. А всякий, кто слушает сии слова Мои и не исполняет их, уподобится человеку безрассудному, который построил дом свой на песке; и пошел дождь, и разлились реки, и подули ветры, и налегли на дом тот; и он упал, и было падение его великое. И когда Иисус окончил слова сии, народ дивился учению Его, ибо Он учил их, как власть имеющий, а не как книжники и фарисеи" (Мф. 7, 24-29).

Мы выслушали, может быть — даже поняли Нагорную проповедь. Но кто услышал ее верно? В конце Иисус отвечает на этот вопрос. Иисус не просто отпускает слушателей, чтобы они теперь применяли его слова по своему усмотрению, чтобы они выискивали в них то, что им кажется ценным для их жизни, чтобы они проверяли это учение, соотнося его с "реальностью". Иисус не отдает свое учение на волю слушателям, для злоупотреблений в торгашеских руках, нет, Он дает его так, чтобы только оно имело над ними власть. С человеческой точки зрения, Нагорную проповедь можно понимать и толковать бесчисленными способами. Иисус признает лишь одну возможность: просто пойти и повиноваться. Не толковать или применять, а делать, повиноваться. Лишь так может быть услышано слово Иисуса. И опять-таки: не говорить о действии как о какой-то идеальной возможности, а действительно начать с действия.

Слово это, которому я даю права над собой, слово, исходящее из "Я тебя узнал", направляющее меня сразу к действию, к послушанию, — это та скала, на которой я могу построить дом. Этому извечному слову Иисуса отвечает только простое действие. Иисус сказал, и от Него — слово, а от нас — послушание. Лишь действуя, сохраняет слово Иисуса среди нас честь, власть и силу. Пусть теперь на дом нападает буря — ей уже не разрушить единства, созданного словом Иисуса.

Есть только действие и бездействие. Хотеть делать и все же не делать — такого нет. Кто отвечает на слово Иисуса не действием, а как-то иначе, тот не признает право-

ив Иисуса, тот говорит Нагорной проповеди "нет", не исполняет его слова. Любые вопросы, сомнения и толкования — это бездействие. Вспомните богатого юношу и и пажника из 10 главы Луки. И сколь бы торжественно я и подтверждал свою веру и принципиальное согласие с мим словом, Иисус называет это бездействием. А слово, которое я не хочу исполнять, не может стать скалой для и роительства моего дома. Единства с Иисусом у меня нет. Он меня еще не узнал. Поэтому, когда налетит буря; > ново быстро у меня пропадет, и я пойму, что в действительности никогда и не верил. У меня было не слово Иисуса, а слово, которое я у Него отнял и сделал моим собственным, размышляя о нем, но не действуя. И теперь мой дом рушится, ибо не основан на слове Христа.

"И народ изумился..." Что произошло? Говорил Сын Бога. Он взял Страшный Суд в свои руки. И его ученики стояли рядом с Ним.

#### Примечания

<sup>1</sup> Право экзегета на подобные рассуждения заключается в *apertio to stoma* [отверзши уста Свои (Мф. 5, 2)] - на эти слова обращала пристальное внимание уже экзегеза ранней Церкви. Перед тем как Иисус заговорит, проходят мгновения тишины.

<sup>2</sup> В Писании ничто не дает оснований противопоставлять Матфея и Луку. Ни у Матфея нет речи о спиритуализации более ранних блаженств Луки, ни у Луки — о политизации блаженств, первоначально будто бы касавшихся только "образа мыслей". Ни нужда у Луки, ни отречение у Матфея не являются причиной блаженств. Напротив, у обоих нужда или отречение, духовное или политическое, оправданы только призывом и обещанием Иисуса, который единственный делает блаженных тем, что они есть, и который есть единственная причина так их называть. Католическая экзегеза, начиная с Посланий Клементя, хотела отнести к блаженствам добродетель бедности, имея в виду, с одной стороны, *paupertas voluntaria* [добровольную бедность (*lat.*)] монахов, с другой — любую добровольную бедность ради Христа. В обоих случаях ошибка толкования заключается в том, что в качестве причины блаженств ищут не только призыв и обещание Христа, но еще и какое-то человеческое поведение.

- <sup>3</sup> Non cupidi vindictae (лат.) - не мстительные. - *Примеч. пер.*
- <sup>4</sup> Император Юлиан издевательски пишет в 43 письме, что конфисковал имущество христиан лишь затем, чтобы они, обнищав, могли войти в Царство Небесное.
- <sup>5</sup> Бонхёффер ставит "sollen" ("смогут (увидеть)") вместо "werden" ("увидят") у Лютера. - *Примеч. пер.*
- <sup>6</sup> eigenporoioi имеет двоякий смысл: и "миролюбцы", по толкованию самого Лютера, надо понимать не только пассивно. Английский перевод "reasemaker" односторонен и стал поводом для зачастую ложного христианского активизма.
- <sup>7</sup> Обратите внимание на отсутствие артикля! [Имеется в виду отсутствие артикля при слове dikaiosyne ("правда", "правое дело") - то есть, в понимании Бонхёффера, речь идет о всяком правом деле. — *Примеч. пер.*]
- <sup>8</sup> Theologia crucis (лат.) - богословие креста. - *Примеч. пер.*
- <sup>9</sup> Perisseuein (греч.) - "превышать", "быть лучше". - *Примеч. пер.*
- <sup>10</sup> Добавление eikei — ("понапрасну") в некоторых рукописях — первая осторожная корректура резких слов Иисуса.
- <sup>11</sup> Дурное легкомыслие - утверждать, ссылаясь на Ио. 18, 53, будто сам Иисус не исполняет буквально свою заповедь, и так избавлять себя от послушания. Иисус называет зло злом, но беззащитно страдает от него до самой крестной смерти.
- <sup>12</sup> Passio activa (лат.) ~ деятельное страдание. — *Примеч. пер.*
- <sup>13</sup> Из гимна Герхарда Терстеегена (1697-1769) "В дорогу, чада, в путь...". - *Примеч. пер.*
- <sup>14</sup> Неслучайно у Павла в перечислениях грехов распутство и корыстолюбие всегда рядом, и оба объявлены идолопоклонством.
- <sup>15</sup> Следует отметить, что Иисус не отнимает у человеческого сердца то, в чем оно нуждается: честь, славу, сокровище. Но Он дает этим потребностям иной предмет: честь Бога (Ио. 5, 44), славу креста (Гал. 6, 14), сокровище на небесах.
- <sup>16</sup> Из стихотворения Матиаса Клавдиуса (1740-1815) "Петь каждый день". — *Примеч. пер.*

## ВЕСТНИКИ (Мф. 9, 35-10, 42)

### ЖАТВА

И ходил Иисус по всем городам и селениям, уча в синагогах их, проповедуя Евангелие Царствия и исцеляя всякую болезнь и всякую немощь в людях. Видя толпы народа, Он сжалился над ними, что они были изнурены и расгяны, как овцы, не имеющие пастыря. Тогда говорит ученикам Своим: жатвы много, а делателей мало; итак молитесь Господина жатвы, чтобы выслал делателей на жатию Свою" (9, 35-38).

Взгляд Спасителя с жалостью падает на его народ, на парод Бога. Его не могло удовлетворить, что несколько человек услышали его призыв и пошли Ему вслед. Он не мог думать о том, чтобы аристократически обособиться со своими учениками и, подобно великим основателям религий, отдалившись от толпы, преподавать им доктрину высшего знания и совершенной жизни. Иисус пришел, грудился и страдал ради всего народа. И ученики, желавшие иметь Его лишь для себя, отстранявшие приводимых к Нему детей или надоедливых нищих (Мф. 10, 48), должны узнать, что Иисус не даст им ограничить его служение. Его Евангелие о Царстве Божьем и сила Спасителя принадлежали всем бедным и больным, где бы Он их ни нашел в своем народе.

Вид толпы, который у учеников, возможно, возбуждал недовольство, гнев или презрение, наполнил сердце Иисуса глубокой жалостью и скорбью. Ни упрека, ни укора! Любимый народ Бога был угнетен и придавлен к земле, и

виноваты были те, на кого в народе было возложено служение Богу. Не в римлянах была причина, а в злоупотреблении словом Божиим со стороны присяжных служителей слова. Пастухов уже не было! Стадо уже не водили к чистой воде, его жажда не утоляли, пастух уже не защищал овец от волка, израненное, испуганное, забитое палками пастухов, прижалось стадо к земле — таким застал Иисус Народ Божий. Вопросы — и нет ответа, нужда — и нет помощи, муки совести — и нет избавления, слезы — и нет утешения, грехи — и нет прощения! Где же хороший пастух, который нужен народу? Какой прок от книжников, строго гнавших народ в школу, от ревнителей закона, строго осуждавших грешника, не помогая ему, от самых правоверных толкователей и проповедников слова Божьего, если их не наполняет жалость и скорбь об истерзанном и поруганном народе Бога? Что значат книжники, блюстители закона, проповедники, если у общины нет пастухов? Хорошие пастухи, "пастыри" — вот кто общине нужен. "Паси моих овец" — последнее поручение Иисуса Петру. Хороший пастух бьется с волком за свое стадо, не убегает, а отдает за овец жизнь. Он знает всех своих овец по имени и любит их. Он знает их нужду, их слабость. Он лечит раны, поит жаждущих, поднимает упавших. Он пастет их ласково, а не строго. Он ведет их по верной дороге. Он ищет пропавшую овцу и возвращает в стадо. А дурные пастухи правят силой, забывают стадо и ищут своей выгоды. Иисус ищет хороших пастухов и видит, что их не найти.

Это ранит его сердце. Его божественная жалость объемлет брошенное стадо, эту толпу народа вокруг. С человеческой точки зрения картина безнадежная. Но не такая она для Иисуса. В поруганном, несчастном, жалком народе Бога Ему видно поспевшее для жатвы поле. "Жатва велика!" Она готова быть ссыпанной в амбары. Настал час вернуть этих бедных и несчастных в Царство Бога. Иисус видит, что над толпами народа занимается как заря обетование Бога. Книжники и ревнители закона видели только побитое, сожженное, истоптанное поле. Иисус видит волны колосьев, поспевших для Царства Божьего. Жатва велика. Лишь его жалость способна это увидеть!

Теперь нельзя терять времени. Жатва не терпит промедлений. "Но работников мало". Разве чудо, что на столь немногих пал милосердный выбор Иисуса? Кто мог

бы приступить к такой работе кроме тех, кто приобрел часть в сердце Иисуса, кто получил от Него зрячие глаза?

Иисус ищет помощи. Он не может творить свое дело один. Кто же его помощники и соработники? Их знает и даст своему Сыну лишь Бог. Кто бы осмелился сам предложить себя в помощники Иисусу? Даже ученики не смеют. Пусть они просят Господина жатвы в нужный час послать работников, ибо пора пришла.

#### АПОСТОЛЫ

"И призвав двенадцать учеников Своих, Он дал им власть над нечистыми духами, чтобы изгонять их и врачевать всякую болезнь и всякую немощь. Двенадцати же Апостолов имена суть сии: первый Симон, называемый Петром, и Андрей, брат его, Иаков Зеведеев и Иоанн, брат его, Филипп и Варфоломей, Фома и Матфей мытарь, Иаков Алфеев и Леввей, прозванный Фаддеем, Симон Кананит и Иуда Искариот, который и предал Его" (Мф. 10, 1—4).

Молитва услышана. Отец открыл Сыну свою волю. Иисус Христос зовет двенадцать учеников и отправляет их на жатву. Он делает их "апостолами", своими вестниками и соработниками. И "дал им власть". Речь действительно о власти. Не только слово, не только учение, но и действительную власть получили апостолы. Да и как бы они справились с работой без такой власти? Она должна быть больше, чем власть того, кто господствует на земле, то есть дьявола. Ученики знают, что у дьявола есть власть, хотя его коварство именно в том, чтобы свою власть отрицать, чтобы внушать человеку, будто он, дьявол, не существует. Вот это — самое опасное — действие его власти и нужно поразить. Нужно вывести дьявола на свет и победить властью Христа. Для этого рядом с самим Иисусом Христом встают апостолы. Они должны помочь Ему в его деле. Поэтому, отправляя их с этим поручением, Иисус не отказывает им даже в самых высших дарах — в причастности его силе над нечистыми духами, над дьяволом, который завладел человеком. В этом поручении апостолы стали равны Христу. Они творят дела Христа.

Имена первых вестников сохраняются для мира до последнего дня. Двенадцать родов насчитывал народ Божий. Двенадцать вестников исполняют дело Христа. Двенадцать престолов приготовлено в Царстве Бога для них как

для судей Израиля (Мф. 19, 28), у небесного Иерусалима будет двенадцать ворот, в которые войдет святой народ и на которых написаны имена племен. Двенадцать краеугольных камней будет в городской стене, и на них имена апостолов (Откр. 21, 12, 14).

Только избирающий призыв Иисуса объединяет двенадцать: Симона-скалу, Матфея-мытаря, Симона-зилота, ревнителя права и закона против языческого гнета, Иоанна, которого любил Иисус и который возлежал у груди Иисуса, и других, от кого к нам дошло лишь имя, и, наконец, Иуду Искариота, который Его предал. Ничто на свете не могло связать этих людей на общее дело, кроме призыва Иисуса. Все прежние расколы здесь преодолены, и основана новая, прочная общность в Иисусе. Темной загадкой и страшным предупреждением остается то, что и Иуда вышел творить дело Христа.

#### РАБОТА

"Сих двенадцать послал Иисус и заповедал им, говоря: на путь к язычникам не ходите и в город Самарянский не входите; а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева" (Мф. 10, 5-6).

Ученикам — помощникам Иисуса — даны ясные распоряжения. Как за работу браться и как ее понимать — не отдано на их волю. Дело Христа, которое они должны творить, целиком втягивает вестников в волю Иисуса. Счастлив, у кого есть такие распоряжения в его деле и кто избавился от собственных рассуждений и расчетов!

Первое же слово ставит работе вестников ограничение, которое им, наверно, показалось странным и трудным. Они не вправе сами избирать поле для работы. Важно, не куда их влечет сердце, а куда они посланы. Из этого ясно, что они занимаются не своим, а Божьим делом. Разве не лучше было бы пойти к язычникам и самаритянам, особенно нуждавшимся в Благой Вести? Пусть даже и так, но такого поручения не дано. А дело Бога нельзя творить без поручения, это значило бы творить его без обетования. Но разве обетование и поручение проповедовать Евангелие имеют силу не повсюду? И то и другое имеет силу лишь там, где это поручено Богом. Но разве не Христова любовь заставляет нас распространять эту Весть, не смотря на границы? Христова любовь отличается от из-

пытка и рвения собственного сердца тем, что прочно святаіа с поручением. Не из-за нашей - сколь угодно большой - любви к нашим соплеменникам или к язычникам и других странах мы несем им спасение Евангелия, а по поручению Бога, которое Он дал, отправляя с миссией. Только поручение указывает нам место, к которому относится обетование. Если бы Христос не захотел, чтобы я в юм или ином месте проповедовал Евангелие, то я должен отказаться от всего и не отступаться от слова и воли Христа. Так апостолы оказываются привязаны к слову, к поручению. Апостолы могут находиться лишь там же, где и слово Христа, где и поручение. "На путь к язычникам не ходите и в город Самарянский не входите: а идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева".

Мы, бывшие из числа язычников, когда-то были отстранены от Вести. Сначала должен был Израиль услышать и отвергнуть Весть Христа, чтобы она пришла к язычникам и чтобы по поручению Иисуса Христа создавалась община язычников-христиан. К этой миссии приказ дан лишь после воскресения. Так границы поручения, которых не могли понять ученики, стали милостью для язычников, услышавших Весть Распятого и Воскресшего. Вот путь и мудрость Бога. Нам остается только поручение.

"Ходя же проповедуйте, что приблизилось Царство Небесное; больных исцеляйте, прокаженных очищайте, мертвых воскрешайте, бесов изгоняйте: даром получили, даром давайте" (Мф. 10, 7-8). - Проповедь и деятельность вестников те же самые, что и у Иисуса Христа. Они стали причастны его власти. В приказе Иисуса — возвешение близости Царства Небесного и знаки, подтверждающие эту весть. Иисус приказывает исцелять больных, очищать прокаженных, воскрешать мертвых, изгонять бесов! Возвешение становится событием, а событие подтверждает возвешение. Царство Бога, Иисус Христос, прощение грехов, оправдание грешников верой — всё это ничто иное, как разрушение власти дьявола, исцеление, воскрешение мертвых. Будучи словом всевластного Бога, оно есть деяние, событие, чудо. *Единый* Иисус Христос идет в своих двенадцати вестниках по стране и творит свое дело. Царская милость, которой наделены ученики, — это творящее и освобождающее слово Бога.

"Не берите с собою ни золота, ни серебра, ни меди в поясы свои, ни сумы на дорогу, ни двух одежд, ни обуви,

ни посоха. Ибо трудящийся достоин пропитания" (Мф. 10, 9—10). — Раз поручение и сила вестников заключаются только в слове Иисуса, то пусть в вестниках Иисуса не будет заметно ничего, что могло бы сделать царственность их миссии неясной или недостоверной. Пусть о Царстве своего Господа вестники свидетельствуют в царской бедности. Полученное ими от Иисуса — это не их собственность, на которую они могут приобретать другие блага. "Даром вы получили". Быть вестником Иисуса отнюдь не означает обладать какими-то личными правами, притязаниями на почести или власть. А если вольный вестник Иисуса стал священником по должности, то дело обстоит точно так же. Ни права образованного человека, ни социальные притязания данного сословия ничего не значат для того, кто стал вестником Иисуса. "Даром вы получили"! Разве не призыв Иисуса незаслуженно отправил нас на служение Ему? "Даром давайте"! Пусть станет ясно, что при всем богатстве, которое у вас есть для раздачи, вы ничего не хотите для себя — не только имущества, но и уважения, признания, даже благодарности! Да и откуда у вас возьмется такое притязание? Всё, что досталось бы нам как почесть, мы похищаем у ее настоящего Владельца, у пославшего нас Господа. Если Марк и Лука, перечисляя, что ученикам запрещено и что разрешено взять с собой, в чем-то расходятся с Матфеем, то из этого нельзя сделать никаких выводов. Тем, кто отправляется с полномочиями его слова, Иисус предписывает бедность. Очень важно понять, что здесь речь о *заповеди* Иисуса. Имущественное положение учеников регламентировано до мелочей. Не попрошайки, не в бросающихся в глаза лохмотьях, не на хлебники в тягость другим. Они должны шагать в служебной одежде бедности. С собой у них пусть будет столь же мало, как у путника, твердо уверенного, что вечером найдет у друзей дом, где ему дадут приют и накормят. Но так полагаться они должны не на людей, а на Того, кто их послал, и на Небесного Отца, который о них позаботится. Тогда они сделают достоверной разносимую ими весть: настало господство Бога на земле. С той же свободой, с какой они служат Богу, пусть принимают кров и угощение — не как подачку нищему, а как пропитание, которого достоин работник. "Работниками" называет Иисус своих вестников. Лень, разумеется, не достойна пропитания. Но что это за работа, если не борьба с

штствием сатаны, не борьба за сердца людей, не отказ от собственной славы, от благ и радостей мира — ради служения бедным, угнетенным и несчастным? Сам Бог знал усталость и работу ради людей (Ис. 43, 24), душа Иисуса и рудилась до крестной смерти ради нашего спасения (Ис. 53, 11). В этой работе и участвуют вестники — в возвещении, в одолении сатаны, в заступительной молитве. Кто не признает этой работы, тот ничего не понял в служении верного вестника Иисуса. Не стыдятся могут они получать ежедневную плату за труд, но не стыдятся же должны оставаться бедными ради своего служения.

«В какой бы город или селение ни вошли вы, наведы-пайтесь, кто в нем достоин, и там оставайтесь, пока не иййдете; а входя в дом, приветствуйте его, говоря: "мир лому сему"; и если дом будет достоин, то мир ваш придет на него; если же не будет достоин, то мир ваш к вам возвратится. А если кто не примет вас и не послушает слов наших, то, выходя из дома или из города того, оттрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому» (Мф. 10, 11—15). — Работа в общине начнется с номов, "которые достойны" дать приют вестникам Иисуса. У Бога везде есть молящиеся и ждущие общины. Там смиренно и охотно примут учеников во имя их Господа. Там их работе помогут молитвой, там — то малое стадо, которое представляет всю общину. Чтобы предотвратить раздоры в общине, ложную требовательность или уступчивость учеников, Иисус приказывает апостолам, пока они в этом месте, оставаться в одном доме. Вступив в дом и город, ученики немедленно берутся за дело. Времени мало, и оно дорого. Еще многие ждут Вести. И первое же приветствие, каким они, как и их Господь, приветствуют дом: "мир этому дому!" (Лк. 10, 5), — это не пустая формула, оно сразу приносит силу Божьего мира тем, "кто этого достоин". Сообщение вестников коротко и ясно. Они общаются о наступлении Царства Божьего, призывают обратиться и верить. Они приходят с полномочиями Иисуса из Назарета. Приказ исполняется и предложение делается по самой высокой доверенности. Вот все и произошло. Раз все крайне просто и ясно и раз дело не терпит отлагательств, значит, не требуется лишних приготовлений, дискуссий, уговоров. Царь у дверей, в любой миг Он может войти: хотите ли\* вы подчиниться и смиренно Его

принять или хотите, чтобы Он в гневе вас уничтожил и убил? Желаящий слышать уже всё услышал, и он не станет задерживать вестника - ведь тому надо в следующий город. А для не желающего слышать время милости уже миновало, он сам себе изрек приговор. "Ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердца ваших" (Евр. 4, 7). Это проповедь Евангелия. Может быть, эта спешка немилосердна? Самое немилосердное — обманывать людей, будто у них еще есть время для обращения. Самое милосердное, самая радостная весть — в том, что время не терпит, что Царство совсем рядом. Вестник не может ждать, пока это будет повторено каждому много раз и на его собственном языке. Язык Бога достаточно ясен. И не от вестника зависит, кто услышит и кто нет. Лишь Бог знает тех, "кто достоин". А они услышат слово, как оно будет сказано учениками. Но горе городу и дому, где не примут вестника Иисуса! Их ждет ужасный суд. Содом и Гоморра, города разврата и разложения, дождутся более милостивого приговора, чем отвергшие слово Иисуса города Израиля. Пороки и грехи могут быть прощены словом Иисуса, но нет спасения тому, кто отвергает само спасительное слово. Нет греха тяжелее, чем не верить Евангелию. И в таком случае вестникам ничего не останется кроме как покинуть это место. Они уходят, ибо здесь не может остаться слово. Страшась и изумляясь, узнают они сразу и силу и слабость божественного слова. Раз ученики не в силах и не вправе принуждать к чему-нибудь вопреки слову и помимо слова, раз нет речи о фанатичном внедрении великой идеи или "правого дела", то они остаются только там, где остается и слово Бога. Если отвергнуто оно, то и они хотят быть отвергнуты. И они отрясают прах со своих ног в знак проклятия, которое поразит это место и к которому они непричастны. А мир, принесенный ими этому месту, к ним и вернется. "В этом утешение служителям Церкви, полагающим, будто ничего не добиваются. Не обижайтесь; то, чего не хотят другие, для вас самих станет тем большим благословением. Так им и говорит Господь: Те пренебрегли, так сохраните для себя" (Бенгель).

Иот, Я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры, как змии, и просты, как голуби. Остерегайтесь же людей: ибо они будут отдавать вас в судилища и в синагогах своих будут бить вас. И поведут вас к правителям и марям за Меня, для свидетельства пред ними и язычниками. Когда же будут предавать вас, не заботьтесь, как или что сказать; ибо в тот час дано будет вам, что сказать: ибо не вы будете говорить, но Дух Отца вашего будет говорить и вас. Предаст же брат брата на смерть, и отец - сына; и постанут дети на родителей и умертвят их; и будете ненавидимы всеми за имя Мое; претерпевший же до конца шасется. Когда же будут гнать вас в одном городе, беги в другой. Ибо истинно говорю вам: не успеете обойти юродов Израилевых, как придет Сын Человеческий. Ученик не выше учителя, и слуга не выше господина своего: довольно для ученика, чтобы он был, как учитель его, и для слуги, чтобы он был, как господин его. Если хозяина дома назвали веельзевулом, не тем ли больше домашних по?" (Мф. 10, 16-25).

Неудачи и враждебность не могут разуверить вестника и том, что он послан Иисусом. В поддержку и утешение Иисус повторяет: "вот, Я посылаю вас"! Не собственный муь и не собственное предприятие, но поручение. Тем самым Господь обещает, что останется со своими вестниками, когда они будут как овцы среди волков: беззащитные, беспомощные, испуганные, в опасности. Ничего, о чем не знал бы Иисус, с ними не случится. "Итак, будьте мудры, как змии, и просты, как голуби". Как часто служители Иисуса злоупотребляли этими словами! Как трудно даже и ревностному вестнику Иисуса верно их понять, не нарушив послушания! Кто способен всегда отличать духовную мудрость от мирской хитрости? Как легко, как охотно мы отказываемся от всякой "мудрости" и стремимся к одной голубиной простоте, именно так и впадаем и непослушание. Кто нам скажет, когда мы избегаем страдания от страха и когда ищем его из удалства? Кто укажет нам проведенные здесь тайно границы? Когда мы против мудрости ссылаемся на простоту и когда против простоты — на мудрость, непослушание одинаково. Раз ни одно человеческое сердце в этом отношении, хорошо в себе не разбирается и раз Иисус всегда зовет учеников не

к неясности, а к высшей ясности, то и это напоминание Иисуса не может звать учеников ни к чему иному, кроме как оставаться со словом. Где слово, там пусть будет и ученик, вот его настоящая мудрость и настоящая простота. Придется ли явно отвергнутому слову отступить, пусть вместе со словом отступит и ученик; начнет слово прямое сражение — тогда и ученик тоже. В обоих случаях он поведет себя одновременно мудро и просто. Но пусть никогда не толкнет "мудрость" ученика на путь, неправый перед словом Иисуса. Пусть не оправдывает он "духовной мудростью" путь, не соответствующий слову. Мудрости его научит лишь истина слова. Но никогда не бывает "мудро" упразднение наималейшей части истины ради каких-то человеческих надежд или видов. Что именно мудро, может показать не наша оценка положения, а только истина Бога. Мудрым может быть лишь одно: оставаться с истиной Бога. Лишь здесь есть надежда и обещание верности и помощи Бога. И во всякое время подтвердится, что и сейчас и тогда "самое мудрое" для учеников — это просто оставаться только со словом Бога.

От слова получают ученики и верное познание людей. "Остерегайтесь людей". Не страх перед людьми, не дурная подозрительность и, конечно же, — не человеконенавистничество, но и не легкомысленная доверчивость, не вера в доброту каждого человека; нет, верное понимание отношения человека к слову и слова к человеку — вот что должны выказать ученики. Если они выкажут эту трезвость, то смогут вынести и то, что им предсказывает Иисус, говоря, что их путь среди людей будет путем страданий. Но страданиям учеников присуща чудесная сила. Если преступник терпит наказание скрыто от людей, то учеников путь страдания поведет к правителям и царям, "за Меня, для свидетельства пред ними и язычниками". Весть распространяется страданием. Раз таков замысел Бога и воля Иисуса, то в час ответа перед судами и тронами ученикам будет дана сила на верное исповедание, на бесстрашное свидетельство. Им поможет сам Святой Дух. Он сделает их непобедимыми. Он даст им "премудрость, которой не возмогут противоречить, ни противостоять все противящиеся вам" (Лк. 21, 15). Раз ученики, страдая, остаются со словом, то и слово останется с ними. Самовольному мученичеству таких обещаний не дано. А им верно обещано страдание вместе со словом.

Ненависть к словам Иисусова вестника продлится до самого конца. Она обвиняет учеников во всех расколах, которые постигнут города и дома. Все осудят Иисуса и его учеников как разрушителей семьи, соблазнительей народа, безумных бунтарей и фанатиков. И тогда искушение отпасть подступит к ученикам вплотную. Но близок и конец. Важно до конца остаться верным, выдержать, не отступить. Благословен будет лишь тот, кто до конца останется с Иисусом и его словом. Но когда придет конец, когда вражда против Иисуса и его учеников станет явной во всем мире, тогда, лишь тогда получают вестники право бежать из одного города в другой, чтобы еще успеть сказать слово там, где его еще услышат. И в этом бегстве они не оторвутся от слова, но неколебимо останутся с ним.

Обещание Иисуса о скором пришествии сохранено для нас общиной в вере в то, что обещание это истинно. Исполнение его облечено мраком, и нехорошо искать здесь человеческий выход. Но ясно — и единственно нам сегодня важно — одно: возвращение Иисуса близко, и оно достовернее, чем мысль, будто мы успеем завершить работу в служении Ему, достоверней, чем наша смерть. Во всем этом не может быть для вестников Иисуса большего утешения, чем уверенность, что, страдая, они уподобляются своему Господу. Как учитель, так и ученик, как хозяин, так и слуга. Если Иисуса называют дьяволом, то не тем ли более служителей его дома. Поэтому Иисус будет с ними, и они во всем будут подобны Христу.

#### РЕШЕНИЕ

"Итак не бойтесь их; ибо нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, что не было бы узно. Что говорю вам в темноте, говорите при свете; и что на ухо слышите, проповедуйте на кровлях. И не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить; а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне. Не две ли малые птицы продаются за ассарий? и ни одна из них не упадет на землю без воли Отца вашего; у вас же и волосы па голове все сочтены; не бойтесь же: вы лучше многих малых птиц. Итак всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным; а кто отречется от Меня пред людьми, отрекусь от того и Я пред Отцем Моим Небесным. Не думайте, что я



пришел принести мир на землю; не мир пришел Я принести, но меч; ибо Я пришел разделить человека с отцом его и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее. И враги человеку — домашние его. Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня. Сберегший душу свою потеряет ее; а потерявший душу свою ради Меня сбережет ее" (Мф. 10, 26—39).

Вестник остается со словом и слово остается с вестником отныне и вовеки. Трижды ободряет Иисус своих вестников призывом "не бойтесь!". Втайне противостоящее им сегодня не останется скрыто, но откроется перед Богом и людьми. Даже самому тайному их страданию обещано, что когда-нибудь оно выйдет на свет для суда над гонителями и для прославления вестников. Но и свидетельство вестников должно не оставаться в темноте, а быть гласным. Не тайным сектантством, а гласной проповедью должно быть Евангелие. И если сегодня здесь или там ему еще приходится ютиться, то в последние времена проповедь наполнит всю землю — на спасение и на отвержение. Откровение Иоанна пророчесствует: "и увидел я другого Ангела, летящего по середине неба, который имел вечное Евангелие, чтобы благовествовать живущим на земле и всякому племени и колену, и языку и народу" (Откр. 14, 6). Поэтому — "не бойтесь!"

Бояться нужно не людей. Их власть прекращается со смертью тела. Но ученики должны победить страх смерти страхом перед Богом. Опасность для ученика — не суд людей, а суд Бога, не гибель тела, а вечная гибель тела и души. Кто еще боится людей, тот не боится Бога. Кто боится Бога, тот уже не боится людей. Проповеднику Евангелия стоит вспоминать эти слова ежедневно.

Власть, на краткое время данная людям на земле, не стоит вне ведения и воли Бога. Впадая в руки людей, терпя страдание и смерть от человеческого насилия, мы все же уверены, что все исходит от Бога. Он, без чьей воли и ведения и воробей не упадет на землю, не допустит, чтобы с его верными случилось что-нибудь, не служащее ко благу и пользе им самим и делу, за которое они стоят. Мы в руках Бога. Поэтому — "не бойтесь!"

Времени мало. Вечность длинна. Настал час решения. Кто останется со словом и исповеданием, тому в час суда

поможет Иисус Христос. Он его узнает и поможет ему, когда заявит свои права обвинитель. Весь мир будет свидетелем, когда Иисус начнет называть наши имена перед своим Небесным Отцом. Кто в жизни не оставил Иисуса, того не оставит Иисус в вечности. Но кто стыдится Господа и Его имени, кто отрекается от Него, того и Иисус постыдится в час вечности, от того отречется.

Это — последнее — разделение начнется еще на земле. Мир Иисуса Христа — это крест. Но крест — это меч Божий на земле. Он рассекает. Сын против отца, дочь против матери, домочадцы против главы семьи, и всё — из-за Царства Божьего и его мира, вот дело Христа на земле! Удивительно ли, что мир Того, кто принес людям любовь Бога, обвиняет в человеконенавистничестве? Кто еще осмелится так говорить о любви к отцу и матери или к сыну и дочери, как не разрушитель всей жизни — или же: Творец жизни новой? Кто еще может заявлять исключительные притязания на человеческую любовь и жертвы, как не враг человечества — или же: его Спаситель? Кто вносит в дома меч, как не дьявол, князь мира, — или же: Христос, князь любви? Надо хорошо различать любовь Бога к человеку и любовь человека к своему роду. "Потерявший душу свою ради Меня сбережет ее". Обещание это дает Тот, кто властен над смертью, Сын Бога, который идет к кресту и воскресению и берет с собой своих.

### *плод*

"Кто принимает вас, принимает Меня; а кто принимает Меня, принимает Пославшего меня; кто принимает пророка, во имя пророка, получит награду пророка; и кто принимает праведника, во имя праведника, получит награду праведника. И кто напоит одного из малых сих только чашею холодной воды, во имя ученика, истинно говорю вам, не потеряет награды своей" (Мф. 10, 40—42).

Носители слов Иисуса получают последнее обещание о своем деле. Они стали помощниками и соратниками Христа, они во всем должны стать Ему подобны, поэтому и для людей, к которым они идут, они должны стать "как Христос". С ними в принимающий их дом вступает сам Иисус Христос. Они носители его присутствия. Они приносят людям самый драгоценный дар — Иисуса Христа, и с Ним — Бога, Отца, а значит: прощение, спасение,

жизнь, благословение. Вот награда и плод их работы и страдания. Всякая оказанная им услуга оказана самому Иисусу Христу. Это в равной мере милость и для общины, и для вестников. Община тем охотней будет делать вестникам добро, служить им и чтить их, ибо так оказывается гостеприимство самому Господу. Но и ученики пусть знают, что входят в дом не с пустыми руками и не напрасно: они вносят несравненные дары. В Царстве Божьем закон: всякий причастен к тому дару, который охотно принимает как исходящий от Бога. Кто принимает пророка, понимая, что делает, тот станет причастен делу, дару и награде пророка. Принимающий праведника получит награду праведника, ибо стал участником его праведности. А кто одному из ничтожнейших, беднейших, лишенных почетного титула, одному из вестников Иисуса Христа протянет хоть кружку воды, тот служит самому Иисусу Христу и получит награду Иисуса Христа.

Итак, последняя мысль вестников обращена не к собственному пути, страданию, награде, а к цели их труда — к спасению общины.

## II

### ЦЕРКОВЬ ИИСУСА ХРИСТА И ХОЖДЕНИЕ ВСЛЕД

## ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

Среди первых учеников Иисус и его слово присутствовали во плоти. Но тот Иисус умер и воскрес. Как же сегодня доходит до нас его призыв идти вслед? Ведь мимо меня Иисус не проходит во плоти, как шел мимо сборщика налогов Левия, чтобы меня позвать: следуй за Мной! Даже если я от всего сердца хочу услышать призыв всё оставить и пойти вслед, что даст мне право на это? Для них столь однозначное, для меня это крайне сомнительное, никак не проверяемое решение. Как сделать так, чтобы и ко мне относился призыв Иисуса к сборщику налогов? Ведь с другими людьми и в других ситуациях Иисус разговаривал совершенно иначе. Ведь Он же не меньше чем своих учеников, любил и расслабленного, которого исцелил и которому простил грехи, и Лазаря, которого воскресил, и все-таки их Он оставил в доме, в семье, в прежних занятиях. Кто я такой, чтобы вызываться на что-то необычайное, чрезвычайное? Кто скажет мне и другим, что мной движет не своеволие и мечтательство? Ведь иначе никакого хождения вслед не получится!

Все такие вопросы фальшивы; задавая их, мы ставим себя вне живого присутствия Христа. Все такие вопросы не желают считаться с тем фактом, что Иисус Христос не мертв, но и сегодня жив и говорит с нами в свидетельстве Писания. Он рядом с нами сегодня, во плоти, и со своим словом. Захотев услышать его призыв идти вслед, мы должны слушать Его там, где Он сам. Призыв Иисуса

Христа звучит в Церкви — в слове и в таинствах. Проповедь и таинства Церкви — это место присутствия Иисуса Христа. Если хочешь услышать призыв Иисуса, то тебе не нужно для этого личного откровения. Слушай проповедь и принимай таинства! Слушай Евангелие распятого и воскресшего Господа! Он здесь полностью, весь, тот самый, которого встретили ученики. И здесь Он уже Преображенный, Победитель, Живой. В хождение вслед никто кроме Него позвать не может. Но поскольку в хождении всегда, в сущности, идет речь не о выборе того или иного поступка, а о решении за или против Иисуса Христа, то именно поэтому для ученика или для сборщика налогов, которых Он призвал, ситуация была ничуть не однозначней, чем сегодня для нас. Хождение вслед стало послушанием первых призванных лишь потому, что в призывающем они узнали Христа. Тогда, как и сейчас, звал скрытый Христос. Сам по себе призыв неоднозначен. Как он, зависит только от того, кто зовет. А Христос узнается лишь верой. И для тех дело обстояло так же, как для нас. Они видели наставника и чудотворца и верили, что это Христос. Мы слышим слово и верим, что это Христос.

Но, может быть, у первых учеников было то преимущество, что, узнав Христа, они получили и ясную заповедь, то преимущество, что они слышали, что им делать, из его собственных уст, а мы в этом решающем вопросе предоставлены самим себе? Да, Христос тот же самый, но ведь говорит Он с нами иначе, чем с ними. Будь это так, наше положение, конечно, было бы безнадежным. Но это отнюдь не так. С нами Христос говорит не иначе, чем говорил тогда. Да и с первыми учениками не так было, что они сначала в Нем узнавали Христа, а потом уже принимали его заповедь. Напротив, они как раз в его слове и заповеди Его и узнали. Они поверили слову и заповеди и узнали в Нем Христа. У учеников не было узнавания Христа помимо его ясного слова. Поэтому было именно наоборот: верное узнавание в Иисусе Христа сразу же включало в себя и знание его воли. Знание личности Иисуса Христа не отнимает у ученика уверенность в действиях, а создает ее. А иначе узнать Христа вообще нельзя. Раз Христос — живой Господь моей жизни, как я узнаю, встречаясь с Ним в его слове ко мне, то, значит, помимо его ясного слова и заповеди я не узнал бы Его по-настоящему. Возражение, будто в том-то и наша беда, что уз-

нать Христа и верить в Него мы очень хотим, но волю его все же узнать не можем, выдает туманное, неподлинное знание Христа. Узнать Христа — значит в его слове узнать Его как Господа и Спасителя моей жизни. А это подразумевает знание его ясного слова ко мне.

Скажи мы наконец, что заповедь ученикам была однозначной, а нам, мол, надо самим решать, какое именно слово нас касается, то, значит, мы снова не поняли ни положения учеников, ни нашего собственного. Цель заповеди Иисуса всегда была одна: она требовала чистосердечной веры и любви от всего сердца и души к Богу и к ближнему. Лишь в этом заповедь и была однозначна. Всякая попытка исполнить заповедь Иисуса, толкуя ее как-то иначе, опять-таки станет искажением и непослушанием слову Иисуса. С другой стороны, знание конкретной заповеди у нас не отнято. Напротив, она ясно звучит во всяком слове проповеди, в котором мы слышим Христа, но при этом мы обязаны помнить, что исполняется эта конкретная заповедь только в вере в Иисуса Христа. Поэтому дар Иисуса ученикам целиком сохранен и для нас, только став еще ближе после смерти Иисуса, его Прославления и ниспослания Святого Духа.

Из этого должно стать ясно, что мы уже не можем противопоставлять рассказы о призыве учеников другим рассказам Евангелия. Речь всегда не о том, чтобы мы уподоблялись ученикам или другим персонажам Нового Завета, но лишь о тождественности и самого Иисуса Христа и его призыва тогда и сейчас. А слово его одинаково, сказано ли оно в его земной жизни или сейчас, ученикам или расслабленному. Сегодня, как и тогда, его слово — милостивый призыв в его Царство и господство. Вопрос, могу ли я сравниться с учеником или с расслабленным, ошибочен и почти вреден. Я не должен уподобляться ни тому, ни другому. Нет, я должен только слушать и исполнять слово и волю Христа, как я их слышу в обоих свидетельствах. Писание не изображает нам ряд типов христианина, один из которых мы должны выбрать себе в образец, а каждым своим местом проповедует нам единого Иисуса Христа. Только Его должен я слушать. Он повсюду и всегда — Тот же и Единый.

И значит, на вопрос, где нам сегодня услышать призыв Иисуса в хождение вслед, ответ лишь один: слушай проповедь, принимай таинства, слушай в них Его самого и услышишь его призыв!

## КРЕЩЕНИЕ

Понятием хождения вслед можно почти целиком выразить содержание и объем отношений учеников к Иисусу Христу в синоптических Евангелиях, но у Павла оно отступает далеко на задний план. Павел, в первую очередь, возвещает нам не историю Господа в его земные дни, а присутствие Воскресшего и Прославленного и его действие на нас. Поэтому ему нужна собственная, новая система понятий. В начале этой системы — “особенное” ее предмета, в итоге — “общее” вести о едином Господе, который жил, умер и воскрес. Полноте свидетельства о Христе соответствует многообразие понятий. Поэтому система понятий Павла подтверждает систему синоптиков и наоборот, и ни у одной из них нет перед другой преимущества, ибо мы не “Павловы, или Аполлосовы, или Кифины, или Христовы”: нам дарит веру единое свидетельство Писания о Христе. Мы подрываем единство Писания, когда говорим, что Павел возвещает Христа, присутствующего среди нас и сегодня, а, мол, свидетельство синоптиков сообщает о присутствии Христа, нам уже неизвестном. Хотя и считается, что это и есть исторически-реформаторский подход, но на самом деле он прямо противоположен исторически-реформаторскому мышлению, поскольку является опаснейшим мечтательством. Откуда мы знаем, что еще и сегодня у нас есть присутствие Христа, возвещаемое Павлом? Откуда, если не из самого Писания? Неужели и здесь можно говорить о каком-то не зависящем от Слова познании присутствия и действитель-

ности Христа? Но раз только Писание удостоверяет присутствие Христа, то делает оно это именно как целое и, значит, как удостоверяющее нам присутствие синоптического Иисуса Христа. Христос синоптиков от нас не дальше и не ближе, чем Христос Павла. Среди нас присутствует тот Христос, о котором свидетельствует все Писание целиком. Он, вочеловечившийся, распятый, воскресший, прославленный, встречает нас в своем слове. Различие понятий, которыми синоптики и Павел передают это свидетельство, не причиняет его единству никакого ущерба<sup>1</sup>.

Призыву и вступлению в хождение вслед у Павла соответствует *крещение*.

Крещение предлагают не люди, а *Иисус Христос*. Его основа — только в милостивой призывающей воле Иисуса. Креститься — значит подвергнуться крещению, подвергнуться призыву креста. В крещении человек становится собственностью Христа. Имя Иисуса Христа произносится над крещаемым, тем самым этому имени человек становится причастен, он крестится “в Иисуса Христа” (eis — Рим. 6, 3; Гал. 3, 27; Мф. 28, 19). Теперь он принадлежит Иисусу Христу. Он вырван из-под власти мира и стал собственностью Христа.

Поэтому крещение означает *разрыв*. Христос посягает на власть сатаны и накладывает руку на своих, создает свою общину. Так будущее отрывается от прошлого. Старое прошло, теперь все новое. Разрыв происходит не от того, что человек сам рвет свои цепи, отчаянно тоскуя по новому, свободному устройству своей жизни и вообще мира. Этот разрыв уже давно совершил сам Христос. Просто в крещении действие этого разрыва распространяется еще и на мою жизнь. У меня огня теперь непосредственность отношения к условиям мира, ибо Христос, Посредник и Господь, встал между ними и мной. Кто крещен — уже не принадлежит, не служит, не подчиняется миру. Он принадлежит только Христу и вступает с миром в отношения только через посредничество Христа.

Разрыв с миром — полный. Нужна *смерть* человека, и она настает<sup>2</sup>. Человек и его прежний мир умирают в крещении. И эту смерть нужно в самом буквальном смысле понимать как событие страдательное. Пусть человек не пускается в тщетные попытки самому осуществить эту смерть всякого рода отказами и отречениями. Такой смерти никогда не стать той смертью прежнего человека,

которой требует Христос. Ветхий человек не может убить себя сам. Он не может хотеть своей смерти. Человек умирает только в Христе, из-за Христа, с Христом. Его смерть — Христос. Ради общности с Христом и только в ней умирает человек. В милости крещения он принимает и общность с Христом и свою смерть<sup>3</sup>. Эта смерть — милость, недоступная собственным силам человека. Хотя в человеке и творится суд над человеком ветхим и его грехами, но из этого суда возникает человек новый, умерший для мира и греха. Поэтому такая смерть — это не окончательное гневное отвержение, а милостивое принятие твари Творцом. Крещальная смерть — смерть милостивая, снисканная для нас смертью Христа. Это смерть благодаря кресту Христову и в общности с ним. Ставший собственностью Христа должен встать под его крест. Он должен с Ним страдать и умереть. Получивший общность с Иисусом Христом должен умереть милостивой смертью крещения. В этом — крест Христов, под который Иисус ставит идущих Ему вслед. Крест и смерть Христа были трудны и тяжки, иго нашего креста хорошо и легко из-за общности с Ним. Крест Христов — наша однократная милостивая смерть в крещении; наш крест, к которому мы призваны, — ежедневное умирание в силу однажды совершившейся смерти Христа. Поэтому крещение становится принятием крестной общности с Иисусом Христом (Рим. 6, 3 сл.; Кол. 2, 12). Верующий идет под крест Христов.

Смерть в крещении — *оправдание от грехов*. Чтобы освободиться от своего греха, грешник должен умереть. Умерший оправдан от грехов (Рим. 6, 7; Кол. 2, 20). На мертвых у греха прав уже нет, его требования погашены и утратили силу. Итак, оправдание от (аро) греха происходит только из-за смерти. Простить грехи — значит не закрывать глаза и забыть, а действительно убить грешника и отделиться от (аро) греха. Но итогом смерти грешника оказывается оправдание, а не проклятие исключительно потому, что терпится эта смерть в общности со смертью Христа. Крещение в Христову смерть творит прощение грехов и оправдание, творит полный отрыв от греха. Общность креста, в которую Иисус позвал учеников, — это дар оправдания, дар смерти и прощения грехов. Идущий вслед в общности Иисусова креста ученик получает совершенно тот же дар, что и верующий, по учению Павла принявший крещение.

При всей пассивности, в которую крещение ввергает человека, в нем все же нельзя видеть механический процесс — это вполне ясно из связи *крещения и Духа* (Мф. 3, 11; Деян. 10, 47; Ио. 3, 5; 1 Кор. 6, 11–13). Дар крещения — это Святой Дух. Но Святой Дух — это сам Христос, обитающий в сердце верующего (2 Кор. 3, 17; Рим. 8, 9–11, 14 сл.; Еф. 3, 16 сл.). Крещенные суть дом, в котором обитает (oikei) Святой Дух. Святой Дух дарит нам постоянное присутствие Христа и общность с Ним. Он дает нам верное знание его сущности (1 Кор. 2, 10) и его воли. Он учит нас и напоминает обо всем, что нам сказал Христос (Ио. 14, 26), Он ведет нас во всякую истину (Ио. 16, 13), чтобы у нас не было недостатка в знании Христа, чтобы мы знали дарованное нам Богом (1 Кор. 2, 12; Еф. 1, 9). Вместо неуверенности Святой Дух творит в нас уверенность и ясность. Потому мы и можем ходить в Духе (Гал. 5, 16, 18, 25; Рим. 8, 1, 4) и делать уверенные шаги. Ту меру уверенности, какая была у учеников Иисуса в земной общности с Ним, Иисус не отнял у них и потом. Святой Дух, посланный в сердца крещенных, не только сберег им уверенность в знании Христа, но даже усилил и укрепил ее теснотой общности (Рим. 8, 16; Ио. 16, 12 сл.).

Зовя идти вслед, Иисус требовал *зримого акта послушания*. Идти вслед Иисусу было гласным поступком. Именно поэтому и крещение есть гласное событие; ибо в нем осуществляется вступление в видимую общину Иисуса Христа (Гал. 3, 27 сл.; 1 Кор. 12, 13). Осуществленный в Христе разрыв с миром уже не может остаться скрыт, он должен выйти наружу участием в богослужении и в общественной жизни. Христианин, вступая в общину, делает шаг прочь из мира, работы, семьи, он зримо вступает в общность с Иисусом Христом. Делает он этот шаг в одиночку. Но он обретает потерянное: братьев, сестер, дома, поля. Крещенный живет в видимой общине Иисуса Христа. Смысл и следствия этого будут показаны в двух следующих разделах: “Тело Христово” и “Видимая община”.

Крещение и его дары суть нечто *однократное*. Крещением Христовым никто не может быть крещен дважды<sup>4</sup>. Неповторимость и единственность этого милостивого Божьего деяния возведена в том загадочном месте Послания к евреям, где отрицается возможность второго покаяния для крещенных и обрезанных (Евр. 6, 4 сл.). Крещенный получил часть в смерти Христа. В этой смерти он

принял свой смертный приговор и умер. Как Христос умер однажды и навсегда (Рим. 6, 10) и как невозможно повторение его жертвы, так однажды и навсегда претерпевает с Христом свою смерть крещеный. Теперь он мертв. Ежедневное умирание христианина — лишь следствие той единственной крещальной смерти, как умирает дерево с подрезанным корнем. И впредь о крещеном верны слова: “Почитайте себя мертвыми для греха” (Рим. 6, 11). Отныне крещеные считают себя умершими, считают себя теми, для спасения кого всё уже совершилось. Крещеный жив памятью веры в совершенное для нас милостивое деяние Христовой смерти, но не реальным повторением милостивого деяния этой смерти, которое надо было бы всякий раз совершать заново. Он жив однократную смерть Христа в своем крещении.

Строгая однократность крещения бросает важный свет на крещение детей<sup>5</sup>. Не ставится под сомнение, настоящее ли крещение — крещение детей, но напротив: именно потому, что крещение детей есть настоящее, неповторимое, однократное крещение, его осуществлению надо поставить определенные границы. Хотя, конечно же, тот факт, что во втором и третьем веке верующие христиане крестились в старости и чуть не на смертном одре, не говорит о здоровой общинной жизни, но все-таки здесь видно то ясное понимание смысла крещальной милости, которое мы давно утратили. А для крещения детей из этого следует, что совершаться оно может лишь там, где можно обеспечить память веры в однажды и навсегда совершенное спасительное деяние, то есть только в живой общине. Крещение детей без и вне общины — это не только злоупотребление таинством, но одновременно и недостойное легкомыслие по отношению к спасению детской души; ибо крещение неповторимо.

Точно так же и призыв Иисуса имел для призванных однократное и неповторимое значение. Пошедший вслед за Ним умирал для своего прошлого. Потому Иисус и требовал от учеников оставить все, что они имели. Ясной должна была стать и неотменимость решения и одновременно полнота дара, полученного ими от Господа. “Если же соль потеряет силу, то чем сделаешь ее соленою?” Нельзя яснее и резче выразить однократность дара Иисуса. Он отнял у них жизнь, но и приготовил им жизнь — целостную, полную, и подарил им свой крест. Таков был дар крещения первым ученикам.

### Примечания

- <sup>1</sup> Смешение онтологических высказываний со свидетельствами Вести — вот сущность всякого экзальтированного мечтательства. Онтологически понятный тезис “Христос воскрес и присутствует” есть отрицание единства Писания. Ведь понятый так, он содержит высказывание о характере существования Иисуса Христа отличным от, например, синоптического. Тезис “Иисус воскрес и присутствует” превращается в самостоятельный тезис с собственным онтологическим смыслом и может быть критически обращен против иных онтологических высказываний. Он превращается в богословский принцип. Точно таким же образом из неверного, онтологического, понимания слов Писания о святости вырастают и всякий экзальтированный перфекционизм. Тогда, например, слова, что всякий, пребывающий в Боге, не согрешает, становятся исходным онтологическим пунктом мышления; высказывание вырвано из Писания и произведено в ранг самостоятельной, познаваемой истины. Характер возвещающих свидетельств абсолютно противоположный. Тезис “Христос воскрес и присутствует”, понятый строго как свидетельство Писания, только как слово Писания и истинен. Этому слову я верю. К этой истине для меня немислим никакой иной доступ кроме как через слово Писания. Но его словом мне равно засвидетельствовано присутствие как Христа сочинений Павла, так и Христа синоптиков, поэтому близость к одному и к другому определяется только этим словом, только свидетельством Писания. Это не значит, что свидетельство Павла не отличается от синоптического как темой, так и понятиями; просто оба они понимаются непременно во взаимосвязи всего Писания.
- <sup>2</sup> Уже Иисус называл свою смерть крещением и предвещал это “крещение смертью” ученикам (Мк. 10, 39; Лк. 12, 50).
- <sup>3</sup> Шлаттер приводит также 1 Кор. 15, 29 к теме крещения мученичеством.
- <sup>4</sup> Иоанново крещение, разумеется, должно было быть обновлено Христовым (Деян. 19, 5).
- <sup>5</sup> К известным местам, относящим, судя по всему, крещение детей уже к новозаветной эпохе, можно, вероятно, добавить и 1 Ио. 2, 12 сл. Повторенный ряд: дети, отцы, юноши, — позволяет допустить, что *teknia* в ст. 12 — это обозначение не общины в целом, а действительно детей.

Первые ученики жили в телесном присутствии Христа и в общности с Ним. Что это значит и как продолжается эта общность для нас? Крещением мы стали членами тела Христова, говорит Павел. Эти слова, для нас столь непонятные и недоступные, нуждаются в основательном разъяснении.

Из этих слов следует, что и после смерти и воскресения Господа крещенные могут жить в телесном присутствии Иисуса и общности с Ним. Вознесение Иисуса для его верных означало не утрату, а, напротив, новый дар. У первых учеников в телесном присутствии Иисуса не могло быть иного или большего, чем есть сегодня у нас, и наша общность даже прочнее, полнее, увереннее, чем у них. Мы живем в полной общности с телесным присутствием прославленного Господа. Величину этого дара наша вера должна сознать. Тело Иисуса Христа — основа и достоверность нашей веры, тело Иисуса Христа — единый и совершенный дар, в котором мы стали причастны спасению, тело Иисуса Христа — наша новая жизнь. В теле Иисуса Христа мы приняты Богом в вечность.

После падения Адама Бог посылал в грешное человечество свое *слово*, чтобы искать и *принимать* людей. Слово Бога живет среди нас затем, чтобы снова принять потерянное человечество. Слово Бога пришло как обещание, пришло как Закон. Ради нас оно стало слабо и ничтожно. Но люди изгнали слово и не дали себя принять.

Они приносили жертвы, они творили дела, чтобы вручить их Богу вместо себя самих, но самих себя они тем самым у Бога выкупали.

Тогда случилось самое чудесное чудо. Сын Бога стал человеком. Слово стало плотью. Тот, кто от века пребывал в славе Отца, кто был образом Бога, кто в начале был посредником сотворения мира, так что только через Него и в Нем может быть познан сотворенный мир (1 Кор. 8, 6; 2 Кор. 8, 9; Фил. 2, 6 сл.; Еф. 1, 4; Кол. 1, 16; Ио. 1, 1 сл.; Евр. 1, 1 сл.), — Он принимает человечество и приходит на землю. Он принимает человечество, принимая человеческую “природу”, “греховную плоть”, человеческий образ (Рим. 8, 3; Гал. 4, 4; Фил. 2, 6 сл.). Бог принимает человечество уже не только в слове проповеди, но и в теле Иисуса. Бог по состраданию посылает своего Сына в плоть, чтобы Тот вместе с плотью взял и понес само человечество. Сын Бога воплощенно принимает все человечество, которое в ненависти к Богу, в гордости плоти отвергло слово бесплотное и невидимое. Теперь по божественному состраданию это человечество в теле Иисуса Христа воплощенно и истинно принято таким, какое оно есть.

Размышляя об этом чуде, отцы Церкви горячо доказывали, что здесь надо говорить о принятии Богом человеческой природы, а не об избрании отдельного совершенного человека для соединения с ним. Бог стал человеком. Это значит: Бог принял всю больную, грешную человеческую природу, Бог воспринял все падшее человечество; а не: Бог воспринял человека Иисуса. От ясности в этом вопросе зависит верное понимание всей спасительной вести. Тело Иисуса Христа, в котором мы, вместе со всем человечеством, приняты Богом, есть основа нашего спасения.

Плоть, которую Он понес, греховна — и все же без греха (2 Кор. 5, 21; Евр. 4, 15). Где его человеческое тело, там принятие всякой плоти. Воистину, “Он взял на Себя наши немощи и понес болезни” — потому и мог Иисус исцелять немощи и болезни человеческой природы, что понес наши немощи и болезни в своем теле (Мф. 8, 15–17). “Он изъязвлен был за грехи наши и мучим за беззакония наши”. Он понес наши грехи — и потому мог грехи прощать, что в его теле была “принята” наша греховная плоть. Потому принимал Иисус грешников (Лк. 15, 2),



что Он принял их в своей плоти. С Иисусом настало “лето Господне благоприятное (dekton)” (Лк. 4, 19).

Таким образом, вочеловечившийся Сын Божий был и Он сам и новое человечество. Все, что Он делал, Он делал и за новое человечество, которое понес в своем теле. Поэтому Он второй Адам, “последний” Адам (1 Кор. 15, 45). И в Адаме были едины отдельный человек и все человечество. И Адам нес в себе все человечество. В нем пало все человечество, в “Адаме” (человеке) пал Человек (Рим. 5, 19). Христос — второй человек (1 Кор. 15, 47), в котором сотворено новое человечество. Он — “новый человек”.

Лишь помня все это, можем мы понять смысл дарованной ученикам телесной общности с Иисусом. Вочеловечение делает необходимой воплощенность связи учеников в хождении вслед. Пророку или учителю идущие вслед ни к чему, ему нужны слушатели и сторонники. А вочеловечившемуся Сыну Бога, вошедшему в человеческую плоть, нужна община идущих вслед, которая была бы причастна не только его учению, но и его телу. У идущих вслед есть общность с телом Иисуса. В телесной общности с Иисусом они живут и страдают. Общность с телом Иисуса возлагает на них крест. Ибо в Его теле все они понесены и приняты.

Земное тело Иисуса было распято и умерло. В его смерти сораспято и вместе с Ним умерло новое человечество. Раз Христос принял не человека, но человеческий “образ”, греховную плоть, человеческую “природу”, то с Ним страдает и умирает все, что Он понес. Немощи и болезни всех нас — вот что Он возносит на крест; мы — это те, кто с Ним распят и умирает. Хотя земное тело Христа умирает, но оно восстает от смерти как тело нетленное и прославленное. Это то же самое тело — могила была пуста! — и все же это тело новое. Поэтому человечество, с которым Он умер, Он пронесит с собой в воскресение. Поэтому уже в прославленном теле Он несет воспринятое на земле человечество.

Как же мы приобретаем живую часть в теле Христа, все это для нас совершившем? Ибо несомненно, что нет общности с Иисусом Христом помимо общности с его телом, в котором мы и приняты, в котором и заключено наше спасение! Причастны общности с телом Христа мы становимся в двух таинствах тела Христова: в крещении и причастии. Как явное их предзнаменование у евангели-

ста Иоанна из распятого тела Христа истекают стихии обоих таинств: вода и кровь (Ио. 19, 34—35). Павел подтверждает его свидетельство, неразрывно связывая членство в теле Христа с обоими таинствами<sup>1</sup>. И цель и источник таинств — тело Христа. Таинства есть лишь потому, что есть тело Христово. Нашу общность с телом Иисуса Христа осуществляет не одно только слово проповеди: необходимо таинство. Крещение есть вступление в единство тела Христова; причастие — сохранение общности (κοινωνία) в теле. Крещение делает нас членами тела Христова. Мы крещены “во Христе” (Гал. 3, 27; Рим. 6, 3), мы “крестились в одно тело” (1 Кор. 12, 13). Поэтому нам в крещальной смерти Святой Дух дает то, что Христос в своем теле приобрел для всех. Общность с телом Иисуса, которую мы получаем, как ее получили первые ученики и идущие вслед, означает, что теперь мы “с Христом”, “в Христе” и что “Христос в нас”. Ясный смысл эти выражения получают от верного понимания того, что значит тело Христово.

Правда, “с Христом” — все люди, просто в силу вочеловечения. Ведь Иисус несет всю человеческую природу. Потому его жизнь, смерть и воскресение — реальное событие в жизни всех людей (Рим. 5, 18 сл.; 1 Кор. 15, 22; 2 Кор. 5, 14). Но христиане “с Христом” — в особенном смысле. Что для остальных смерть, для них — милость. В крещении им обещано, что как они “умерли со Христом” (Рим. 6, 8; Кол. 2, 20), “распять с Ним” (Рим. 6, 6), “погреблись с Ним” (Рим. 6, 4; Кол. 2, 12), “соединены с Ним подобием смерти его” (Рим. 6, 5), так именно поэтому и жить будут с Ним (Рим. 6, 8; Еф. 2, 5; Кол. 2, 12; 2 Тим. 2, 11; 2 Кор. 7, 3). “Мы с Христом” — основание этого в том, что Христос — Еммануил, “С-нами-Бог”. Быть с Христом — милость лишь для того, кто узнал Христа так. Он “крещен в Христа” (eis), в общность его страдания. Поэтому сам он становится членом этого тела, а община крещеных — единым телом, которое и есть собственное тело Христа. Поэтому они “во Христе” (en), а “Христос в них”. Они уже не “под законом” (Рим. 2, 12; 3, 19), не “во плоти” (Рим. 7, 5; 8, 3, 8, 9; 2 Кор. 10, 3), не “в Адаме” (1 Кор. 15, 22), — отныне во всем своем существовании, во всех проявлениях жизни они “во Христе”.

В почти неистощимой полноте взаимосвязей умеет Павел выражать чудо вочеловечения Христа. Все сказанное

можно подытожить так: Христос “за нас” и “для нас” не только в слове и убеждениях, но и своей телесной жизнью. Он в своем теле стоит там, где должны были стоять перед Богом мы. Он встал вместо нас. Он за нас страдает и умирает. Он может это, ибо понес нашу плоть (2 Кор. 5, 21; Гал. 3, 13; 1, 4; Тит. 2, 14; 1 Фесс. 5, 10 и т. д.). Тело Иисуса Христа в самом прямом смысле “за нас” — на кресте, в слове, в крещении, в причастии. Вот основа всякой телесной общности с Иисусом Христом.

Тело Иисуса Христа есть само воспринятое им новое человечество. Тело Христа — это его община. Иисус Христос — это одновременно и Он сам и его община (1 Кор. 12, 12). После Пятидесятницы Иисус Христос живет на земле в образе своего тела — общины. Здесь его тело, распятое и воскресшее, здесь воспринятое Им человечество. Поэтому креститься — значит стать членом общины, членом тела Христова (Гал. 3, 28; 1 Кор. 12, 13). Поэтому быть во Христе — значит быть в общине. А если мы в общине — значит, мы истинно и телесно в Иисусе Христе. Так понятие тела Христова раскрывается во всей своей полноте.

Место Иисуса Христа в мире после его вознесения занято его телом — Церковью. Церковь есть сам присутствующий Христос. Так к нам возвращается основательно забытое понимание Церкви. Мы привыкли думать о Церкви как об учреждении. Но о ней надо думать как о воплощенной *Личности*, разумеется — единственной в своем роде.

Церковь есть Единый. Все крещенные суть “одно во Христе” (Гал. 3, 28; Рим. 12, 5; 1 Кор. 10, 17). Церковь есть “Человек”. Она — “новый человек” (*kainos anthropos*). И в этом качестве Церковь сотворена крестной смертью Христа. Здесь покончено с раздиравшей человечество враждой между евреями и язычниками, “дабы из двух создать в Себе Самом одного нового человека, устроая мир” (Еф. 2, 15). “Новый человек” един, нет многих “новых людей”. А вне Церкви, которая есть новый человек, остался только прежний, разодранный человек.

Этот “новый человек”, который есть Церковь, “создан по Богу, в праведности и святости истины” (Еф. 4, 24). Он “обновляется в познании по образу Создавшего его” (Кол. 3, 10). “Образ Создавшего” сказано здесь ни о ком ином, как о самом Христе. Адам был первым человеком

по образу Творца. Но он утратил образ, пав. Теперь “второй человек”, “последний Адам” создан по образу Бога; это Иисус Христос (1 Кор. 15, 47). Поэтому “новый человек” — это и Христос и Церковь. Христос — это новое человечество в новом человеке. Христос — это Церковь.

К отдельному человеку “новый человек” стоит в таком отношении: он его “облекает”<sup>2</sup>. “Новый человек” — как одежда, которая должна стать покровом отдельного человека. Крещеный облекся в Христа (Гал. 3, 27), что опять-таки надо толковать как его вхождение в Тело, в Единого человека, в котором нет ни грека, ни еврея, ни свободного, ни раба, то есть — в общину. Никто не станет новым человеком помимо общины, помимо тела Христова. Захотевший стать новым человеком в одиночку останется прежним, ветхим. Стать новым человеком — значит войти в общину, стать членом тела Христова. Новый человек — это не отдельный человек, который освящен и оправдан, но община, тело Христа, Христос.

Распятый и воскресший Христос Святым Духом существует как община, как “новый человек”, столь же истинно, как Он вочеловечился и пребывает в вечности, столь же истинно, как его тело есть новое человечество. Как в Нем полнота Божества обитает телесно, так и его верные исполнены полнотою Христа (Кол. 2, 9; Еф. 3, 19). Они сами суть эта божественная полнота, поскольку они суть его тело и поскольку Он единственный есть Тот, кто наполняет все во всем.

Единство Христа с его Церковью требует, чтобы Христос был признан как Господь своего тела. Потому в дальнейшем развитии этого понятия Христос назван главой тела (Еф. 1, 22); Кол. 1, 18; 2, 19). Уравновешивающая ясность соблюдена: Христос — Господь. Событие священной истории, из-за которого эта уравновешивающая ясность необходима, а мистическое слияние общины и Христа недопустимо, — это вознесение Христа и его второе пришествие. Тот самый Христос, который присутствует в своей общине, снова придет с небес. И здесь и там — тот же самый Господь, и здесь и там — та же Церковь, то же самое тело Того, кто присутствует здесь и придет на облаках. Но для нас важно различать: здесь мы или там. Поэтому вместе необходимы и единство и различие.

*Церковь есть Единый, она есть тело Христово, но одновременно она есть множество и общность членов* (Рим. 12,

5; 1 Кор. 12, 12 сл.). У тела много членов, и каждый: глаз, рука, нога, — есть то, что он есть; вот смысл сравнения Павла! Рука не превращается в глаз, глаз — в ухо. Всякий остается собой. Но все же они суть то, что суть, лишь в качестве членов Единого Тела, в качестве служащей общности в единстве. Лишь вследствие единства общины всякий отдельный человек и общность остаются собой, как и община остается собой только из-за Христа и его тела. Здесь ясно видна роль Святого Духа. Это Он приносит Христа каждому отдельному человеку (Еф. 3, 17; 1 Кор. 12, 3). Собирая всех воедино, Он строит свою Церковь, созидание которой совершено в Христе (Еф. 2, 22; 4, 12; Кол. 2, 2). Он создает общность (2 Кор. 12, 13) членов тела (Рим. 15, 30; 5, 5; Кол. 1, 8; Еф. 4, 3). Господь есть Дух (2 Кор. 3, 17). Церковь Христа — это присутствующий Христос в Святом Духе. Поэтому жизнь тела Христова стала нашей жизнью. В Христе уже не мы живем своей жизнью, но Христос живет своей жизнью в нас. Жизнь верующих в общине воистину есть *жизнь Иисуса Христа в них* (Гал. 2, 20; Рим. 8, 10; 2 Кор. 13, 5; 1 Ио. 4, 15).

В общности с распятым и прославленным телом Иисуса Христа мы получаем часть в страдании и прославлении Христа. Крест Христов возложен на тело общины. Под этим крестом она страдает Христовым страданием. Сначала это претерпевание крестной смерти в крещении, затем “ежедневное умирание” христианина (1 Кор. 15, 31) в силу совершенного над ним крещения. Но сверх этого у страдания есть еще и несказанная надежда: хотя искупительная сила есть только у страданий самого Христа, хотя Он пострадал “за нас” и победил “за нас”, но в своем страдании Он дает тем, кто не стыдится общности с его телом, безмерную милость — право пострадать “за Него”. Он не мог даровать своим верным большей славы, и для христианина нет более непостижимой чести, чем право пострадать “за Христа”. Здесь становится истиной вещь в самом глубоком смысле противоположная Закону. По Закону мы можем страдать только в наказание за наши собственные грехи. И если ради самого себя не мог человек ничего ни сделать, ни выстрадать, то тем более — ради других, тем более — ради Христа! Тело Христово, отданное за нас, претерпевшее наказание за наши грехи, дает нам свободу оказаться там: в смерти и страдании “за Христа”. Теперь можно стать трудившимся и пострадавшим

за Христа, ради Того, кто совершил все ради нас! Это чудо и милость в общности тела Христова (Фил. 1, 29; 2, 17; Рим. 8, 35 сл.; 1 Кор. 4, 10; 2 Кор. 4, 10; 5, 20; 13, 9). Хотя Иисус Христос исполнил все заместительное и искупительное страдание, все же его страдание на земле еще не завершено. В своей милости Он на это последнее время вплоть до второго пришествия оставил общине “недостаток скорбей” (*hysteremata*), который она восполняет (Кол. 1, 24). Страдание это — ради тела Христова, ради Церкви. Остаются неизвестным, смеем ли мы полагать, что и страданию христиан дана сила упразднить грех (ср.: 1 Петр. 4, 1). Но ясно одно: страдающий в теле Христовом страдает заместительно “за” общину, за тело Иисуса, и что он имеет право терпеть то, от чего остается избавлен другой. “Всегда носим в теле мертвость Господа Иисуса, чтоб и жизнь Иисусова открылась в теле нашем. Ибо мы живые непрестанно предаемся на смерть ради Иисуса, чтоб и жизнь Иисусова открылась в смертной плоти нашей, так что смерть действует в нас, а жизнь в вас” (2 Кор. 4, 10–12; ср.: 1, 5–7; 13, 9; Фил. 2, 17). Телу Христову предуготовлена мера страдания. Бог дает милость вытерпеть особое страдание одному вместо другого. И это страдание должно быть исполнено, вынесено и побеждено. Счастлив, кого Бог удостоил пострадать за тело Христово. Такое страдание — радость (Кол. 1, 24; Фил. 2, 17). В таком страдании верующий смеет хвалиться, что носит мертвость Иисуса Христа, что носит на своем теле язвы Христа (2 Кор. 4, 10; Гал. 6, 17). Тогда верующий может послужить к тому, что “возвеличится Христос в теле моем, жизнью ли то, или смертью” (Фил. 1, 20). Такое — заместительное — действие и страдание членов Христова тела и есть жизнь Христа, который хочет изобразиться в своих членах (Гал. 4, 19).

И во всем этом мы стоим в общности с первыми учениками Иисуса и пошедшими Ему вслед.

Завершая это рассуждение, нужно сказать, что свидетельство о теле Христовом мы находим во всем Писании. В теле Христа исполняется ветхозаветное пророчество о Храме Бога.

О теле Христовом надо думать не в связи с эллинистическим употреблением этого образа, а исходя из ветхозаветного пророчества о Храме. Давид хочет построить Богу Храм. Он спрашивает пророка. Тот передает Давиду

слово Бога об этом замысле: "Ты ли построишь Мне дом для Моего обитания... Господь возвещает тебе, что Он устроит тебе дом" (2 Цар. 7, 5, 11). Храм Бога может построить только сам Бог. И сразу же, в странном противоречии к уже сказанному, Давид слышит обещание, что его потомок построит Богу дом и что его царство утвердится навеки (ст. 12, 13). "Я буду ему отцем, и он будет Мне сыном" (ст. 14). Соломон, "сын мира", заключенного Богом с домом Давида, отнес это обетование к себе. Он построил Храм, и Бог этот Храм освятил. Но все же в этом Храме пророчество не исполнилось, ибо построен он был человеческими руками и должен был разрушиться. Так пророчество продолжало пребывать неисполненным. Народ Израиля по-прежнему ждет, чтобы Сын Давида, чье царство — навеки, построил храм. Храм в Иерусалиме претерпел неоднократное разрушение — в знак того, что это не обещанный Богом Храм. Где был истинный Храм? На это отвечает сам Христос, относя пророчество о Храме к своему телу. "На это сказали иудеи: сей храм строился срок шесть лет, и Ты в три дня воздвигнешь его? А Он говорил о храме тела своего. Когда же воскрес Он из мертвых, то ученики Его вспомнили, что Он говорил это, и поверили Писанию и слову, которое сказал Иисус" (Ио. 2, 20 сл.). Храм, которого ждет Израиль, — это тело Христа. Ветхозаветный храм — лишь тень его тела (Кол. 2, 17; Евр. 10, 1; 8, 5). Иисус говорит о своем человеческом теле. Он знает, что и храм его земного тела будет разрушен, но Он воскреснет и новым Храмом, вечным Храмом станет его воскресшее, прославленное тело. Вот дом, который сам Бог строит своему Сыну, но который и Сын строит Отцу. В этом доме воистину обитает и Бог, и новое человечество, община Христа. Сам вочеловечившийся Христос есть исполняющий пророчество Храм. Это согласно со словами Откровения Иоанна о новом Иерусалиме, что там нет Храма, "ибо Господь Бог Вседержитель — храм его, и Агнец" (21, 22).

Храм — это место милостивого присутствия и обитания Бога среди людей. И он же — место, в которое принята община Бога. И то и другое осуществилось только в вочеловечившемся Иисусе Христе. В Нем Бог присутствует истинно и телесно. В Нем — человечество, истинно и телесно; ибо Он воспринял его в своем собственном теле. Поэтому тело Христа есть место принятия, примирения и

мира между Богом и человеком. Бог в теле Христа обретает человека, и человек в теле Христа принят Богом. Тело Христа есть духовный Храм (oikos pneumatikos), построенный из живых камней (1 Петр. 2, 5 сл.). Христос есть единственное основание и краеугольный камень этого храма (Еф. 2, 20; 1 Кор. 3, 11), и одновременно Он сам есть храм (oikodome Еф. 2, 21), где обитает Святой Дух, наполняя и освящая сердца верующих (1 Кор. 3, 16; 6, 19). Храм Бога — это святая община в Иисусе Христе. Тело Христа — живой Храм Бога и нового человечества.

#### Примечания

- 1 И в Еф. 3, 6 есть все дары спасения: слово, крещение, причастие.
- 2 В основе образа endysasthai (облечься) лежит некое пространственное представление о жилище, одеянии. И 2 Кор. 5, 1 сл. тоже, кажется, можно истолковать в связи с этим представлением. Здесь endysasthai встречается в связи с небесным oiketerion (жилищем). Без oiketerion человек — *hymnos*, *naq*, и должен бояться Бога. Он не облечен и тоскует, вздыхает по облеченности. Он получает ее, облекшись в небесное oiketerion. Не соответствует ли "облеченности" в oiketerion Церкви в этом мире — облечение в Церковь небесную, по которому тоскует Павел? И здесь и там мы облечены в единую Церковь, в хижину Бога, в пространство божественного присутствия и покровы — и здесь и там нас облакает тело Христово.

Тело Иисуса Христа занимает на земле место. Вочеловечившись, Христос требует места среди людей. Это место — его собственное. Но когда Он родился, люди дали Ему ясли, “потому что не было им места в гостинице”, а когда умирал, изгнали Его, и его тело повисло на виселице между небом и землей. И все же в воплощении заключено притязание на место на земле. А все, что занимает место, — зримо. Поэтому тело Иисуса Христа может быть лишь зримым телом, иначе это не тело. Видят человека Иисуса, верят в Него как в Сына Божия. Видя тело Иисуса, верят в него как в тело вочеловечившегося Бога. Видят, что Иисус — во плоти, верят, что Он понес нашу плоть. “Указывай на этого Человека и говори: вот Бог” (Лютер).

Истина, доктрина, религия не нуждается в собственном месте. Она бестелесна. Ее слушают, учат, понимают. Вот и все. Но вочеловечившемуся Сыну Бога нужны не одни уши, даже не одни сердца, но сами люди телесно, люди, которые бы шли Ему вслед. Потому Он призвал учеников телесно идти Ему вслед и его общность с ними была видима для всякого. Ее основал и хранил сам вочеловечившийся Иисус Христос; воплотившееся Слово, призвав, создало телесную зримую общину. Призванные уже не могли остаться скрыты, они стали светом, который светит, городом на горе, который отовсюду виден. Над их общностью зримо стоит крест и страдание Иисуса Христа.

Ради общности с Ним ученики должны были все отдать, пострадать и быть гонимы, и все же именно среди гонимых они снова получили в общности с Ним все потерянное: братьев и сестер, поля и дома. Община идущих вслед была видна миру. Ее составляли тела, шедшие, трудившиеся и страдавшие в общности с Иисусом.

Но и тело вознесшегося Господа — это тело, видимое в образе общины. Как это тело становится видимым? Прежде всего в *проповеди слова*. “И они постоянно пребывали в учении Апостолов” (Деян. 2, 42). В этом предложении важно каждое слово. Учение (*didache*) значит проповедь, здесь — в противоположность религиозным беседам всякого рода. Имеется в виду рассказ о произошедших событиях. Содержание того, что надо сказать, объективно установлено, нужно лишь изложить его в “учении”. А рассказ, по своей сущности, сводится к еще неизвестному. Как только его содержание станет известно, то повторный рассказ лишается смысла, поэтому в самом смысле понятия “учение” заложено, что оно само себя исчерпывает. В своеобразном противоречии с этим здесь сказано, что первая община пребывала в учении “постоянно”, и, значит, это учение само себя не исчерпывало, но требовало именно постоянства. Реальная необходимость должна содержаться в связи этого “учения” с “постоянством”. И необходимость эта ясна из того, что учение, о котором здесь идет речь, — это “учение апостолов”. Что значит “учение апостолов”? Апостолы — это избранные Богом очевидцы откровения в Иисусе Христе. Они жили в телесной общности с Иисусом, они видели Вочеловечившегося, Распятого и Воскресшего и осязали его тело своими руками (1 Ио. 1, 1). Они свидетели, которыми Бог, которыми Святой Дух пользуется как орудием, чтобы распространить слово. Апостольская проповедь — свидетельство телесного осуществления Божьего откровения в Иисусе Христе. На апостолах и пророках строится Церковь, краеугольный камень которой есть Иисус Христос (Еф. 2, 20). Всякая дальнейшая проповедь и сама должна быть апостольской, поскольку строит на этом фундаменте. Поэтому единство между нами и первой общиной установлено словом апостолов. Насколько необходимо вытекает из апостольского учения постоянство слушания? Апостольское слово — это воистину слово Божье в человеческом (1 Фесс. 2, 13). И потому это слово, кото-

рое хочет и имеет силу принять людей. Оно по сути своей — в общине. Оно само входит в общину. Оно само движется к ней. Дело обстоит не так, что на одной стороне — слово, истина, а на другой — община, и проповеднику нужно теперь это слово взять, овладеть им и привести в движение, чтобы внести в общину, к общине применить. Напротив, слово совершенно самостоятельно проходит этот путь, проповеднику и не нужно и невозможно ничего делать, кроме как служить собственному движению слова, не ставить ему преград на пути. Слово исходит, чтобы принять человека; апостолам это известно, и составляет их проповедь. Они же сами видели Слово Бога: как оно пришло, как приняло плоть и в этой плоти — само человечество. Теперь их единственное свидетельство — что Слово Бога стало плотью, что оно пришло принять грешников, простить и освятить. Это Слово теперь и входит в общину; воплотившееся Слово, которое уже несет все человечество и уже не может быть без человечества, идет к общине. Но в этом Слове приходит сам Святой Дух, который и отдельному человеку и общине показывает то, что уже давно даровано в Христе. Он создает в слушающих веру, что в слове проповеди к нам пришел сам Иисус Христос в своем теле, пришел мне сказать, что и уже принял меня и готов принять сегодня.

Слово апостольской проповеди — то Слово, которое телесно понесло грехи всего мира, оно — присутствующий Христос в Святом Духе. Христос в своей общине — вот “учение апостолов”, апостольская проповедь. И это учение никогда само себя не исчерпывает, но создает себе общину, которая постоянно с ним пребывает, ибо принята словом и ежедневно в этом удостоверяется. Учение создает себе видимую общину. К зримости тела Христова в проповеди слова добавляется зримость в *крещении и причастии*. И то и другое исходит из истинного человечества нашего Господа Иисуса Христа. И в том и в другом Он встречает нас телесно и делает участниками в общности своего тела. К тому и другому относится возвешение. И в крещении и в причастии — это возвешение смерти Христовой для нас (Рим. 6, 3 сл.; 1 Кор. 11, 26). И там, и там — дар тела Христова. В крещении нам даруется членство в теле, в причастии — телесная общность (κοινωνία) с телом Господа, которое мы принимаем, и значит — телесная общность с членами этого тела. Так из-за даров его

тела мы становимся единым телом с Ним. Ни дар крещения, ни дар причастия не исчерпывается “прощением грехов”. Дар тела, подаваемый в таинствах, дарит нам Господа телесно в его общине. Но прощение грехов содержится в даре Христова тела как общины. Отсюда ясно, что совершение крещения и причастия первоначально — в точной противоположности нашему сегодняшнему обиходу — не было связано с апостольским служением возвешения, но их совершала сама община (1 Кор. 1, 1 и 14 сл.; 11, 17 сл.). Крещение и причастие принадлежат только общине тела Христова. Слово обращается и к верующему, и к неверующему. Таинства принадлежат только общине. Потому христианская община в собственном смысле слова — это община крещения и причастия, и лишь на основе этого — община проповеди.

Итак, община Иисуса Христа требует себе в мире *места для возвешения*. Тело Христа зримо в собранной вокруг слова и таинств общине.

Община эта есть членораздельное целое. Тело Христа как община подразумевает членение и устройство. Они присущи телу. Тело без деления на члены находится в состоянии разложения. По учению Павла, образ тела Христова — это образ со многими членами (Рим. 12, 5; 1 Кор. 12, 12 сл.). Здесь неприменимо различие на содержание и форму, на сущность и видимость. Такое различие означает отрицание тела Христова, то есть воплотившегося Христа (1 Ио. 4, 3). Поэтому тело Христа наряду с *местом для возвешения* требует и *места для устройства общины*.

Происхождение и сущность общинного устройства божественны. Суть его, разумеется, не в господстве, а в служении. Должности в общине — это “служения” (diakoníai) (1 Кор. 12, 5). Они установлены Богом (1 Кор. 12, 28), Христом (Еф. 4, 11), Святым Духом (Деян. 20, 28) *внутри* общины, то есть не *благодаря* ей самой. И даже тогда, когда сама община распределяет должности, она это делает исключительно под водительством Святого Духа (Деян. 13, 2). И должности в общине, и она сама — равно происходят от триединого Бога. Должности служат общине, у них есть духовные права лишь в этом служении. Поэтому в разных общинах должны быть разные служения, “*диаконии*”: например, одни — в Иерусалиме, другие — в миссионерских общинах Павла. Хотя деление общины на члены — от Бога, но образ их неодинаков и зависит толь-

ко от духовного суждения самой общины, подчиняющей свои члены служению. И харизмы, даруемые Святым Духом, подчинены строгой дисциплине общинной диаконии, ибо Бог — не Бог неустройства, но Бог мира (1 Кор. 14, 33 сл.). И именно в том становится Святой Дух зрим, явен (*phanerosis* 1 Кор. 12, 7), что все происходит на пользу общине. Апостолы, пророки, учителя, надзиратели (епископы), диаконы, старейшины, предстоятели и наставники (1 Кор. 12, 28 сл.; Еф. 2, 20 и 4, 11) — служители общины, тела Христова. А раз они поставлены на служение общине, то происхождение и сущность их должности — божественны. Только община может освободить их от должности. Поэтому община свободна образовывать свое устройство как ей нужно, а посягая на ее устройство извне, посягают на видимый образ самого тела Христова.

Среди общинных служений во всякое время особого внимания требует забота о верном распределении проповеди и таинств. Тут надо иметь в виду следующее: возвешение, соответственно задачам и дарам возвестителя, всегда будет многообразным и различным. Но Павлов ли кто, Кифин, Аполлосов или Христос, во всем должен узнаться Единый неразделенный Христос (1 Кор. 1, 11 сл.). Пусть каждый трудится вместе с другим (1 Кор. 3, 6). Создание школ ведет к вражде школ, когда каждый ищет своего (1 Тим. 6, 5 и 20; 2 Тим. 2, 16; 3, 8; Тит. 1, 10). Слишком легко превращается “благочестие” в земной выигрыш, будь то почести, власть или деньги. И легко разгорается любовь к проблемам ради самих проблем и уклоняется от простой, ясной истины (2 Тим. 3, 7). Она уводит к своеволию и непослушанию заповедям Бога. Напротив здоровое, спасительное учение остается целью наставления (2 Тим. 4, 3; 1 Тим. 1, 10; 4, 16; 6, 1; Тит. 1, 9 и 13; 2, 1; 3, 8), гарантией верного устройства и единства.

Не всегда легко распознать переход от дозволенного мнения какой-либо школы к ереси. Поэтому в некоторых общинах еще терпят как мнение одной из школ учение, исключенное уже из других общин как еретическое (Отк. 2, 6 и 15 сл.). Но как только ересь стала явной, необходим полный разрыв. Лжеучитель подлежит изгнанию и из христианской общины, и из личного общения (Гал. 1, 8; 1 Кор. 16, 22; Тит. 3, 10; 2 Ио. 10 сл.). Слово чистого возвешения должно связывать и разделять видимым образом.

Так выясняется *место возвешения и устройства* общины в их богоустановленной необходимости.

Теперь возникает вопрос, описан ли вышесказанным весь видимый образ общины тела Христова или в нем содержатся и другие притязания на место в мире. Ответ Нового Завета однозначен: община требует себе места на земле не только для своего богослужения и устройства, но и для повседневной жизни своих членов. Поэтому теперь пойдет речь о *жизненном пространстве* видимой общины.

Общность Иисуса с учениками была полной жизненной общностью во всех жизненных связях. В общине учеников развертывается вся жизнь отдельного человека. Эта общность есть живое свидетельство телесного человечества Сына Божьего. Телесное присутствие сына Божьего требует телесной самоотдачи за Него и с Ним в повседневной жизни. Человек во всей его живой телесной жизни принадлежит Тому, кто ради него принял человеческое тело. В хождении вслед ученик неразрывно связан с телом Иисуса.

Так свидетельствует первое сообщение о ранней общине в Деяниях апостолов (2, 42 сл.; 4, 32 сл.). “И они постоянно пребывали в учении апостолов, в общении и преломлении хлеба и в молитвах”. “Все же верующие были вместе и имели все общее”. Поучительно, что здесь общение (*κοινωνία*) помещено между словом и причастием. Это не случайность, а само определение общности; она постоянно происходит из слова, а цель и завершение постоянно находит в святом причастии. Всякая христианская общность живет между словом и таинством, ее начало и ее завершение — в богослужении. Она ждет последней вечери с Господом в Царстве Божьем. Общность, у которой такой исток и такая цель, — это общность полная, которой подчинены все вещи и блага нашей жизни. В свободе, радости и силе Святого Духа устанавливается совершенная общность, в которой “не было никого нуждающегося”, “и каждому давалось, в чем кто имел нужду”, в которой “никто ничего из имени своего не называл своим”. Так в повседневной жизни проявлялась полнота евангельской свободы, без всякого принуждения. Они действительно были “одно сердце и одна душа”.

Зримо стояла молодая община на глазах у всех и — как странно! — “находясь в любви у всего народа” (Деян. 2, 47). Может быть, дело в слепоте народа Израиля, уже не

замечающего за полнотой этой общности Иисусов крест? Или же это предвосхищение того дня, когда весь народ воздаст честь народу Бога? Или это доброта Бога, который именно в период роста, борьбы, разделения на верующих и врагов обводит общину кольцом чисто человеческой благожелательности, человеческого участия в судьбе общины? Или же она находится в любви у того народа, который кричал “Осанна!”, но не “Распни!”? “Господь же ежедневно прилагал спасаемых к Церкви”. Видимая община полной жизненной общности врывается в мир и похищает у него его детей. Ежедневный рост общины — свидетельство силы живущего в ней Господа.

О первых учениках можно сказать: где их Господь, там должны быть и они, и где будут они, там будет и их Господь до скончания века. Все, что делает ученик, он делает в общности с общиной Иисуса как ее член. Даже самое мирское действие осуществляется теперь в рамках общины. Поэтому о теле Христа можно сказать: где один его член, там и все тело, и где тело, там и его члены. Нет такой области жизни, где отдельный член имел бы право или хотел отделиться от тела. Где бы он ни был, что бы ни делал, все происходит “в теле”, в общине, “в Христе”. “В Христа” принята вся жизнь целиком. Силен или слаб христианин — в Христе (Фил. 4, 13; 2 Кор. 13, 4), трудится и устает или радуется — “в Господе” (Рим. 16, 9 и 12; 1 Кор. 15, 58; Фил. 4, 4), проповедует и утешает в Христе (2 Кор. 2, 17; Фил. 2, 1), принимает странника — в Христе (Рим. 16, 2), женится — в Господе (1 Кор. 7, 39), заключен в тюрьму — в Господе (Фил. 1, 13 и 23), остается рабом — в Господе (1 Кор. 7, 22). Вся полнота человеческих отношений среди христиан охвачена Христом, общиной.

Каждому христианину полноту жизни в Христе, в общине дает крещение в тело Христово. Вводят дурное, совершенно чуждое Новому Завету ограничение, когда говорят, что дары крещения ограничены участием в проповеди и причастии, то есть в благах спасения, и еще, пожалуй, в должностях и служениях общины. Напротив: крещение безоговорочно открывает каждому крещеному пространство жизни в общности с членами тела Христова, которая охватывает всю полноту жизненных отношений. Если кто-то предоставляет крещеному брату участие в богослужении, но в повседневной жизни отказывает в общности с собой, дурно с ним обращается, презирает, то

он становится виновен перед самим телом Христовым. Если кто-то уделяет крещеным братьям дары спасения, но отказывает в дарах земной жизни или сознательно оставляет их в земных тяготах или беде, то он оскорбляет дары спасения и делается лжецом. Если кто-то, услышав слова Святого Духа, еще склоняет слух к голосу крови, природы, своих симпатий и антипатий, то он грешен против таинств. Крещение в тело Христово — это перемена не только на пути спасения, но и во всех жизненных связях крещеного.

Сбежавшего раба Онисима его хозяин, верующий Филимон, пусть, после его крещения, “примет навсегда” (Флм. 15) “не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного... и по плоти и в Господе” (Флм. 16). Брат — “по плоти”, подчеркивает Павел, предостерегая от опасного заблуждения тех “привилегированных” христиан, которые готовы еще терпеть общность с низшими по положению и правам христианами в богослужении, но вне его — нет. Брат Филимона по плоти! Пусть Филимон братски примет брата, как самого Павла (Флм. 17), пусть братски не взыщет с него за ущерб (ст. 18). Пусть Филимон сделает это добровольно, хотя Павел и дерзает ему приказывать (ст. 8—14), и конечно, Филимон сделает больше, чем потребовал Павел (ст. 21). Брат по плоти, ибо крещен. Пусть даже Онисим и остается слугой своего хозяина, в их взаимных отношениях все переменялось. Из-за чего? Свободный и слуга стали членами тела Христова. И теперь в их общности, как в маленькой клеточке, живет тело Христа, живет община. “Все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облелись. Нет уже иудея, ни язычника; нет раба, ни свободного; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе” (Гал. 3, 27 сл.; Кол. 3, 11). Внутри общины каждый видит в другом уже не свободного или раба, мужчину или женщину, но члена в теле Христовом. Разумеется, это не означает, что раб перестал быть рабом, а мужчина — мужчиной. Но это не означает и того, что каждого в общине нужно спрашивать, еврей он или грек, свободный или раб. Именно это и нужно исключить. Мы смотрим друг на друга только исходя из нашего членства в теле Христовом и из того, что мы в Нем — одно. Еврей и грек, свободный и раб, мужчина и женщина теперь находятся в общности как часть общины тела Христова. Там, где они друг с другом живут, говорят,



имеют дело, там община, там они в Христе. Но, значит, их общность претерпела решительную перемену. Жена повинуется мужу “в Господе”, раб служит Богу, служа господину, а господин знает, что и у него есть Господь на небесах (Кол. 3, 18–4, 1) и теперь они братья “по плоти и в Господе”.

Так община врывается в жизнь мира и отвоевывает место для Христа, ибо происходящее “в Христе” уже вышло из-под власти мира, греха и закона. В этой новой общности не имеет власти приказывать ни один закон мира. Область христианской братской любви подчинена Христу, а не миру. Ни при каких обстоятельствах община уже не сможет ограничить служение братской любви или милосердия. Ибо там, где брат, там тело самого Христа, а где тело Христа, там всегда должна быть и его община, там должен быть и я.

Принадлежащий телу Христову, вызволенный и вызванный из мира должен стать виден миру не только благодаря общности богослужения, но благодаря новой общности братской любви. Если мир презирает брата-христианина, христианин будет его любить и служить ему; когда мир теснит его, он поможет ему и утешит; когда мир бесчестит его и оскорбляет, он лишится и своей чести из-за братнего позора. Мир ищет выгоды, а он от нее откажется; мир эксплуатирует, а он уступит; мир гнетет, а он наклонится и поднимет угнетенного. Раз мир отвергает справедливость, то он будет милосерден, раз мир укрывается в ложь, то он откроет уста за немых и станет свидетелем истины. Ради брата, будь он еврей или грек, раб или свободный, силен или слаб, знатен или незнатен, он откажется от всякой мирской общности, ибо он служит общности тела Христова. И, значит, и в мирских своих связях он не может стать невидим для мира. Он вызван и идет вслед.

Но: “Каждый оставайся в том звании, в котором призван. Рабом ли ты призван, не смущайся; но если и можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся” (лучшим — то есть останься рабом!); “ибо раб, призванный в Господе, есть свободный Господа; равно и призванный свободным есть раб Христов. Вы куплены дорогою ценою; не делайтесь рабами человеков. В каком звании кто призван, братия, в том каждый и оставайся пред Богом” (1 Кор. 7, 20–24). Разве не переменялось все по сравнению с первым призывом Иисуса в хождение? Тог-

да ученики должны были все оставить, чтобы идти с Иисусом. А теперь: каждый оставайся в том звании, в котором призван! Как разрешить это противоречие? Только поняв, что как в призыве Иисуса, так и в увещании Павла речь только о том, чтобы слушающий вошел в общность тела Христова. Первые ученики, чтобы оказаться в телесной общности с Иисусом, должны были пойти с Ним. Но теперь тело Христово ни в проповеди, ни в таинстве уже не связано с определенным местом на земле. Воскресший и вознесшийся Христос стал ближе миру, тело Христово — в образе общины — вторглось в мир. Крещеный крещен в тело Христово. Христос пришел к нему, принял к себе его жизнь и, значит, отнял у мира его собственность. Если кто-то крещен будучи рабом, то он будучи рабом стал причастен общности тела Иисуса Христа. Уже отнятый у мира как раб, он стал вольноотпущенником Христа. Так пусть раб остается рабом! Как члену Христовой общины ему дана такая свобода, какой не принес бы и не сможет принести ни бунт, ни революция! Павел предлагает рабу остаться рабом, разумеется, не затем, чтобы еще крепче привязать его к миру, чтобы его жизни в мире дать еще и “религиозное обоснование”, чтобы превратить его в лучшего и более верноподданного гражданина этого мира! Разумеется, Павел говорит не затем, чтобы оправдать или поместить в христианскую рамку сомнительное социальное устройство. Дело не в том, что распорядок мира так хорош и божествен и что его поэтому нельзя отменять, а только в том, что весь мир уже выбит из колеи Иисусом Христом, той свободой, которую раб узнал, быв освобожден Иисусом Христом. Революция, переворот общественного устройства только помешали бы увидеть всеобъемлющее божественное переустройство, осуществленное Иисусом Христом и основанием его общины. Всякая попытка подорвать все мироустройство только помешала бы наступлению Царства Божьего, замедлила бы его приход. И разумеется, не потому, что исполнение мирского долга уже само по себе должно считаться исполнением христианской жизни, а потому, что отказ от бунта против устройства этого мира самым точным образом выражает то, что христианин ничего не ждет от мира и всего ждет от Христа и его Царства — потому-то пусть и останется раб рабом! Этот мир не в реформах нуждается, а созрел для своей кончины — потому пусть

раб остается рабом! У него есть лучшее обещание и надежда! Разве недостаточный суд миру и утешение — рабу, если Сын Бога принял “образ раба” (Фил. 2, 5), придя на землю? Разве призванный в бытность рабом христианин в самом своем рабстве внутри мира недостаточно от мира удален, от мира, который любить, к которому стремится, о котором заботиться он мог бы? Поэтому пусть страдает раб не как бунтовщик, а как член общины и тела Христова! Так мир близится к кончине.

“Не делайтесь рабами человеков!” Двумя путями можно попасть в это рабство: с одной стороны, опрокидывая бунтом данное мироустройство, и с другой — данное мироустройство религиозно прославляя. “В каком звании кто призван, братия, в таком и оставайся пред Богом”. “Пред Богом” — и потому “не делайтесь рабами человеков”, ни в бунте, ни в лжеподчинении. Оставаясь в своем звании, быть пред Богом — это и значит посреди мира оставаться в теле Христовом, в видимой общине, и, живя в хождении вслед, являть живое свидетельство победы над этим миром.

Потому “всякая душа да будет покорна высшим властям” (Рим. 13, 1 сл.). Не вверх к властителям должен стремиться христианин, а оставаться внизу. Власть — над (huper) ним, а он пусть остается внизу (huro). Мир господствует, христианин служит — в этом его общность с его Господом, который стал рабом. “Иисус же, подозвав их, сказал им: вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими; но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою; и кто хочет быть первым между вами, да будет всем рабом; ибо и Сын Человеческий не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу свою для искупления многих” (Мк. 10, 42–45). “Ибо нет власти не от Бога”. Это сказано христианину, а не властям! Пусть христиане знают, что именно там, внизу, куда они поставлены властями, они узнают и творят волю Бога. Пусть христиане будут утешены тем, что Бог сам через власти будет действовать им на пользу, тем, что Бог — Господь и над властями. Но это должно не стать общезначимым мнением и представлением о сущности власти (exousia — единственное число!), а применяться в отношении христиан к реально существующим властям (hai de ousai...). Кто ей про-

тивится, противится установлению Бога (diatage tou theou), пожелавшего, чтобы мир господствовал, а Христос побеждал в служении и вместе с Ним — его христиане. Не понявший этого христианин навлечет на себя суд (ст. 2), ибо он снова уподобится миру. Отчего же так легко возникает противоречие между христианами и властями? От того, что христиан возмущают ошибки и несправедливости властей. Но такое возмущение опасно для христиан тем, что они могут начать думать о чем-то еще кроме воли Бога, которую должны исполнять они сами. Если только они сами всегда думают о добром и делают доброе, как им приказывает Бог, то они могут жить перед властями “без страха”, “ибо начальствующие страшны не для добрых дел, но для злых” (ст. 3). Разве может бояться христианин, остающийся с Господом и делающий добро? “Хочешь ли не бояться власти? Делай добро”. Делай добро! Только в этом дело. Тебе важно не то, что делают другие, а только то, что ты делаешь сам. Делай добро, без страха, без ограничений, без условий! Как ты можешь упрекать власть за ее ошибки, если сам не делаешь добра? Как ты хочешь судить других, если сам навлекаешь на себя суд? Хочешь жить без страха — делай добро! “И получишь похвалу от нее (от власти), ибо начальник есть Божий слуга, тебе на добро”. Ожидание похвалы от властей не может быть ни мотивом, ни целью нашего доброго поведения, но похвала эта может и должна к нему прибавиться, если с властью все обстоит как надо. Павлу настолько важна христианская община, настолько важно ее спасение и образ жизни, что он должен предостеречь христиан от их несправедливости и зла, а на властей не тратит и упрека. “Если же делаешь зло, бойся, ибо он не напрасно носит меч: он Божий слуга, отмститель и наказание делающему зло” (ст. 4). Важно лишь одно: чтобы не было зла в христианской общине. Опять-таки эти слова обращены к христианам, а не к властям. Не оправдывать или порицать мирскую власть, а чтобы христиане оставались в покаянии и послушании, где бы они ни были и что бы им ни грозило, — вот что важно Павлу. Никакая власть не сумеет вывести из этих слов божественное оправдание своего существования. Напротив, если действительно применить эти слова к власти, то и для нее они станут таким же призывом к покаянию, каким являются, будучи обращены к общине. Начальствующий (archon), услышав эти

слова, никак не смог бы вывести из них божественную санкцию своим действиям напротив, он должен был бы расслышать в них поручение стать слугой Божиим на благо делающим добро христианам. И тогда он пришел бы к покаянию. Павел все это говорит христианам, не потому, разумеется, что распорядок мира так хорош, но потому, что неважно, хорош он или плох, по сравнению с единственно важным: господствует ли, исполняется ли в общине воля Бога. Он учит христиан не обязанностям властей, а *исключительно их собственным обязанностям по отношению к властям.*

Пусть христианин получит от власти похвалу! А если он вместо нее получит наказание и гонения, то разве он в чем-то виновен? И не ради похвалы делал он то, что привело теперь к наказанию. И не из страха перед ним он делал добро. Постигни его страдание вместо похвалы, он все же свободен перед Богом и избавлен от страха, он все же не навлек позор на общину! Он повинуется властям не ради какой-то выгоды, а “по совести” (ст. 5). Поэтому ошибка властей не заденет его совесть. Он по-прежнему свободен и не боится, и может выказать властям должное послушание, безвинно страдая. Он знает, что в конечном счете господствует не власть, а Бог, и что власть — слуга Бога. Власть — слуга Бога; так сказал апостол, который не раз сам терпел от этой власти безвинное заточение; трижды — жестокое наказание палками; который знал о высылке всех евреев из Рима императором Клавдием (Деян. 18, 1 сл.). Власть — слуга Бога, так сказал тот, кто знает, что уже давно все начальства и власти мира лишены силы, что Христос восторжествовал над ними на кресте и что очень скоро это станет явно для всех.

Но все сказанное о властях предварено у Павла словами: “Не будь побежден злом, но побеждай зло добром” (Рим. 12, 21). Речь не о добрых или злых властях, но о победе христиан над любым злом.

В то время как вопрос, платить ли подать Цезарю, для евреев — действительно искушение, так как они надеялись на разрушение Римской империи и создание собственного государства, Иисус и его ученики относятся к этому вопросу бесстрастно. “Отдавайте кесарево кесарю” (Мф. 22, 21), — говорит Иисус; “для сего вы и подати платите” (Рим. 13, 6), — так завершает Павел свои рассуждения. Ни к какому конфликту с заповедью Иисуса эта обя-

занность христиан не приводит: они просто возвращают Цезарю, что ему и без того принадлежит. Даже “Божиих служителей” (leitourgoi!) должны они видеть в тех, кто постоянно требует с них подать (ст. 6). Разумеется, никакое обращение посылок здесь невозможно: не христиане служат Богу, платя подати, говорит Павел, а те, кто собирает подать, исполняют тем самым свою — свою! — службу Богу. И не к участию в такой службе Богу побуждает Павел христиан, а к тому, чтобы они подчинялись и, не оставаясь должными никому ничем, всем воздавали положенное (ст. 7—8). Любое возражение, любое сопротивление по этому поводу только показало бы, что христиане спутали Царство Бога с царством этого мира.

Потому пусть остается раб рабом, потому пусть остается христианин подданным правителей, имеющих над ним власть, потому пусть не выходит христианин из мира (1 Кор. 5, 10). Но, разумеется, пусть раб живет как вольноотпущенник Христов; под властью правителей пусть живет христианин делая добро; в мире пусть живет как член тела Христова и обновленного человечества; и пусть делает все это в любых условиях, чтобы посреди мира дать свидетельство падшести мира и нового творения в общине. Пусть он страдает лишь за то, что он — член тела Христова.

Пусть христианин остается в мире. Не ради богоданных благ мира и даже не из-за своей ответственности за ход дел в мире, но ради тела вочеловечившегося Христа, ради общины. Пусть он останется в мире ради прямой схватки с миром, пусть он живет своей “внутримирской жизнью долга и призвания”, чтобы стала вполне зрима его “чуждость миру”. Но это может произойти только благодаря зримому членству в общине. Противоречие с миром нужно внести в сам мир. Потому Христос стал человеком и умер среди своих врагов. Поэтому — и только поэтому! — пусть остается раб рабом, христианин — подданным властей.

В решающие годы отказа от монастырской жизни Лютер точно так же судил о мирском долге. Он упрекал монастыри не за высшие требования к жизни человека, но за понимание заповеди Иисуса как достижения одиночек. Не на “чуждость миру” монастырской жизни нападал Лютер, а на то, что внутри монастыря эта чуждость миру снова стала духовным уподоблением миру, то есть позор-

нейшим извращением Евангелия. Пусть “чуждая миру” христианская жизнь проходит посреди мира, в общине, в ее повседневной жизни — вот мысль Лютера. Поэтому христиане должны осуществлять свою христианскую жизнь в мирском призвании. Поэтому они должны в мирском призвании умереть для мира. Для христианина ценность мирского занятия в том, что в нем он может жить благостью Бога и решительнее сражаться с сущностью мира. В основе лютерова возврата в мир лежала отнюдь не “позитивная переоценка” мира и тем более не отказ от раннехристианских ожиданий скорого второго пришествия. Напротив, его возврат означал протест против обмирщения христианства в монастырской жизни. Призывая христиан обратно в мир, Лютер прежде всего звал их в истинную чуждость миру. Это Лютер испытал на себе. Призыв Лютера в мир всегда был призывом к зримой общине вочеловечившегося Господа. То же самое — и у Павла.

Поэтому ясно, что жизнь в мирском призвании имеет для христианина совершенно определенные границы и что иногда за призывом к мирскому призванию должен раздаться и призыв уйти от него. Таков ход мысли и Павла и Лютера. Границы заданы уже самой принадлежностью к видимой общине Христа. Где затребованное и занятое телом Христовым в этом мире пространство богослужения, церковной иерархии и гражданской жизни сталкивается с притязаниями мира на это же пространство, там достигнута граница. Что она достигнута, мгновенно становится ясно из необходимости для членов общины — гласно исповедовать Христа, а для мира — или разумно уступить, или применить силу. Тогда христианин приходит к гласному страданию. Его, кто в крещении умер с Христом и чьего тайного страдания с Христом мир не знал, теперь открыто изгоняют из его призвания, занятия и места в этом мире. Он вступает в зримую общность страдания со своим Господом. И теперь он тем более нуждается в полной общности и братской помощи со стороны общины.

Но не всегда из мирского занятия изгоняет христианина сам мир. Уже в первые свои века Церковь считала некоторые занятия несовместимыми с принадлежностью к христианской общине. Актер, обязанный изображать языческих богов и героев, учитель, обязанный в языческой школе преподавать языческую мифологию, гладиатор, обязанный убивать людей на потеху цирку, солдат, владе-

ющий мечом, жандарм, судья — все они должны были оставить мирское занятие, если хотели принять крещение. Позднее Церкви — и соответственно миру! — удалось снять для христиан запрет с большей части этих профессий. Неприятие все больше становилось позицией не общины, а мира.

Но чем старше становится мир и чем жарче разгорается борьба между Христом и Антихристом, тем решительнее старается мир избавиться от христиан. Первым христианам мир еще отводил место, в котором они могли кормиться и одеваться от трудов своих рук. Мир, ставший совершенно антихристианским, не может предоставить христианам даже этой частной сферы мирского действия и труда ради ежедневного хлеба. За каждый кусок хлеба, который они хотят съесть, мир требует, чтобы христиане отреклись от своего Господа. Поэтому христианам остается или бегство из мира, или тюрьма. И конец станет близок тогда, когда у христиан отнимут последнее место на земле.

И хотя тело Христово глубоко вторгается в область мирской жизни, все равно остается зрим полный разрыв, и он должен становиться все более зрим. Но внутри ли мира или отгородившись от него, разрыв этот осуществляется в послушании слову: “Не сообразуйтесь с веком сим, но преобразуйтесь (*metamorphousthe*) обновлением ума вашего, чтобы вам познавать, что (есть) воля Божия, благая, угодная и совершенная” (Рим. 12, 2). Есть “сообразование с миром” внутри мира, но есть и самовольно выбранный духовный “мир” монастыря. Есть неразрешенное пребывание в мире, но есть и неразрешенное бегство из мира. В обоих случаях мы сообразуемся с миром. Но у общины Христа иной, чем у мира, “образ”. В этот образ должна она все больше преобразовываться. Это образ самого Христа, который пришел в мир, в бесконечном милосердии понес и принял людей и все же не сообразовывался с миром, но был миром отвергнут и изгнан. Он был не от этого мира. В верном отношении к миру видимая община будет все больше уподобляться образу страдающего Господа.

Поэтому братья должны знать: “Время уже коротко, так что имеющие жен должны быть, как не имеющие; и плачущие, как не плачущие; и радующиеся, как не радующиеся; и покупающие, как не приобретающие; и пользующиеся миром сим, как не пользующиеся; ибо проходит образ

мира сего. А я хочу, чтобы вы были без забот” (1 Кор. 7, 29–32а). Вот жизнь Христовой общины в мире. Христиане живут как остальные люди. В повседневной жизни они женятся, плачут и радуются, покупают и пользуются миром. Но все, что у них есть, у них есть только от Христа, в Христе и ради Христа, и потому их не связывает. Они имеют, как не имеющие. Их сердце не привязано к тому, что у них есть. Они совершенно свободны. А раз так, они могут пользоваться миром, не выходя из него (1 Кор. 5, 10). Раз они свободны, они могут и оставить мир, если он им мешает идти вслед их Господу. Они женятся и выходят замуж; правда, по мнению апостола, “блаженнее”, если они остаются свободны, поскольку способны на это в вере (1 Кор. 7, 7 и 33–40). Они покупают и торгуют, но только для нужд повседневной жизни. Они не копят сокровищ, к которым бы привязывалось их сердце. Они трудятся, ибо не должны быть праздны. Но и работа для них не самодовлеющая цель. Работа ради работы неизвестна Новому Завету. Пусть каждый работает нужное. Пусть у него будет, что отдать другим братьям (1 Фес. 4, 11 сл.; 2 Фес. 3, 11 сл.; Еф. 4, 28). Пусть он будет независим от “внешних”, от язычников (1 Фес. 4, 12), как и сам Павел вменяет себе в похвалу, что зарабатывал на хлеб своими руками и поэтому был независим от своих общин (2 Фес. 3, 8; 1 Кор. 9, 15). Независимость служит проповеднику особым доказательством того, что он проповедует не из выгоды. Все это целиком входит в служение общины. Наряду с заповедью работать есть другая: “Не заботьтесь ни о чем, но всегда в молитве и прощении с благодарением открывайте свои желания пред Богом” (Фил. 4, 6). Христиане знают: “Великое приобретение — быть благодарным и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что не можем ничего и вынести из него. Имея пропитание и одежду, будем довольны тем. А желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу” (1 Тим. 6, 6–9). Поэтому христиане пользуются благами этого мира так, словно те “истлевают в употреблении” (Кол. 2, 22). При этом они творят благодарение и молитву Творцу всякого хорошего творения (1 Тим. 4, 4). И они свободны. Они могут быть сыты или голодать, иметь избыток или терпеть нужду. “Все могу у укрепляющем меня (Иисусе) Христе” (Фил. 4, 12 сл.).

Христиане — внутри мира, пользуются миром, ибо они суть плоть и ради их плоти Христос пришел в мир. Они заняты мирскими занятиями. Они женятся, но их брак будет иным, чем брак мира. Их брак — “в Господе” (1 Кор. 7, 39). Он освящен в служении тела Христова и сохраняется в молитве и воздержности (1 Кор. 7, 5). Так он становится подобием самоотверженной любви Христа к своей общине. Да, их брак будет частью тела Христова. Он будет Церковью (Еф. 5, 32). Христиане покупают и продают, занимаются торговлей и ремеслами, но и это они будут делать иначе, чем язычники. Они не только не станут друга обмеривать и обманывать (1 Фес. 4, 6), но будут делать и непостижимую для мира вещь: охотней сами терпеть обман и несправедливость, чем ради “временных благ” отстаивать свое право перед языческим судом. А уж если придется, они будут разбирать свои тяжбы внутри общины, перед собственным судом (1 Кор. 6, 1–8).

Так христианская община посреди мира ведет свою собственную жизнь и всей своей сутью и каждым действием свидетельствует, что “проходит образ мира сего” (1 Кор. 7, 31), что время коротко (1 Кор. 7, 29) и что Господь близко (Фил. 4, 5). И она постоянно радуется (Фил. 4, 4). В ее глазах мир — ничто, пришествие Господа — всё. Она ходит еще во плоти. Но взгляд ее обращен на небо, откуда вернется Тот, кого она ждет. Она — колония в чужой стране, далеко от родины, община иностранцев, которая пользуется гостевым правом той страны, где живет, подчиняется местным законам и чтит местную власть. Всем необходимым для тела и жизни она благодарно пользуется, во всем выказывает почтительность, справедливость, целомудрие, кротость, уступчивость и готовность служить. Всем людям она выказывает любовь своего Господа, “а наипаче своим по вере” (Гал. 6, 10; 2 Петр. 1, 7). В страдании она терпелива и радостна и рада бедам. Она живет своей собственной жизнью под чужой властью и чужим правом. Она молится за всех начальников и этим служит им величайшую службу (1 Тим. 2, 1). Но она здесь только временно. В любое мгновение может прозвучать сигнал к походу. Тогда она обрывает и оставляет всю мирскую дружбу и родство и следует только за позвавшим ее голосом. Она оставляет чужбину и отправляется в отечество, которое на небе.

Они бедны и страдают, они голодают и жаждут, они кротки, милосердны, миролюбивы, они гонимы и оскорб-

ляемы миром, и все же они — то единственное, ради чего мир еще храним. Они хранят мир от гнева Божьего. Они страдают, чтобы мир еще мог жить под долготерпением Бога. Странники и пришельцы они на земле (Евр. 11, 13; 13, 14; 1 Петр. 1, 1). Они помышляют о горнем, а не о земном (Кол. 3, 2). Ибо их истинная жизнь еще не открылась, она еще скрыта со Христом в Боге (Кол. 3, 3). Здесь им видна противоположность того, чем они станут. Здесь видна только их смерть — ежедневная тайная смерть ветхого человека — и их явная смерть перед миром. Но они еще скрыты и сами от себя. Левая рука не знает, что делает правая. Именно будучи зримой общиной, они остаются неизвестны сами себе. Они смотрят только на своего Господа. Он — на небесах, и у Него — их жизнь, которой они ждут. Но когда явится Христос, их Жизнь, тогда и они явятся с Ним во славе (Кол. 3, 4).

Идут по земле — и на небе живут;  
Бессильны, безвластны — и землю хранят;  
Вкушают в несчастиях мир, а не страх;  
Бедны и довольны — в холод и в зной.  
Страдая живут — и радуясь ждут,  
Подобные мертвым для взора извне,  
Но жизнь животворную в сердце тая.

Но явится в славе их скрытая Жизнь,  
Но явится в славе Господь их Христос,  
Тогда и они, как владыки земли,  
С Ним вместе прославятся, мир изумив.  
С Ним будут царить, с Ним торжествовать,  
На небе, как яркие звезды, светить  
И явную радость их будет тогда!

(Х.Ф. Рихтер).

Вот община вызванных, еkkлeсия, тело Христово на земле, ученики Иисуса и идущие Ему вслед.

#### Примечание

<sup>1</sup> Из песни Христиана Фридриха Рихтера (1676—1711) “Сокрытая жизнь в христианах горит”. — Примеч. пер.

Еkkлeсия Христа, община учеников, изъята из-под власти мира. Да, она живет посреди мира. Но она стала Единым Телом, это самостоятельная самодержавная область, самодовлеющее пространство. Это святая Церковь (Еф. 5, 27), община святых (1 Кор. 14, 34), и ее члены — призванные святые (Рим. 1, 7), освященные во Христе Иисусе (1 Кор. 1, 2), избранные и отделенные прежде создания мира (Еф. 1, 4). Цель их призвания к Иисусу Христу и избрания прежде создания мира — чтобы они были святы и непорочны (Еф. 1, 4); для того Христос отдал свое тело на смерть, чтобы представить их святыми и непорочными и неповинными пред собою (Кол. 1, 22); плод освобождения от греха смертью Христа — в том, что они, прежде предававшие свои члены в рабство беззаконию, теперь пользуются ими служа праведности, на освящение (Рим. 6, 19—22).

Свят только Бог. Он свят как в своей полной отдельности от греховного мира, так и в основании своего святилища посреди мира. После гибели египтян Моисей с детьми Израиля поет хвалебную песнь Господу, освободившему свой народ от рабства миру: “Кто, как ты, Господи, между богами? Кто, как Ты, величеством святостию, досточтим хвалами, Творец чудес? Ты простер десницу Твою; поглотила их земля. Ты ведешь милостию Твоею народ сей, который Ты избавил; провождаешь силою твоею в жилище святыни Твоей... Введи его и наса-

ди его на горе достояния Твоего, на месте, которое Ты соделал жилищем Себе, Господи, во святилище, которое создали руки Твои, Владыка!" (Исх. 15, 11 сл.). Вот святость Бога: посреди мира Он создает себе жилище и святилище, и выводит из этого святилища суд и избавление (Пс. 98 и *passim*). В святилище Святой соединен со своим народом. Соединение это и примирение возможно только в святилище (Лев. 16, 16 сл.). Бог заключает союз со своим народом. Он отделяет его, делает своей собственностью и сам за этот союз ручается. "Святы будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш" (Лев. 19, 2), и "свят Я Господь, освящающий вас" (Лев. 21, 8). Вот основа союза. У всех законов, которые даны народу и которые он должен праведно блюсти, одна предпосылка и цель — святость Бога и его общины.

Как сам Бог в своей святости отделен от всего мирского и от греха, так и община его святилища. Он сам ее избрал. Он сделал ее общиной своего союза. Он примирился с ней и очистил ее в святилище. А святилище — это Храм, а Храм — тело Христово. Поэтому в теле Христовом исполняется воля Бога о святой общине. Отделенное от мира и греха, ставшее собственностью Бога, тело Христово есть Божье святилище в мире. Бог обитает в нем со Святым Духом.

Как это происходит? Как из греховных людей создает себе Бог общину святых, совершенно отделенную от греха? Как избегает Бог обвинения в неправедности, соединившись с грешниками? Как может одновременно и грешник быть оправдан и Бог — остаться праведным?

*Бог оправдывает себя сам*, Он дает доказательство своей праведности. На кресте Иисуса Христа происходит чудо оправдания Бога перед собой и перед людьми (Рим. 3, 21 сл.). Грешник должен быть оторван от греха — и все же жить перед Богом. А разрыв с грехом возможен для грешника только через смерть. Его жизнь настолько греховна, что он должен умереть, чтобы освободиться от греха. И Бог может быть оправдан, лишь убив грешника. Но ведь грешник должен жить и быть свят перед Богом? Как это возможно?

Бог сам стал человеком, Он сам принял нашу плоть в Иисусе Христе, в своем Сыне; в своем теле Он понес нашу плоть на крестную смерть. Бог убивает своего Сына, несущего нашу плоть, и вместе со своим Сыном Он уни-

вает все то, что есть земная плоть. И тогда становится ясно, что никто не благ кроме единого Бога, и что только Бог праведен. Так Бог дал страшное свидетельство своей праведности (*endeixis tes dikaiosynes autou* — Рим. 3, 26) в смерти своего Сына. Бог должен был судом гнева предать все человечество смерти на кресте, чтобы *только* Он был оправдан. Праведность Бога открывается в смерти Иисуса Христа. Смерть Иисуса Христа есть место, где Бог дает милостивое доказательство своей праведности, где с этих пор живет только праведность Бога. Кто сможет стать причастен этой смерти, станет причастен и Божьей праведности. Но Христос принял *нашу* плоть и своим телом *наши* грехи вознес на древо (1 Петр 2, 24). Произшедшее с Ним произошло со всеми нами. Он стал участником нашей жизни и смерти, поэтому мы получили часть в его жизни и смерти. Если праведность Божья должна была явиться в смерти Христа, то и мы теперь вместе с Ним там, где живет праведность Божья, — на его кресте, ибо Он понес нашу плоть. Поэтому, быв убиты, мы стали причастны праведности Божьей в смерти Иисуса. Убивающая нас, грешников, праведность Бога стала в смерти Иисуса его праведностью для нас. Если в смерти Иисуса восстановлена Божья праведность, то она восстановлена и для нас, включенных в смерть Иисуса. Бог показывает свою праведность, "да явится (только) Он праведным и оправдывающим того, кто из веры в Иисуса" (Рим. 3, 26). Оправдание грешника состоит в том, что праведен *только* Бог, а он целиком неправеден, — а не в том, что и он сам еще праведен наряду с Богом. Всякое намерение самому стать праведным отрывает нас от оправдания единственным оправданием Божьим. Праведен только Бог. Это узнается в кресте как произнесенный над всеми нами приговор. Но вошедший верой в крестную смерть Иисуса получает там, где он как грешник приговорен к смерти, торжествующую на кресте праведность Бога. Он узнаёт оправдание именно как тот, кто не может и не хочет сам быть праведен, но признаёт, что праведен *только* Бог. Ибо не иначе может человек вправду приготовиться перед Богом, как познав, что только Бог праведен, а он, человек, целиком и полностью грешен. Вопрос, каким образом мы, грешники, можем быть оправданы перед Богом, — это, по сути, вопрос, каким образом *только* Бог оправдан по отношению к нам. Основа нашего оправда-

ния — только в оправдании Бога, так что “Ты (Бог) праведен в словах Твоих и победишь в суде Твоем” (Рим. 3, 4).

Речь только о победе Бога над нашей неправедностью, о том, чтобы Бог остался праведен перед собой, о том, что праведен только Он. Эта победа Бога одержана в кресте. Поэтому крест — не только суд, но и примирение (*hilastion*, ст. 25) для всех верящих, что в смерти Иисуса праведен только Бог, и признающих свой грех. Праведность Бога сама создает (*proetheto*, ст. 26) примирение. “Бог во Христе примирил с Собою мир” (1 Кор. 5, 19 сл.). “Не вменяя людям грехов их”, Он понес их сам и за это терпел смерть грешника. Он “дал нам слово примирения”. Этому слову нужна вера, вера в то, что праведен один Бог и что Он стал и нашей праведностью в Иисусе. Но между смертью Христа и вестью о кресте — его воскресение. Над нами властен лишь крест Воскресшего. Весть о Распятии — всегда весть о Том, кто не остался в смерти. “Итак мы — посланники от имени Христова, и как бы сам Бог увещевает чрез нас, от имени Христова просим: примиритесь с Богом”. Весть примирения — слово самого Христа. Воскрес Тот, о ком как о распятии нам говорит слово апостола: смертью Иисуса Христа вернитесь в праведность Бога, в этой смерти нам дарованную. Кто войдет в смерть Иисуса, войдет и в единую праведность Бога. “Ибо не знавшего греха Он сделал ради нас грехом, чтобы мы в Нем стали праведностью Бога”<sup>1</sup>. Невинный убит, ибо понес нашу греховную плоть, Он ненавидим и проклят Богом и миром, сделан грехом ради нашей плоти. А мы в его смерти обретаем праведность Бога.

Мы в Нем, поскольку Он вочеловечился. И Он умер за нас, чтобы мы, грешники, в Нем стали праведностью Бога как те грешники, которым единая праведность Бога отпустила грех. Если Христос перед Богом — наш грех, который должен быть осужден, то мы в Нем — праведность, но, разумеется, не наша собственная праведность (*hidia dikaiosyne* — Рим. 10, 3; Фил. 3, 9), а в самом строгом смысле слова праведность Бога. Праведность Бога в том, что мы, грешники, стали его праведностью, а наша, то есть Его, праведность (Ис. 51, 7) — в том, что праведен только Бог, а мы — принятые Им грешники. Праведность Бога — это сам Христос (1 Кор. 1, 30). И Христос — “С нами Бог”, “Еммануил” (Ис. 7, 14), “Господь — наша праведность” (Иер. 33, 16).

Для нас весть о смерти Христа — проповедь оправдания. Вхождение в члены тела Христова, то есть в его смерть и воскресение, — это крещение. Христос умер однажды, поэтому крещение и оправдание даются нам однажды и навсегда. Они в самом буквальном смысле *неповторимы*. Повторимо только воспоминание о том, что с нами однажды и навсегда случилось, и не только *повторимо*, но и должно быть повторяемо каждый день. Однако воспоминание отличается от самого события. Для того, кто утратил это событие, никакое повторение уже невозможно. Об этом говорит Послание к евреям (6, 5 сл. и 10, 26 сл.). Если соль станет пресной, как ее посолить? Для крещеных это звучит так: Разве вы не знаете..? (Рим. 6, 3; 1 Кор. 3, 16 и 6, 19) — и: Почитайте себя мертвыми для греха, живыми же для Бога во Христе Иисусе (Рим. 6, 11). Все уже произошло — не только на кресте Иисуса, но и с вами. Вы оторваны от греха, вы мертвы, вы оправданы. И значит, Бог совершил свой труд. Он праведностью основал свое святилище на земле. Святилище это — Христос, тело Христово. Отрыв от греха совершен смертью грешника в Иисусе Христе. У Бога есть оправданная от греха община. Это община учеников Иисуса, община святых. Они приняты в его святилище, они сами суть его святилище, его Храм. Они взяты из мира и живут посреди мира в новом собственном пространстве.

Поэтому христиане в Новом Завете зовутся только “святые”. Другое имя, о котором тоже можно было бы подумать, — “праведные” — не появляется. Оно не смогло бы так же охватить всю полноту полученного дара. Оно сводится к однократному событию крещения и оправдания. И пусть даже воспоминание об этом событии нужно каждый день повторять; пусть святые — это оправданные грешники; но вместе с однократным даром крещения и оправдания, вместе с каждодневным воспоминанием о них нам в смерти Христа даровано еще и хранение нашей жизни как оправданных вплоть до Страшного Суда. А так хранимая жизнь и есть освящение. У обоих даров — одно основание: распятый Иисус Христос (1 Кор. 1, 2 и 6, 11). У обоих даров одно содержание: общность с Христом. Оба дара неразрывно связаны. Но именно поэтому они не совпадают. Если оправдание делает христианина причастным к единожды совершённой деянию Бога, то освящение говорит ему о настоящих и будущих действиях Бога.



Если оправдание вводит христианина через однократную смерть в общность Иисуса Христа, то освящение хранит его в том пространстве, куда он введен, — в Христе, в общине. Если при оправдании на первом плане — отношение человека к Закону, то при освящении самое главное — обособление от мира вплоть до второго пришествия. Если оправдание делает отдельного человека членом общины, то освящение хранит общину вместе со всеми ее членами. Оправдание — отрыв верующего от его греховного прошлого, а освящение — его пребывание с Христом, стояние в вере, возрастание в любви. Позволительно, может быть, сравнить оправдание и освящение с творением и сохранением сотворенного мира. Оправдание творит нового человека, освящение хранит его до прихода Иисуса Христа.

В освящении исполняется воля Бога: “Святы будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш” и “свят Я Господь, освящающий вас”. Исполнение это совершает Бог, Святой Дух. В Нем завершается труд Бога над человеком. Он — “печать”, которая кладется на верующих как на собственность Бога вплоть до дня избавления. Как прежде они были заключены под Законом как в запертой тюрьме (Гал. 3, 23), так теперь верующие заключены “в Христе” и запечатаны печатью Бога — Святым Духом. Никто не сможет эту печать сломать. Замкнул сам Бог, и ключ у Него в руке. Это значит, что теперь Бог полностью владеет теми, кого приобрел в Христе. Круг замкнулся. В Святом Духе человек стал собственностью Бога. Запертая от мира нерушимой печатью, община святых ждет окончательного избавления. Община идет сквозь мир как опечатанный поезд по чужой стране. У этой замкнутости одна цель — избавление, выход на свободу, спасение (Еф. 4, 30; 1, 13—14; 1 Фес. 5, 23; 1 Петр 1, 5 и проч.) при пришествии Христа. А залог, ручающийся запечатанным за их спасение, — сам Святой Дух. “Дабы послужить к похвале славы Его нам, которые ранее уповали на Христа; в Нем и вы, услышавши слово истины, благовествование вашего спасения, и уверовавши в Него, запечатлены обетованным Святым Духом, который есть залог наследия нашего, для искупления удела Его, в похвалу славы Его” (Еф. 1, 12—14).

Освящение общины — в том, что она отделена Богом от несвятого, от греха. Ее освящение — в том, что печать

делает ее уделом Бога, жилищем Бога на земле, местом, откуда на весь мир распространяются суд и примирение. Освящение — в том, что отныне христиане направлены и хранимы к пришествию Христа и идут ему навстречу.

Для общины святых из этого следует тройной вывод: их освящение скажется в четком *обособлении от мира*. Их освящение скажется в *образе жизни, достойном* Божьего святилища. Их освящение будет скрыто в *ожидании* прихода Иисуса Христа.

Поэтому освящение существует только (и это *во-первых*) в видимой общине. Зримость общины — решающий признак освящения. Притязание общины на место в мире и, тем самым, отграничение от прочего пространства мира свидетельствуют, что она освящена. Печать Святого Духа запечатлевает общину от мира. В силу этой печати община должна заявить право Бога на весь мир и одновременно потребовать себе определенное место в мире, четко проведя границу между миром и собой. Раз община есть самим Богом на земле заложенный город на горе — “полис” (Мф. 5, 14), раз на нее как на достояние Бога наложена его печать, то “политическая” сторона — неотъемлемая часть ее освящения. Единственный исток “политической этики” общины — в ее освящении, в том, что мир — это мир, а община — община, в том, что слово Бога идет от общины по всему миру, ибо “Господня земля и что наполняет ее”; вот в чем “политический характер” общины. Личное освящение, желающее миновать эту гласную и зримую отграниченность общины от мира, пускает благочестивые желания религиозной плоти и освященные общины, осуществленное Божьей печатью в смерти Христа. Это лживая гордыня и лжедуховная страсть ветхого человека, желающего стать святым помимо видимой общины братьев. За смирением такой погруженности в себя кроется презрение к телу Христову — к зримой общине оправданных грешников. Презрение к телу Христову — ибо Христу было угодно зримо принять мою плоть и вознести на крест; презрение к общине — ибо я хочу святости для себя помимо братьев; презрение к грешникам — ибо я ухожу от греховного образа моей Церкви в самовольно избранную святость. Освящение вне видимой общины — это самоканонизация.

Освящение печатью Святого Духа ввергает общину в постоянную борьбу. В сущности, борьба идет за саму пе-

чать: чтобы ее не сломали ни извне, ни изнутри, чтобы ни мир не стал церковью, ни Церковь — миром. Борьба Церкви за место, данное на земле телу Христову, — это ее освящение. Обособление мира от Церкви и Церкви от мира — это священная борьба Церкви за святилище Бога на земле.

Святилище есть только в видимой общине. Но (и это *во-вторых*), обособившись от мира, община живет в святилище Бога, а в общине, в святилище, живет часть мира. Потому святые должны во всем быть достойны своего призвания и Евангелия (Еф. 4, 1; Фил. 1, 27; Кол. 1, 10; 1 Фес. 2, 12); но достойны они лишь ежедневной памятью о Евангелии, которым живы. “Омылись, освятились, оправдались” (1 Кор. 6, 11). Ежедневно жить этой памятью — их освящение. А весть, которой они должны быть достойны, — весть о том, что мир и плоть умерли, что они распяты и умерли с Христом на кресте и в крещении, что грех уже не господствует, ибо его господство сокрушено, и что поэтому уже невозможно, чтобы христианин грешил. “Всякий, рожденный от Бога, не делает греха” (1 Ио. 3, 9).

Разрыв совершён. С “прежним” образом жизни покончено (Еф. 4, 22). “Вы были некогда тьма, а теперь — свет в Господе” (Еф. 5, 8). Прежде они совершали постыдные и “бесплодные дела тьмы”, а теперь Дух приносит плод освящения.

Поэтому христиан уже нельзя называть “грешники”, поскольку это слово обозначает живущих под властью греха (*hamartoloi*, ср. единственное исключение — о самом себе: 1 Тим. 1, 15), напротив: прежде они были грешниками, безбожниками, врагами (Рим. 5, 8 и 10; Гал. 2, 15 и 17), а теперь — святые ради Христа. Им — святым — напоминают, кто они. Не требуют невозможного: чтобы грешники стали святыми — это было бы полным ниспадением в суету и хулой на Христа; нет: пусть святые будут святы — ибо их освятил Святой Дух во Христе Иисусе.

Жизнь святых выступает на пугающе черном фоне. Ясный свет жизни в Духе до конца выявляет темные дела плоти: “прелюбодеяние, блуд, нечистота, непотребство, идолослужение, волшебство, вражда, ссоры, зависть, гнев, распри, разногласия, (соблазны), ереси, ненависть, убийство, пьянство, бесчинство и тому подобное” (Гал. 5, 19 сл.). Все это уже нет места в общине Христа. Все это прекращено, казнено на кресте и закончено. Христи-

анам сразу сказано, что “поступающие так Царствия Божия не наследуют” (Гал. 5, 21; Еф. 5, 5; 1 Кор. 6, 9; Рим. 1, 32). Такие грехи отрывают от вечного спасения. Но стань все же известно, что какой-то из этих пороков есть в общине, то сразу должно последовать исключение из общности (1 Кор. 5, 1 сл.).

Примечательно, что между всеми так называемыми списками пороков есть существенное сходство. Почти всегда на первом месте стоит грех блуда (*porneia*), несовместимый с новой жизнью христианина. Затем чаще всего идет грех стяжательства (*pleonexia* — 1 Кор. 5, 10; 6, 10; Еф. 4, 19; 5, 3 и 5; Кол. 3, 5; 1 Фес. 4, 4 сл.), объединенный с первым под именем “идолопоклонства” и “нечистоты” (1 Кор. 5, 10; 6, 9; Еф. 5, 3 сл.; Гал. 5, 19; Кол. 3, 5 и 8). Затем идут грехи против любви к брату, наконец — грех чревоугодия<sup>2</sup>. Разумеется, грех блуда открывает перечисление не случайно. Причина — не в особых условиях той эпохи, а в особом характере этого греха. В нем оживает грех Адама — желание самому стать как Бог, стать творцом жизни, господствовать, а не служить. В нем человек переходит установленные Богом границы и посягает на Божье творение. Грехом Израиля было, что он то и дело нарушал верность своему Господу и занимался “идолопоклонством и блудодейством” (1 Кор. 10, 7 сл.), впадал в них. Блуд — это, прежде всего, грех против Бога-Творца. А для христиан — еще и грех против тела самого Христа; ибо тело христианина часть тела Христова. Оно поэтому принадлежит только Христу. А плотское соединение с блудницей упраздняет духовную общность с Христом. Кто отнимает свое тело у Христа и предаёт греху, тот от Него отрывается. Блуд есть грех против собственного тела. Но христианин обязан знать, что его тело — храм Святого Духа, живущего в нем (1 Кор. 6, 13–19). Так тесна общность тела христианина с Христом, что не может его тело принадлежать еще и миру. Общность в теле Христовом запрещает христианину грех против своего тела. На блудного падет гнев Божий (Рим. 1, 29; 1 Кор. 5, 1 сл.; 7, 2; 10, 8; 2 Кор. 12, 21; Евр. 12, 16; 13, 4). Христианин целомудрен, он полностью отдает свое тело на служение телу Христову. Он знает, что страдание и смерть Христа на кресте касаются и его тела и что оно вручено смерти. Общность с измученным и прославленным телом Христа освобождает христианина от распушенности плот-

ской жизни. В этой общности каждый день умирают неприрученные желания плоти. Строго и воздержно служит христианин только воздвижению тела Христова, общины. Служение это осуществляется и в браке, и так брак тоже становится частью тела Христова.

С блудом связано стяжательство. Ненасытимость желания обща им обоим и отдаст стяжателя во власть мира. Не пожелай, говорит заповедь Бога. И распутник и стяжатель сведены к своим желаниям. Распутник желает овладеть другим человеком. Стяжатель — благами мира. Стяжатель хочет господства и власти, а становится рабом мира, которому подчиняет свое сердце. Блуд и стяжательство приводят человека в такое соприкосновение с миром, которое его пятнает и делает нечистым. Блуд и стяжательство — идолопоклонство, ибо в них сердце человека принадлежит уже не Богу и Христу, а благам его собственного мира, которых оно алчет.

Но кто сам творит себе Бога и мир и для кого Богом становится его собственная страсть, тот неизбежно ненавидит брата, стоящего у него на пути и препятствующего его желаниям. Распри, ненависть, зависть, убийство — все происходит от собственных желаний человека. “Откуда у вас вражды и распри? не отсюда ли, от вожделений ваших, воюющих в членах ваших?” (Иак. 4, 1). Блуднику и стяжателю недоступна любовь к брату. Он живет во тьме собственного сердца. Греша против тела Христова, он грешит и против брата. Блуд и любовь к брату исключают друг друга — из-за тела Христова. Тело, отнятое мною из общности тела Христова, не может служить и ближнему. А за пренебрежением к собственному телу и к брату идет наглое, безбожное чревоугодие — пьянство и обжорство. Пренебрегающие своим телом подчиняются своей плоти и “их бог — чрево” (Фил. 3, 19). Отвратительность этого греха заключается в том, что мертвая плоть хочет себя ублажать и так позорит еще и внешний образ человека. Чревоугодник непричастен телу Христа.

Для общины мир этих пороков — в прошлом. От тех, кто живет в этих пороках, община отделилась и должна отделяться снова и снова (1 Кор. 5, 9 сл.); ибо “что общего у света со тьмою?” (2 Кор. 6, 14). Там — “дела плоти”, здесь — “плод Духа” (Гал. 5, 19 сл.; Еф. 5, 9).

Что значит “плод”? “Дел плоти” мною, но плод Духа есть только один. Дела совершаются рукой человека, а

плод возникнет и растет незаметно для дерева. Дела мертвы, а плод жив и несет семя, от которого возникает новый плод. Дела могут существовать сами по себе, плода не бывает без дерева. Плод — всегда что-то вполне чудесное, сотворенное, он — итог не желания, а роста. Плод Духа — дар, сотворенный только Богом. Тот, кто его приносит, так же о нем не ведает, как и дерево — о своем. Он знает только о силе Того, кем он жив. Никакой похвалы здесь нет, есть только все более глубокое единение с источником — с Христом. Сами святые не знают о плоде освящения, который они приносят. Левая рука не знает, что делает правая. Захоти они что-нибудь о нем знать, захоти они впасть в самонаблюдение, тогда бы они оторвались от корня и время их плодоношения миновало бы. “Плод же Духа: любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание” (Гал. 5, 22). Наряду со святостью общины здесь в самом ясном свете выступает святость отдельного человека. Но источник тот же самый — общность с Христом, общность в том же теле. Как обособление от мира зримо совершается только в продолжающейся борьбе, точно так же и личное освящение — в борьбе духа против плоти. Святые видят в своей жизни только боренья, слабость, нужду и грех; и чем щедрее их плод в освящении, тем больше видят они в себе побежденных, умерших по плоти. “Те, которые Христовы, распяли плоть со страстями и похотями” (Гал. 5, 24). Они живут еще в плоти, но именно поэтому вся их жизнь должна быть верой в Сына Божьего, живущего в них (Гал. 2, 24). Христианин умирает каждый день (1 Кор. 15, 31), но если плоть его от этого страдает и гибнет, то внутренний человек обновляется с каждым днем (2 Кор. 4, 6). Единственная причина умирания святых по плоти — в том, что в них Святым Духом живет Христос. Святые умирают в Христе и его жизни. Им уже не нужно самим искать каких-то собственных страданий, которые бы их только еще раз утвердили в плоти. Каждый день их жизнь и их смерть — Христос.

Потому к ним в полной мере относится радость о том, что рожденный от Бога больше не может грешить, что грех над ним уже не властен, что он умер для греха и живет в Духе<sup>3</sup>. “Итак нет ныне никакого осуждения тем, которые во Христе Иисусе” (Рим. 8, 1). Бог любит своих святых, ибо Он — источник их борьбы и умирания, и пло-

да освящения, в котором святые пусть будут совершенно уверены, хотя он от них скрыт. Конечно, это не значит, что из-за вести о прощении в общине и впредь могут царить блуд, жадность, убийство, ненависть. И это не значит также, что плод освящения может остаться незрим. Но именно тогда, когда он становится зрим, когда мир, глядя на христианскую общину, должен, как в первые дни христианства, сказать: “Смотрите, как они любят друг друга” — именно тогда святые будут смотреть неуклонно и исключительно на Того, кому принадлежат, будут, не ведая о своем добре, просить о прощении грехов. Те самые христиане, которые усвоили, что грех уже не властен, будут исповедовать: “Если говорим, что не имеем греха, — обманываем самих себя, и истины нет в нас. Если исповедуем грехи наши, то Он, будучи верен и праведен, простит нам грехи (наши) и очистит нас от всякой неправды. Если говорим, что мы не согрешили, то представляем Его лживым, и слова Его нет в нас. Дети мои! сие пишу вам, чтобы вы не согрешали; а если бы кто согрешил, то имеем Ходатая пред Отцем, Иисуса Христа, Праведника” (1 Ио. 1, 8–2, 1). И сам Господь научил их молитве: прости нам долги наши. И Он им велел непрестанно друг другу прощать грехи (Еф. 4, 32; Мф. 18, 22 сл.). Братски прощая друг другу, христиане дают место Христову прощению у себя в общине. В другом они уже видят не того, кто их чем-то обидел, но того, кто на кресте прощен Христом. Они видят друг в друге освященных крестом Иисуса. Под этим крестом в ежедневном умирании освящается их мысль, слово, тело. Под этим крестом растет плод освящения.

Община святых — это не “идеальная” община безгрешных и совершенных. Это не община чистых, отказывающаяся грешнику в покаянии. Напротив, это именно та община, которая оказывается достойной Евангелия о прощении грехов, поскольку в ней возвещается истинное Божье прощение, не имеющее ничего общего с прощением грехов себе самому; община тех, кого настигла дорогая милость Бога и кто ходит достойно Евангелия, поскольку не тратит его понапрасну.

Из этого следует, что прощение может проповедоваться лишь в той общине, где проповедуется и покаяние, где Евангелие сопровождается проповедью Закона, где грехи не только прощаются и прощаются не безусловно, но и

замечаются. И воля самого Господа была, чтобы Евангелие не давали псам, но проповедовали под защитой проповеди покаяния. Община, не называющая грех грехом, не вызовет доверия, если захочет простить грех. Она грешит против святилища, она ходит недостойно Евангелия. Она — не святая община, ибо не дорожит дорогим прощением Бога. Нужны не сетования по поводу вообще греховности человека даже в его хороших делах, нет, нужно называть, карать и судить конкретные грехи. Это и есть верное применение *власти ключей* (Мф. 16, 19; 18, 18; Ио. 20, 23), которую Господь вручил Церкви и о которой так убедительно говорили еще в Реформацию. Ради святилища, ради грешника и ради общины в общине должен применяться ключ запрета, ключ надзора. В достойное отношение общины к Евангелию входит и *общинная дисциплина*. Как освящение приводит к отсечению общины от мира, так оно должно приводить и к отсечению мира от общины. Первое без второго — поделка и ложь.

Общинная дисциплина служит не учреждению общины совершенных, а строительству общины тех, кто воистину живет под прощающим милосердием Бога. Общинная дисциплина служит дорогой милости Бога. Грешника в общине должен постичь выговор и наказание, чтобы он не утратил спасения и чтобы не злоупотребляли Евангелием. Поэтому милость крещения может получить лишь тот, кто кается и исповедует веру в Иисуса Христа. Поэтому милость причастия может получить лишь тот, кто умеет отличать (1 Кор. 11, 29) истинное тело и кровь Иисуса Христа во прощение грехов от трапезы символического или иного рода. И нужно еще, чтобы он мог удостоверить свое исповедание веры, чтобы он себя “испытывал” или был испытан братьями, истинно ли он желает тела и крови Христовых и его прощения. К *испытанию веры* добавляется *исповедь*, в которой христианин ищет и получает удостоверение в прощении грехов. В ней Бог помогает грешнику избежать опасности власти в самообман и самому простить себе грехи. В исповедании грехов перед братом умирает плоть с ее гордостью. Вместе с Христом она предается на позор и смерть, и слово прощения возрождает нового человека, уверенного в милосердии Божьем. Поэтому исповедь есть часть жизни святых. Она — милостивый дар Божий, которым нельзя злоупотреблять безнаказанно. В исповеди принимается дорогая

милость Бога. Ее образец — смерть Христа. “Потому, призывая к исповеди, ни к чему иному призываю, как быть христианином” (Лютер, Большой катехизис).

Дисциплина управляет всей жизнью общины. Здесь есть последовательность ступеней, обоснованная служением милосердия. Источник любого применения власти — слова об обоих ключах. Дисциплина не ограничена богослужебными собраниями, — нет, носитель общинной власти помнит свой долг всегда. “Проповедуй слово, настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещивай со всяким долготерпением и назиданием” (2 Тим. 4, 2). Вот начало общинной дисциплины. Но при этом сразу надо сказать, что наказывать можно только явные грехи. “Грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых открываются впоследствии” (1 Тим. 5, 24). И значит, общинная строгость избавляет от кары Страшного Суда.

Но если общинная дисциплина отсутствует уже на этой — первой — ступени, то есть в повседневном служении пастыря, то, значит, и все остальное поставлено под вопрос. Вторая же ступень — это братское вразумление, которое члены общины обращают друг к другу: “научайте и вразумляйте друг друга” (Кол. 3, 16; 1 Фес. 5, 11 и 14). Вразумление — это и утешение малодушных и поддержка слабых, и терпеливость со всеми (1 Фес. 5, 14). Лишь так можно противостоять повседневным искушениям и падениям в общине.

А когда в общине исчезает это братское служение, тогда трудно по-настоящему достичь третьей ступени. Ведь если брат все-таки впадет в явный грех словом или делом, то у общины должна найтись сила применить к нему собственноручные дисциплинарные меры. Но этот путь долог: прежде всего община должна суметь отделиться от грешника. “Не сообщайтесь с ним” (2 Фес. 3, 14), “Уклоняйтесь от них” (Рим. 16, 17), “С таким даже и не ешьте вместе” (о причастии?) (1 Кор. 5, 11), “Таковых удаляйся” (2 Тим. 3, 5; 1 Тим. 6, 5). “Завещаем же вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа (!), удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас” (2 Фес. 3, 6). Такое поведение общины нужно, чтобы “устыдить” грешника (2 Фес. 3, 14) и тем самым вернуть его общине. Конечно же, удаление от грешника подразумевает и его временное исключение из

обрядов общины. И все же это удаление от явного грешника не упраздняет сразу всякую общность с ним. Напротив, пусть община, отделившись от грешника, и впредь обращает к нему слова вразумления. “Но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата” (2 Фес. 3, 15). Грешник — по-прежнему брат, потому-то и дает ему община наказание и вразумление. Применять общинную строгость позволяет только братское милосердие. Строптивых надо наставлять со всей кротостью, злых — терпеливо, “не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю” (2 Тим. 2, 25–26). Способы вразумления будут разными для разных грешников, но цель всегда одна — привести к покаянию и примирению. Если грех может остаться между тобою и братом, то не разглашай его грех, а, напротив, накажи и призови к покаянию наедине, и тогда “приобрел ты брата”. А если он тебя не слушает, а упорствует в грехе, то найди одного или двух свидетелей (Мф. 18, 15 сл.). Свидетели нужны как для подтверждения факта греха (то есть если он недоказуем или если член общины его отрицает, то дело надо поручить Богу; братья — свидетели, а не инквизиторы!), так и из-за нежелания брата покаяться. Скрытность увещаний должна облегчить грешнику обращение. Но если он и тогда не послушает или если грех все же стал явен перед всей общиной, то вразумление грешника и призыв к покаянию становятся делом всей общины (Мф. 18, 17; ср. 2 Фес. 3, 14). А если согрешит носитель сана в общине, то его обвинить можно только по жалобе двух или трех свидетелей. “Согрешающих обличай пред всеми, чтоб и прочие страх имели” (1 Тим. 5, 20). Тогда община призвана вместе с должностными лицами осуществлять власть ключей. Гласный приговор требует и гласного участия общины и должностного лица. “Пред Богом и Господом Иисусом Христом и избранными Ангелами заклинаю тебя сохранить сие без предубеждения, ничего не делая по пристрастию” (1 Тим. 5, 21); ибо теперь над грешником должен прозвучать приговор самого Бога. Если он искренне покается и гласно признает свой грех, то получит прощение всех грехов во имя Бога (ср. 2 Кор. 2, 6 сл.), а если упорствует в своем грехе, то во имя Бога община должна оставить грех на нем. А это значит — исключить из всякой общности в общине. “Да будет он тебе, как язычник и

мытарь” (Мф. 18, 17). “Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе... Ибо, где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них” (Мф. 18, 18 и 20). Но исключение из общины только подтверждает уже совершившийся факт: что не желающий каяться грешник “самоосужден” (Тит. 3, 11).

Его осудила не община, а он сам. Павел называет это окончательное исключение “предать сатане” (1 Кор. 5, 5; 1 Тим. 1, 20). Виновного возвращают миру, в котором правит сатана и всевластна смерть. (Из сопоставления с 1 Тим. 1, 20 и 2 Тим. 2 17; 2 Тим. 4, 15 ясно, что здесь не имеется в виду наказание смертью, как в пятой главе Деяний.) Виновный изгнан из общности тела Христова, ибо он сам от нее уже отделился. Никаких прав на общину у него уже нет. И все же и этот последний шаг еще остается частью служения спасительной цели по отношению к грешнику — “чтобы дух был спасен в день Господа нашего Иисуса” (1 Кор. 5, 5), “чтобы они научились не богохульствовать” (1 Тим. 1, 20). Целью всех мер со стороны общины остаются возврат грешника в общину и достижение им спасения. Все эти меры — педагогические<sup>4</sup>. И приговор общины, имеющий силу в вечности, где покаяние уже невозможно, этот приговор, в котором грешник лишается спасения, — есть лишь самое последнее предложение общины в общине и в спасении<sup>4,5</sup>.

Так освящение общины хранится в ее поведении, достойном Евангелия. Она приносит плод Духа и хранит Слово. Во всем она остается общиной тех, чье освящение — только Христос (1 Кор. 1, 30), и идет навстречу дню второго пришествия.

И мы подходим к *третьему* определению настоящего освящения. Всякое освящение предназначено для того, чтобы устоять в день Иисуса Христа. “Старайтесь иметь святость, без которой никто не увидит Господа” (Евр. 12, 14). Освящение всегда связано с концом. Его цель не в том, чтобы устоять перед приговором мира или перед своим собственным, а в том, чтобы устоять перед приговором Господа. Пусть в глазах мира и в их собственных святости их будет грехом, вера — неверием, любовь — черствостью, строгость — слабостью. Их истинная святость остается скрыта. Но Христос сам готовит такую общину, которая сможет устоять перед Ним. “Мужья, любите своих

жен, как и Христос возлюбил Церковь и предал Себя за нее, чтобы освятить ее, очистив банею водною, посредством слова; чтобы представить Себе ее славною Церковью, не имеющею пятна, или порока, или чего-либо подобного, но дабы она была свята и непорочна” (Еф. 5, 25–27; Кол. 1, 2; Еф. 1, 4). Перед Иисусом Христом устоит только святая община; Примиривший врагов с Богом и Отдавший свою жизнь за безбожных освящает свою общину вплоть до своего пришествия. Этому причина — печать Святого Духа, которой святые замкнуты в святилище общины и хранимы вплоть до дня Иисуса Христа. В тот день они предстанут перед Ним без пятна и порока, освященные и непорочные духом, душой и телом (1 Фес. 5, 23). “Или не знаете, что неправедные Царства Божия не наследуют? Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники — Царства Божия не наследуют. И такими были некоторые из вас; но омылись, но осветились, но оправдались именем Господа нашего Иисуса Христа и Духом Бога нашего” (1 Кор. 6, 9–11). Потому никто пусть не настаивает на милости Божьей, если хочет упорствовать в грехе! В день Иисуса Христа от гнева спасется лишь освященная община, ибо Господь будит судить по делам и не взирая на лица. И всякое дело станет явным, и Он даст всякому “соответственно тому, что он делал, живя в теле, доброе или худое” (2 Кор. 5, 10; Рим. 2, 6 сл.; Мф. 16, 27). Не успевшее получить приговор на земле не останется скрыто в день суда, все выйдет на свет. Кто же устоит? Представший с добрыми делами. Будет оправдан не слушатель, но исполнитель закона (Рим. 2, 13). Сам Господь сказал, что в его небесное Царство войдут лишь те, кто исполняет волю его небесного Отца.

Раз нас будут судить по нашим делам, то нам заповедано “доброе дело”. Библии совершенно чужд страх перед добрыми делами, которым мы хотим оправдать наши дурные дела. Писание нигде не противопоставляет веру добрым делам, не представляет доброе дело подрывом веры, напротив — вере мешает и ее уничтожает дело дурное. Милость и действие взаимосвязаны. Нет ни веры без добрых дел, ни добрых дел без веры<sup>6</sup>. Христианину добрые дела необходимы ради спасения; ибо представший с дурными делами не увидит Царства Божьего. Потому доброе

дело есть цель христианской жизни. Раз в этой жизни важно лишь одно: устоит ли человек на последнем суде — и раз каждый будет судим по своим делам, то всегда важнее всего готовность христианина к доброму делу. И сотворение нового человека в Христе имеет целью добрые дела. “Ибо благодатию вы спасены чрез веру, и сие не от вас, Божий дар: не от дел, чтобы никто не хвалился. Ибо мы — Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять” (Еф. 2, 8–10; ср. 2 Тим. 2, 21; 3, 17; Тит. 1, 16; 3, 1, 8, 14). Здесь все ясно. Цель — творить доброе дело, которого требует Бог. Закон Бога утверждён и должен быть исполнен (Рим. 3, 31). Затем и нужно доброе дело. Но доброе дело есть лишь одно — дело Бога в Христе Иисусе. Мы спасены делом самого Бога в Христе, а не нашими делами. Потому нам не выпадает славы за наши дела, ибо мы — его дело. Но мы заново сотворены в Христе, чтобы в Нем придти к добрым делам.

И все наши добрые дела — добрые дела самого Бога, к которым Он нас приготовил. И хотя добрые дела заповеданы нам для нашего спасения, всё же добрые дела — только те дела, которые в нас творит сам Бог. Они суть его дар. Жить в добрых делах должны мы сами, от нас самих каждый миг требуются добрые дела, и все же мы понимаем, что с нашими делами нам никогда не устоять на Божьем Суде и что нам не на что полагаться кроме как на Христа и его дело. Поэтому Бог обещает добрые дела тем, кто во Христе Иисусе, Он обещает сохранить их в освящении до дня Иисуса. И все, что мы можем, — это верить слову Бога и жить в добрых делах, к которым Он нас приготовил.

Поэтому наше доброе дело целиком убрано с наших глаз. Наше освящение остается скрыто от нас вплоть до того дня, когда все станет явно. Если кто-то захочет что-то увидеть, захочет сам стать явен уже здесь вместо того, чтобы терпеливо ждать, тот уже получил свою награду. Именно в нашем будто бы заметном продвижении в святости, о котором мы хотели бы радоваться, мы и призваны по-настоящему покаяться и признать, что наши добрые дела насквозь греховны. Но к тем большей радости о нашем Господе мы призваны. Лишь Бог знает наши добрые дела, а мы знаем только его доброе дело и слушаем его заповедь и живем под его милостью, ходим по его за-

поведям и грешим. И нужно, чтобы новая праведность, освящение, свет, который светит, оставались скрыты от нас. Левая рука не знает, что делает правая. Но мы верим, мы уверены, что “начавший в вас *доброе дело* будет совершать (его) даже до дня Иисуса Христа” (Фил. 1, 6). В тот день сам Христос явит нам добрые дела, о которых мы не знали. Сами не зная, мы Его накормили, напоили, одели и посетили, и сами не зная, мы Его от себя оттолкнули. Тогда будет великое изумление, и мы узнаем, что устоят не наши дела, а то дело, которое в срок без нашего желания и старания через нас творил Бог (Мф. 25, 31 сл.). Поэтому нам снова остается лишь одно: смотреть не на себя, а на Того, кто все для нас уже совершил, и идти Ему вслед.

*Верующий оправдан, оправданный освящен, освященный спасен на суде*, не потому, что наша вера, наша праведность, наше освящение, если они у нас есть, чем-то отличаются от греха, а потому, что Иисус Христос сделал нас “*праведностью и освящением и искуплением*, чтоб было, как написано: “хвляющийся хвались Господом” (1 Кор. 1, 30–31).

#### Примечания

- <sup>1</sup> Бонхёффер отступает здесь от Лютеровского перевода, чтобы буквально передать греческий текст, на который и опирается в дальнейших рассуждениях. — *Примеч. пер.*
- <sup>2</sup> Источник этих перечислений можно видеть в словах Господа в Мк. 7, 21 сл.
- <sup>3</sup> “Но я жив, говорит верующий. Я живу перед Лицом Божиим, живу в его милости перед его судом; живу в его терпении, свете, любви; я совершенно избавлен от всех грехов; все мои счета в долговой книге погашены. Закон уже ничего от меня не требует, меня не принуждает, не проклинает. Я праведен перед моим Богом, как Он праведен; свят и совершен. как свят мой Бог, как совершен мой Отец на небесах. Меня объёмлет благоволение Божие; вот земля, где я стою, вот кров, под которым укрыт. Блаженство Божие и покой подьёмлет и несёт меня; там я дышу свободно и там я вечно блажен. Не имею и не творю уже грехов; с доброю совестью знаю, что я на Божьем пути и творю его волю, что всё во мне по его воле — иду или стою, сижу или лежу, бодрствую или сплю. И мысли мои и слова — тоже по его воле. Где бы я ни

был, дома ли, снаружи ли — все по его милостивой воле. Я Ему угоден, действую ли или покоюсь. Долг мой навеки погашен, а новых долгов, которых уже нельзя было бы погасить, я делать не могу. Меня хранит его милость, и я уже не могу грешить. Никакая смерть уже меня не убьет, я жив вечно как все Ангелы Божии. Бог уже не будет гневаться на меня или меня порицать; я навсегда избавлен от будущего гнева. Лукавый не будет меня искушать, мир никогда не поймает в свои сети. Кто отлучит нас от любви Божией? Если Бог за нас, то кто против нас?" (Кольбрюге).

- <sup>4</sup> Далее всякой общинной строгости и дисциплины, всегда служащей милосердию, даже дальше выдачи упрямого грешника сатане, Новый Завет знает самое страшное наказание — проклятие, анафему. Она уже не связана со спасением. Она есть предвосхищение Божьего приговора. В Ветхом Завете ей соответствует "херем", приводимый в исполнение над безбожником. Он означает окончательное отделение от общины: отлученного убивают. Из этого следует двоякий вывод: община уже ни при каких обстоятельствах не может терпеть и прощать отлученного. Поэтому он поручается Богу. Но, значит, отлученный одновременно проклят и все же свят, ибо выдан Богу. Но раз он, будучи проклят, принадлежит только Богу, то община уже не может по отношению к нему преследовать цель спасения. Что анафема означает отрыв от спасения, ясно из Рим. 9, 3; что анафема связана с эсхатологией — из 1 Кор. 16, 22. Что анафема постигнет того, кто сознательно своей проповедью разрушает Евангелие, говорит Гал. 1, 8 сл. Разумеется, отнюдь не случайно, что в единственном месте, где анафема направлена против конкретного лица, говорится о лжеучителе. *Doctrina est coelum, vita terra* (Учение — небо, жизнь — земля) (Лютер).
- <sup>5</sup> Доктринальная дисциплина не совпадает с общинной, поскольку последняя исходит из верного учения, то есть из верного употребления ключей, а первая борется против злоупотребления самим учением. Ложное учение губит источник общинной жизни и общинной дисциплины. Поэтому согрешить против учения хуже, чем согрешить поведением. Отнимающий у общины истинное Евангелие заслуживает неограниченного осуждения, а для согрешающего поведением Евангелие не потеряно. Доктринальная дисциплина относится в первую очередь к носителю учительной должности в Церкви. Первое условие — чтобы кандидат на соответствующую должность был "didaktikos", "умеющим учить" (1 Тим.

3, 2; 2 Тим. 2, 24; Тит. 1, 9), способен "и других научить" (2 Тим. 2, 2), чтобы никого не рукополагали поспешно, иначе его вина падет на рукоположившего. Таким образом, доктринальная дисциплина действует еще до призвания на учительную должность. От крайней добросовестности в этих решениях зависит жизнь и смерть общины. Но доктринальная дисциплина не кончается с поставлением на должность, напротив, только здесь по-настоящему и начинается. Сам оказавшийся пригодным служителем Церкви — Тимофей — нуждается в постоянном вразумлении, чтобы сохранилось верное, спасительное учение. Для этого ему особенно полезно читать Писание. Слишком опасны были бы его ошибки (2 Тим. 3, 10; 3, 14; 4, 2; 2, 15; 1 Тим. 4, 13, 16; Тит. 1, 9; 3, 8). Но необходимо напомнить и об образцовом поведении: "Вникай в себя и в учение" (1 Тим. 4, 13—16; Деян. 20, 28). Для Тимофея нет ничего оскорбительного в напоминаниях о целомудрии, смирении, беспристрастии, прилежании. Таким образом, всякой общинной дисциплине предшествует строгий надзор над ее служителями. Задача служителей — распространять верное учение и выступать против любых его извращений. Если явно возникнет какое-то ложное учение, то служитель обязан приказывать, "чтобы не учили иному" (1 Тим. 1, 3); ибо верное учение — его долг, и он может приказывать. Далее, он обязан предостерегать от словопрений (2 Тим. 2, 14). Если кто-то стал гласно "учить иному", то надо ему сделать "первое и второе вразумление". Если он не послушает, то нужно порвать общность с еретиком (Тит. 3, 10; 1 Тим. 6, 4 сл.); ибо он совращает общину (2 Тим. 3, 6 сл.). "Всякий, преступающий учение Христово и не пребывающий в нем, не имеет Бога". Такого лжеучителя надо не принимать в дом и не приветствовать (2 Ио. 10). Под видом лжеучителя идет Антихрист. Антихристом назван не грешник за его образ жизни, а только лжеучитель. Только к нему относится анафема из Гал. 1, 9. Соотношение общинной и доктринальной дисциплины таково: общинной дисциплины нет без доктринальной. Но не бывает и доктринальной дисциплины, которая не должна была бы вести к общинной. Павел упрекает коринфян за то, что они, возгордившись, устраивают расколы, а об общинной дисциплине забыли (1 Кор. 5, 2). Такой отрыв вопросов учения от вопросов образа жизни недопустим.

- <sup>6</sup> Различие между Павлом и Иаковом в том, что Иаков отрицает возможность самохвальства у смирения веры, а Павел —



у смирения дел. Иаков не оспаривает того, что человек оправдывается только верой, а, отвращая верующего от опасного самодовольства в его вере, указывает на дело послушания и тем самым призывает к подлинному смирению. А Павлу, как и Иакову, важно, чтобы человек действительно жил, надеясь на милость, а не на себя самого.

## ОБРАЗ ХРИСТА

“Кого Он предузнал, тем и предопределил (быть) подобными образу Сына Своего, дабы Он был первородным между многими братьями” (Рим. 8, 29). Тем, до кого дошел призыв пойти вслед Иисусу Христу, дано неизмеримо великое обещание — что они смогут стать подобными Христу. Они смогут носить его образ как братья первородного Сына Божьего. Последнее назначение ученика — чтобы он стал “как Христос”. Образ Иисуса Христа, который стоит постоянно перед глазами идущего вслед и перед которым исчезают все остальные образы, проникает в него, наполняет, преобразует, чтобы он стал похож на Учителя и даже подобен Ему. В повседневной общности образ Иисуса Христа запечатлевается в образе ученика. Идущий вслед не может просто смотреть на образ Сына Божьего безжизненным, праздным созерцанием, от этого образа исходит творческая сила. Целиком предавшийся Иисусу Христу будет и должен носить его образ. Он становится сыном Бога, он стоит рядом с Христом как с невидимым Братом того же образа, как подобие Бога.

Бог некогда создал Адама по своему подобию. Богу в Адаме — в завершении творения — был угоден собственный образ: “и вот, хорошо весьма”. В Адаме Бог узнал себя самого. Поэтому неразрешимая тайна человека с самого начала в том, что он сотворен и все же может быть подобен своему Творцу. Сотворенный человек может носить образ несотворенного Бога. Адам — “как Бог”. И он дол-

жен свою тайну — что он сотворен и все же богоподобен — нести благодарно и послушно. Ложь змея, которой он обманул Адама, была в том, что Адам будто бы еще только должен стать как Бог и сделать это сам и по собственному решению. Тогда Адам отверг милость и предпочел собственное действие. Адам захотел сам разрешить тайну своей сущности — сочетание сотворенности и богоподобия. Он захотел самостоятельно стать тем, чем уже был от Бога. В этом состояло грехопадение. Адам стал как Бог — *sicut deus* — по-своему. Он превратил в бога себя самого и оказался без Бога. Он властвовал один как бог-творец в обезбоженном, подчиненном мире.

Но загадка его бытия осталась нерешенной. Человек утратил собственную, богоподобную, сущность, полученную от Бога. Он живет вне своего сущностного предназначения — быть подобием Бога. Человек живет, не будучи человеком. Вот противоречие нашего бытия и источник всех наших бед. С тех пор гордые дети Адама пытались собственными силами восстановить в себе утраченный Образ Божий. Но чем серьезней, даже самозабвенней было их стремление обрести потерянное, и чем убедительней и величественней внешний успех, тем глубже противоречие с Богом. Безобразность, запечатлевавшаяся в них по образу измышленного ими бога, все больше, неведомо для них, походила на образ сатаны. Подобие Бога как милость Творца оставалось утрачено на этой земле.

Но Бог не забывает о падшем творении. Он хочет снова в нем создать свой образ. Бог хочет, чтобы его творение снова стало Ему угодно. Он ищет в нем собственный образ, чтобы этот образ любить. Но Он находит его лишь приняв сам из чистого милосердия образ падшего человека. Бог должен стать подобен человеческому образу, так как человек уже не может стать подобен образу Бога.

Образ Бога должен быть восстановлен в человеке. И речь идет обо всем человеке целиком. Не в том, чтобы он снова верно думал о Боге, не в том, чтобы свои отдельные поступки снова подчинял воле Бога, а в том, чтобы он как целое, как живое творение был образом Бога — вот в чем цель и предназначение. Весь человек — его тело, душа и дух — должен нести образ Бога на земле. Богу угодно только его полное подобие.

Образ возникает из жизни, из живого прообраза. Образ образуется из образа. Либо человеческий образ обра-

зуется по вымышленному образу Бога, либо образ человека отчеканивается в подобие Бога по истинному, живому образу самого Бога. Должно произойти преобразование, “метаморфоза” (Рим. 12, 2; 2 Кор. 3, 18), перемена образа, если падший человек должен снова стать образом Бога. Вопрос в том, как возможно такое превращение человека в Образ Божий.

Раз падший человек не может снова обрести и принять образ Бога, то есть лишь *один* способ помочь. Бог сам принимает образ человека и приходит к нему. Сын Бога, в божественном образе живущий с Отцом, отказывается от этого образа и в образе раба приходит к людям (Фил. 2, 5). Перемена образа, которая не могла произойти у людей, теперь происходит с самим Богом. Подобие Бога, которое в вечности пребывало с Богом, принимает теперь образ падшего, грешного человека. Бог посылает своего Сына в подобии греховной плоти (Рим. 8, 2 сл.).

Бог посылает своего Сына — лишь такой может быть помощь. Ни новая идея, ни лучшая религия не смогли бы достичь цели. К человеку приходит Человек. Всякий человек несет образ. Его тело и его жизнь зримы, явлены. Человек — не просто слово, мысль, идея, но он прежде всего и во всем — человек, образ, брат. Поэтому у него возникают не только новые мысли, желания, поведение, но и новый образ. В Иисусе Христе к нам пришло подобие Бога в образе нашей падшей человеческой жизни, в подобии греховной плоти. В учении и делах, жизни и смерти его образ становится явен. В Нем Бог заново сотворил на земле свое подобие. Вочеловечение, слова, дела Иисуса и его смерть на кресте неотъемлемо принадлежат этому образу. Это иной образ, чем был у Адама в великолепии рая. Это образ Того, кто вошел в мир греха и смерти, кто взял на себя нужду человеческой плоти, кто смиренно предал себя гневу и суду Бога над грешниками, кто оставался послушен воле Бога в смерти и страдании; рожденный в бедности, друг и сотрапезник грешников и мытарей, отверженный и покинутый на кресте Богом и людьми — вот Бог в человеческом образе, вот человек как новое подобие Бога!

Мы знаем, что знаки страдания, раны креста — теперь знаки милости на теле воскресшего и прославленного Христа, что образ Распятого живет в славе вечного Первосвященника, молящегося за нас на небесах перед Бо-

гом. Из рабского образа Иисуса в пасхальное утро восстало новое тело в небесном образе и славе. Но тот, кто хочет, по обещанию Бога, стать причастен славе Иисуса, должен прежде уподобиться его образу послушного, страдающего раба Божьего на кресте. Кто хочет носить преображенный образ Иисуса, тот должен понести поруганный в мире образ Распятого. Никто не обретет утраченное подобие Бога, если не станет причастен образу вочеловечившегося и распятого Иисуса Христа. Лишь этот образ угоден Богу. Лишь тот, кто предстает перед Ним в этом образе, угоден Богу.

Уподобиться образу Иисуса Христа — это не заданный нам идеал осуществления какого-то сходства с Иисусом. Не мы превращаем себя в подобие, но само подобие Бога, сам образ Христа хочет в нас изобразиться (Гал. 4, 19). В нас хочет стать явным его собственным образ. Христос не прекращает трудиться над нами, пока не приведет нас в образ Христов. Мы должны уподобиться всему образу *Вочеловечившегося, Распятого и Прославленного*.

Христос принял *человеческий образ*. Он стал человек как мы. В его человечестве и униженности мы узнаём наш собственный образ. Он стал подобен людям, чтобы они стали подобны Ему. В вочеловечении Христа все человечество снова получило достоинство богоподобия. Кто теперь поднимет руку на малейшего из людей, поднимет руку на Христа, принявшего человеческий образ и восстановившего подобие Бога в каждом, кто носит человеческий облик. В общности с Вочеловечившимся нам снова дарована наша собственная человечность. Мы вырваны из раздробленности греха и дарованы целостному человечеству. Поскольку мы причастны вочеловечившемуся Христу, постольку мы причастны и человечеству, которое он понес. Раз мы знаем, что в человечестве Иисуса приняты и понесены и мы сами, то и наша новая человечность состоит в том, что мы несем нужду и вину других. Вочеловечившийся превратил своих учеников в братьев всем людям. “Филантропия” (Тит. 3, 4) Бога, ставшая явной в вочеловечении Христа, основывает братскую любовь христиан ко всякому человеку на земле. Образ Вочеловечившегося делает общину телом Христовым, на которое падает грех и нужда всего человечества и которое одно их несет.

Образ Христа — это *смертный образ* Распятого. Подобие Бога — это образ Иисуса Христа на кресте. В этот об-

раз и должна преобразиться жизнь ученика. Это жизнь в образе смерти Христовой (Фил. 3, 10; Рим. 6, 4 сл.). Это жизнь сораспявшегося (Гал. 2, 19). В крещении Христос запечатлевает образ своей смерти на жизни своих верных. Умерший для плоти и греха, христианин мертв для этого мира и мир мертв для него (Гал. 6, 14). Живущий крещением живет своей смертью. Христос отмечает жизнь своих верных ежедневным умиранием в борьбе духа с плотью, в ежедневном страдании смертной муки, которую дьявол причиняет христианину. Это страдание самого Иисуса Христа, которое должны терпеть на земле и все его ученики. Христос удостаивает жизнь лишь немногих идущих Ему вслед теснейшей общностью своего страдания, общностью мученичества. В нем жизнь ученика выказывает самое глубокое подобие смертному образу Иисуса Христа. В открытом позоре, страдании, в смерти ради Христа Христос обретает в своей общине видимый образ. Но от крещения и до мученичества — страдание все то же, все та же смерть. Распятый восстанавливает подобие Бога в человеке.

Кто стоит в общности с Вочеловечившимся и Распятым и в ком Он обрел образ, тот уподобится и *Прославленному и Воскресшему*. “Будем носить и образ небесного” (1 Кор. 15, 49). “Будем подобны Ему, потому что увидим Его, как Он есть” (1 Ио. 3, 2). Как образ Распятого, так и образ Воскресшего будет преобразовывать тех, кто его видит. Кто смотрит на Христа, тот войдет в его образ, уподобится Ему, станет зеркалом божественного образа. Уже на этой земле в нас отразится слава Иисуса Христа. Из смертного образа Распятого, в котором мы живем, уже в нужде и на кресте воссияет слава и жизнь Воскресшего и все глубже будет преобразование человека в божественное подобие, все яснее образ Христа в нас; это восхождение от познания к познанию, от ясности к ясности, ко все более совершенному подобию образа Сына Божьего. “Мы же все, открытым лицом, как в зеркале, взирая на славу Господню, преобразуемся в тот же образ от славы в славу” (2 Кор. 3, 18).

Так Иисус Христос вселяется в наше сердце. Жизнь Иисуса Христа на этой земле еще не завершена. Христос живет в жизни идущих Ему вслед. Не о нашей жизни как христиан надо говорить, а об истинной жизни Иисуса Христа в нас. “И уже не я живу, но живет во мне Хри-

стос" (Гал. 2, 20). Вочеловечившийся, Распятый, Прославленный вошел в меня и живет моей жизнью. "Для меня жизнь — Христос" (Фил. 1, 21). А с Христом во мне живет и Отец; и Отец и Сын живут во мне Святым Духом. В христианине обитает, его наполняет, делает его своим подобием сама святая Троица. Вочеловечившийся, распятый и прославленный Христос принимает образ в отдельных людях, ибо они суть члены его тела — Церкви. Церковь несет образ человека, образ смерти и образ воскресения Иисуса Христа. Она есть его образ, подобие (Еф. 4, 24; Кол. 3, 10), а значит — и все ее члены. В теле Христовом мы стали "как Христос".

И становится понятно, почему Новый Завет постоянно говорит о том, что мы должны быть "как Христос" (kathos Christos). Раз мы превращены в подобие Христа, мы должны быть как Христос. Раз мы уже несем образ Христа, то только поэтому может Христос быть "прообразом", которому мы следуем. Раз Он сам истинно живет в нас, то мы можем "поступать так, как Он поступал" (1 Ио. 2, 6), делать то же, что Он сделал (Ио. 13, 15), жить в любви, "как и Христос возлюбил" (Еф. 5, 2; Ио. 13, 14; 15, 12), прощать, "как Христос простил" (Кол. 3, 13), иметь "те же чувствования, какие и во Христе Иисусе" (Фил. 2, 5), то мы можем следовать примеру, который Он нам оставил (1 Петр. 2, 21), отдавать нашу жизнь за братьев, как Он отдал за нас (1 Ио. 3, 16). Лишь потому можем мы быть как Он, что Он был как мы. Лишь потому можем мы быть "как Христос", что мы Ему уже уподоблены. Будучи превращены в образ Христа, мы можем жить по его прообразу. Так действительно совершаются поступки, так в простоте хождения вслед идет жизнь, подобная Христу. Так совершается простое послушание слову. Ни взгляда уже не падает на мою собственную жизнь, на новый образ, который я ношу. Захоти я на него посмотреть, я бы в то же мгновение его утратил. Он — только зеркало для образа Иисуса Христа, на который я и смотрю неотступно. Идущий вслед смотрит лишь на Того, кому он следует. А о том, кто, идя вслед, несет образ вочеловечившегося, распятого и прославленного Иисуса Христа, о том, кто стал подобием Бога, можно наконец сказать, что он призван "подражать Богу". Идущий вслед Иисусу подражает Богу. "Итак, подражайте Богу как чада возлюбленные" (Еф. 5, 1).

## ПОСЛЕСЛОВИЕ

Незадолго до Рождества 1937 г. в мюнхенском евангелическом издательстве "Кайзер" вышла книга "Хождение вслед" (Nachfolge). Автором книги был молодой пастор, руководитель пасторской школы Исповедующей церкви, получивший прекрасное богословское и светское образование, приват-доцент теологического факультета Берлинского университета (к тому времени уже уволенный), Дитрих Бонхёффер (1906—1945). "Хождение вслед" стало одной из классических книг евангелической теологии и церкви XX в., да и всего современного христианства, а ее автор — мучеником за истину и любовь Иисуса Христа. Эта книга — глубокое духовное размышление о хождении вслед за Иисусом из Назарета, к которому тот, согласно свидетельству первых трех евангелий, призвал всех людей независимо от возраста, социального положения, пола и национальности и к которому Он по сей день призывает через проповедь и таинства своей Церкви. В основе книги лежит яркое, пожалуй даже драматичное, истолкование Нагорной проповеди (Мф. Гл. 5—7) и тех мест из евангелий, где говорится о призвании (Мк. 2:14; Лк. 9:57—62; Мф. 19:16—22), а также Павловых посланий. Глубоко продуманная в богословском отношении эта книга стала также гениальной попыткой заново, в XX в., сформулировать принципы евангелической теологии.

Своих вершин, на мой взгляд, книга достигает в частях, посвященных толкованию гл. 5—6 Евангелия по Мат-

фею, и в заключительной главе. Эти места, как и всю эту духовную книгу, можно верно понять, если только читать ее духовно, т. е. очень медленно, постоянно возвращаясь к прочитанному, возможно, имея под рукой Библию, что поможет правильно воспринимать текст и его богословское содержание.

Главный результат, к которому приходит Бонхёффер, можно сформулировать так: хождение вслед, а значит жизнь в настоящем, жизнь перед лицом требований и одновременно под покровительством как земного Иисуса из Назарета, так и воскресшего и одесную Отца сидящего Сына есть милость, есть радость, есть любовь, прежде всего любовь к врагам. И это хождение вслед за Ним преобразует и освобождает.

Хождение вслед есть милость, а значит, дар Бога, потому что кто встречает Иисуса Христа, следует Его призыву, принимает Его наставления, идет путями Его жизни, тот встречает самого Бога, Отца.

Хождение вслед есть радость, потому что путь вместе с Иисусом “будет милостив сверх меры” (с. 10).

Хождение вслед есть любовь, потому что в Иисусе Христе воплотилась любовь Бога к людям, притом ко всем людям, как верующим, так и неверующим. Любовь Бога преобразует людей: те, кого любит Бог, способны отдавать эту любовь другому, в том числе и врагу, т. е. тому, кто охвачен ненавистью и в особенности нуждается в любви. Любовь к врагу — это “чрезвычайное”, это и есть подлинно христианское (с. 98 сл.). В мнимоевангелической и мнимохристианской этике любовь к Христу растворяется — и Бонхёффер видит в этом опасность — в любви к родине, в дружбе, в ремесле. Но «Иисус этого не говорил. Христианское связано с “чрезвычайным”» (с. 98)... “Что такое чрезвычайное?” Ответ, которым Бонхёффер пытается выявить подлинно христианское, центральное в христианском, находится в середине книги, а также в ее заключительной главе. Текст, который мы далее читаем, выходит за рамки теологической рефлексии, у него появляется совершенно новое качество: он становится образным. Чрезвычайное — “это существование названных блаженными, кто идет вслед... это путь самоотречения, путь полной любви”. Этот путь обозначается отвлеченными понятиями: “чистота, правдивость, ненасилие”, — но каждое понятие характеризуется прилагатель-

ным “полный”, благодаря чему возводится на качественно новую ступень и — хотя об этом прямо не говорится — описывает божественную полноту.

Итак, читаем: “это путь... полной любви, полной чистоты, полной правдивости, полного ненасилия”. После столь общего утверждения может последовать, а у Бонхёффера обязательно последует, конкретное пояснение. Чрезвычайное — “это безраздельная любовь к врагу, к тому, кто никого не любит и кого не любит никто; любовь к врагу религиозному, политическому, личному”. Поскольку любовь к врагу у того, кто идет вслед за Иисусом Христом, становится возможной лишь через любовь и крест Иисуса Христа, Бонхёффер заключает этот большой отрывок следующими словами: “Во всех своих частях это путь, завершение которого — крест Иисуса Христа... Это любовь самого Иисуса Христа, в страдании и послушании всходящая на крест, это крест”.

Этими словами Бонхёффер проникает в сердцевину христианской веры, а значит, они касаются любой конфессии, в том числе и восточного христианства. Мне кажется, что здесь голос Бонхёффера сливается с голосами Владимира Соловьева и Павла Флоренского, о чем он сам не подозревает, и все они звучат в унисон с гимном любви из 13-й главы Первого послания к коринфянам.

С Владимиром Соловьевым Бонхёффера связывает обусловленная сильным влиянием Карла Барта христоцентричность как в теологии, так и в духовной жизни. В соловьевской “Краткой повести об Антихристе” на вопрос Антихриста: “Что всего дороже для вас в христианстве?”, старец Иоанн, возвышающийся как белая свеча, “кротко” отвечает: “Всего дороже для нас в христианстве сам Христос, — Он Сам, а от Него все, ибо мы знаем, что в Нем обитает вся полнота Божества телесно”<sup>2</sup>.

В евангелической теологии после Первой мировой войны формула такой христоцентричности сначала была предложена Карлом Бартом и потом записана в качестве пункта веры в первом тезисе Барменской декларации первого Исповеднического синода Германской Евангелической Церкви в 1934 г.:

“Иисус Христос, как Он засвидетельствован нам в Священном Писании, есть единое Слово Бога, которое мы должны слушать, которому мы должны доверять и покоряться в жизни и смерти.

Мы отвергаем ложное учение о том, что Церковь якобы может и должна признавать в качестве источника своего провозвестия помимо этого единого Слова Бога и рядом с ним еще и другие события и силы, образы и истины как откровение Бога”<sup>3</sup>.

Таким образом, Дитрих Бонхёффер со своим принципом “хождения вслед” как пути вместе с Иисусом Христом и даже пути самого Иисуса Христа смыкается как с богословской традицией восточного христианства, так и с традицией, представленной Карлом Бартом и Исповедующей церковью.

Хождение вслед преображает человека. Только воплощение Сына делает возможным хождение вслед: кто идет вслед за Иисусом Христом, проходит с Ним через жизнь, страдания, смерть на кресте, тот будет преображен Воскресшим для новой жизни, “уподобится и Прославленному и Воскресшему” (с. 213) — и притом уже в этой жизни. “Уже на этой земле в нас отразится слава Иисуса Христа” (с. 213). Верующие все глубже и глубже преобразуются в божественное подобие, в образ Христа. “Жизнь Иисуса Христа на этой земле еще не завершена. Христос живет в жизни идущих Ему вслед”. Но с Христом в сердце идущих Ему вслед вселяются также Отец и Дух. Поэтому хождение вслед становится преображающим действием, действием Св. Троицы — и происходит это не в отдельных людях, это — воздействие на верующих в общине, т. е. в Церкви. Посвященная этой теме заключительная глава книги (и ее вторая кульминация) — это идущее из глубины, нескончаемое ликование, порождаемое силой Воскресения, Пасхи, радостная хвала Троице. Все, что есть в мыслях и чувствах Бонхёффера, проистекает из древней церковной традиции, которую он хорошо знал из богословских занятий в Берлине. В этом Бонхёффер близок братьям и сестрам восточной церкви, которые восхваляют Св. Троицу в гимнах изумительного по красоте богослужения и в этом пении устремляются к Богу.

Хождение вслед освобождает. Всякое хождение вслед — это хождение вслед Воскресшему, т. е. Иисусу Христу, который сопричастен жизни Бога. Тем самым хождение вслед есть (или будет) в высшей степени динамичное, творческое, живое событие. Настоящее хождение вслед открывает идущему, а вместе с ним общине и Церкви, нечто новое, неожиданное, поистине чрезвычайное.

Например, св. Франциск Ассизский в богатой и могущественной церкви своей эпохи усмотрел неотразимую силу бедности, которая высвобождает любовь ко всем людям и всему Божьему творению, рождает вокруг себя мир, так как ей не нужно защищать себя силой оружия.

Примером хождения вслед служит также жизнь св. Сергия Радонежского, который творчески нашел свой собственный путь. (Я опираюсь на древнейшее житие в летописи<sup>4</sup>, а не на его более поздние, упрощенные переписки.) Сергей, обойдя стороной богатые монастыри того времени, удалился в дикий лес, или, как говорят в России, в пустынь. Здесь он открыл для себя и последующих поколений монахов “божественное безмолвие”, т. е. полное сосредоточение своей жизни на Боге. Эту жизнь в Боге он вел подчас в полном одиночестве, так как его брат вернулся в Москву. Когда духовный авторитет Сергия был уже высок и к нему стали приходить братья, маленькие братства, чтобы жить под его духовным руководством, он открывался им лишь неохотно и не сразу. Эту стадию сосредоточенности и общения лишь с очень маленьким кругом людей можно в определенном смысле сравнить с “Хождением вслед” у Бонхёффера, его сосредоточением на Иисусе Христе и жизнью в стенах пасторской школы. Эта жизнь регламентировалась строгим распорядком дня и молитвы, что создавало условия для медитации. Такая жизнь обладала всеми признаками монашеской жизни — духовной практики, незнакомой евангелическому христианству тридцатых годов XX в.

Кроме того, оба — и Сергей и Бонхёффер — были чутки к проблемам своего времени, своего народа, своей церкви. Монахи, воспринявшие традицию, у истоков которой стоял св. Сергей, освоили северо-западные русские земли. Сам Сергей благословил освободительную борьбу великих князей московских с татарами. Бонхёффер стал участником заговора против тоталитарного гитлеровского государства.

Конечно, хождение вслед — это в высшей степени мирское деяние и творческий процесс. Только нужно ясно понимать, что Бонхёффер прежде всего теолог и христианин; его богословие, осознание им того, что любовь Бога относится ко всем людям, а значит, Церковь должна быть церковью для других, что полноценная вера непременно должна проявиться в ответственности за мир — все это привело его в политику и немецкое сопротивление.

Но начался путь Бонхёффера и его друзей в Церкви. Необходимо было воспрепятствовать национал-социалистскому государству и группе христиан, с ним связанных, т. н. "Немецким христианам", ввести в Германскую Евангелическую Церковь арийский параграф, согласно которому пасторы еврейского происхождения должны быть отстранены от службы в церкви. Необходимо было решительно защитить себя от попытки Немецких христиан (поначалу успешной) встать во главе Церкви. В сентябре 1933 г. по инициативе Мартина Нимеллера и Дитриха Бонхёффера был создан Союз пасторов, а в течение 1934 г. возникла Исповедующая церковь. На Исповедническом синоде в Бармене (май 1934 г.) богословски, а на синоде в Далеме (октябрь 1934 г.) юридически и организационно Исповедующая церковь и вместе с ней Бонхёффер отмежевались от Немецких христиан, которые в первых успехах Гитлера и подъеме национал-социализма видели историческое событие религиозного значения. Исповедующая церковь отказалась признать рядом с Иисусом Христом как единым словом Бога "еще и другие события и силы, образы и истины". Это была недвусмысленная отповедь национал-социализму на богословском и церковно-политическом уровнях. Позитивное содержание барменского исповедания — утверждение тесного, наитеснейшего единения с Иисусом Христом, единым словом Бога (полную цитату см. выше). Конечно, это была не политическая, а внутрицерковная оппозиция, однако Церковь своим свидетельством и своим действием создала предпосылки для свободного поступка и сопротивления.

В Далеме Исповедующая церковь сделала церковно-правовые и церковно-организационные выводы из Барменской декларации. Она выработала церковно-каноническую основу для своих притязаний быть законной, подлинно евангелической, церковью Германии. Напротив, руководимая Немецкими христианами государственная церковь пыталась представить Исповедующую церковь как незаконную и относилась к ней как к незаконной. Исповедующая церковь создала свою собственную организацию и руководство и даже систему подготовки пасторов. В рамках этой системы вернувшийся из Лондона в Германию Дитрих Бонхёффер взял на себя руководство пасторской школой<sup>5</sup> в Финкенвальде (каждый выпуск которой насчитывал 20—30 слушателей-мужчин). В то время

**Бонхёффер Д.**

Б 76 Хождение вслед / Пер. с нем. Г.М. Дашевского; Отв. ред. С.В. Тищенко. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2002. 226 с.

ISBN 5-7281-0382-0

"Хождение вслед" — одно из самых значительных сочинений Дитриха Бонхёффера (1906—1945), крупнейшего лютеранского теолога XX в., участника антинацистского церковного сопротивления, известного русскому читателю по книге "Сопротивление и покорность" (М., 1994). В своих размышлениях (в подполье, затем в тюрьме) Бонхёффер затрагивает основы христианской веры и дает честные ответы на радикально поставленные вопросы.

Для широкого круга читателей.

*Научное издание*

Дитрих Бонхёффер  
ХОЖДЕНИЕ ВСЛЕД

Редактор  
*О.Б. Константинова*  
Художественный редактор  
*М.К. Гуров*  
Корректор  
*Н.П. Гаврикова*  
Технический редактор  
*Г.П. Каренина*  
Компьютерная верстка  
*Н.Н. Аксеновой*

ИД № 55992, выд. 05.10.2001.  
Подписано в печать 06.02.2002.  
Формат 84х108<sup>1</sup>/<sub>32</sub>.  
Усл. печ. л. 12,0.  
Уч.-изд. л. 12,5.  
Тираж 1500 экз.  
Заказ 39

Издательский центр РГГУ.  
125267, Москва, Миусская пл., 6.  
Тел. 973-4200.